

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2017. Т. 23

№ 1 (159)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2017. Vol. 23

№ 1 (159)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

В. В. Алексеев, акад. РАН
А. Е. Аникин, акад. РАН
А. В. Головнев, чл.-корр. РАН
С. В. Гольнец, акад. РАН
К. Н. Любути, проф. УрФУ
А. В. Перцев, проф. УрФУ
Ю. С. Пивоваров, акад. РАН
А. В. Черноухов, проф. УрФУ

Т. Е. Автухович, проф. (Белоруссия)
Д. Беннер, проф. (Германия)
Дж. Боулт, проф. (США)
П. Бушкович, проф. (США)
Л. Инчуань, проф. (Тайвань)
Н. Коллман, проф. (США)
К. Кроо, профессор (Венгрия)
Дж. Майклсон, проф. (США)
А. Мустайоки, проф. (Финляндия)
Б. Ю. Норман, проф. (Белоруссия)
М. Перри, проф. (Великобритания)
Х. Рюсс, проф. (Германия)
Г. Саймонс, проф. (Швеция)
А. Федотов, проф. (Болгария)
К. Хьюитт, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор
В. М. Амиров,
канд. филол. наук, доц.

Ответственный секретарь
Л. А. Хухарева

Члены редколлегии
Б. Н. Лозовский,
докт. филол. наук, доц.
М. М. Ковалева,
докт. филол. наук, проф.
В. Ф. Олешко,
докт. филос. наук, проф.
И. В. Зиновьев,
докт. филос. наук, доц.
Э. В. Чепкина,
докт. филол. наук, доц.
Н. С. Глуханок,
докт. психол. наук, проф.
И. А. Ершова,
канд. филос. наук, доцент
Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.
А. П. Чудинов,
докт. филол. наук, проф.
Н. Б. Кириллова,
докт. культурологии, проф.
Т. А. Галеева,
канд. искусствоведения, доц.
Т. Ю. Быстрова,
докт. филос. наук, доц.
Г. Е. Зборовский,
докт. филос. наук, проф.
Р. Коул, проф. (США)
В. Батмаз, проф. (Турция)
Лей Юцзе, проф. (Китай)

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Ильина О. В., Халуторных Е. А.* Дискурсивные практики региональной идентификации россиян в медиатекстах (на примере газеты «Искра» Кунгурского района)..... 5
- Юферева А. С.* Медиаконвергенция как процесс формирования новых стратегических возможностей для средств массовой коммуникации..... 14
- Антропова В. А., Зиновьев И. В.* Христианское телевидение в России: опыт православного канала «Союз»..... 24
- Асташова О. И.* Национально-гражданская идентичность россиян в религиозном медиадискурсе 33
- Голоусова Е. С., Драницина К. Г.* Особенности освещения миграционного кризиса в Европе мировыми информационными фотоагентствами..... 41
- Булевская С. А.* Гендерные стереотипы в мужских глянцевах журналах: формат издания и специфика образа идеального мужчины..... 47
- Ващук М. А.* К вопросу о гендерных особенностях спортивной фотожурналистики 55
- Литовская Е. В.* Использование образа пацана в кулинарном дискурсе: на материале кулинарного сообщества «Пацанские рецепты: (Нажорка18+)» 62
- Галкина Ю. М.* Создание французской информационно-пропагандистской системы в России (1915–1916 гг.) 68

ПСИХОЛОГИЯ

- Юртаева М. Н., Глуханюк Н. С.* Потенциал исследования конструкта «толерантность к неопределенности» в современной психологии 74
- Любякин А. А., Павлова Т. А.* Исследование субъективного благополучия и толерантности у студентов 80
- Чаликова О. С.* Личностные предикторы профессиональной успешности технических специалистов 86
- Вильгельм А. М., Вильгельм А. В.* Исследование представлений уча-

щихся о коммуникативной культуре учителя 93

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Лихачева Л. С., Нестеровская Е. В.* Отношение экспертов к нормативным границам и гендерным аспектам в произведениях современного искусства (по материалам социологического исследования) 102
- Головнева Е. В., Головнев И. А.* Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход 114
- Улитина Н. М.* Тайны человеческого бытия в социокультурном контексте творчества М. Ю. Лермонтова 124
- Степанова Т. М., Степанов А. В.* Иконика: законы композиции..... 133
- Кимеева Т. И.* Методика сбора материала по художественному наследию коренных народов Притомья: конец XIX — начало XXI в..... 142

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Шуклина Е. А., Певная М. В.* Высшее образование и институт работодателей: проблемы эффективности межинституциональных взаимодействий 155

ВОСТОЧНЫЙ МЕРИДИАН

- Корнеева Л. И., Ма Жуной.* Межкультурная коммуникация в обучении китайскому языку как иностранному 164

УГОЛ ЗРЕНИЯ

- Дорошенко В. А., Запарий В. В.* Об истоках и последствиях кампании по борьбе с «космополитизмом» в СССР в 1940-е гг..... 171

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Олешко Е. В.* Газета как артефакт современного коммуникационного пространства (рец. на кн.: Как сохранить читателя: Опыт газет России. — М. : Изд-во Союза журналистов РФ, 2016. — 264 с.).. 180
- S u m m a r y 184

УДК 811.161.1'42 + 070.23(1-37) + 351.85

О. В. Ильина
Е. А. Халуторных

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН В МЕДИАТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ИСКРА» КУНГУРСКОГО РАЙОНА)*

Идентичность рассматривается как дискурсивный феномен. Выявляются тематические направления региональной идентификации: географическое, историческое, культурное, личностное. Анализируется позиция говорящего по отношению к идентификации. Констатируется сложный характер региональной идентичности, вступающей во взаимодействие с национально-гражданской идентичностью через дискурсивные практики включения (часть/целое).

К л ю ч е в ы е с л о в а: региональная идентичность; национально-гражданская идентичность; дискурсивные практики; идентификация; русский язык.

Сегодня в российском обществе сосуществуют два противоположных по направленности процесса. С одной стороны, активно формируется объединяющая россиян национально-гражданская идентичность, с другой стороны, обратный процесс — стремление отдельных территориальных общностей к обособлению, сохранению и утверждению самости и уникальности. Представители различных народов борются за сохранение языка, традиций, норм и ценностей. Различные регионы страны утверждают свою идентичность на основе географической, экономической, исторической и культурной общности [1, 4]. Однако сосуществование

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт “информационная война” как мобилизационный фактор идентификации» № 16-04-00460.

ИЛЬИНА Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: ilina.usu@gmail.com).

ХАЛУТОРНЫХ Елена Александровна — студентка 3-го курса Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Kh.Helena-al@yandex.ru).

© Ильина О. В., Халуторных Е. А., 2017

и взаимодействие национально-гражданской и региональной идентичности возможно на неконфликтной основе [6].

В рамках проекта «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт “информационная война” как мобилизационный фактор идентификации» (руководитель — Л. В. Енина) под национально-гражданской идентичностью россиян мы понимаем «смыслы отнесения себя или группы лиц к общности, объединяемой на основе русского языка, ценностей русской/российской культуры, связи с территорией государства и др. При этом национально-гражданская идентичность не сводится к этнической, государственной или территориальной принадлежности, но нелинейно соотносится с ними». Когда мы говорим о региональной идентичности, то имеем в виду отнесенность к определенной местности — краю, району, округу (региональный — «местный, относящийся к какой-н. определенной области, региону», местный — «относящийся к определенной местности; свойственный или присущий только ей, здешний», местность (во втором значении) — «край, район, округ» [7]), при этом территориальная принадлежность является базовым, но не единственным фактором региональной идентификации.

В данном исследовании мы обратимся к дискурсивно-стилистическому анализу практик конструирования региональной идентичности в медиатексте, а также рассмотрим практики взаимодействия региональной и национально-гражданской идентичности. Материалом нашего исследования послужили тексты газеты «Искра» — газеты г. Кунгура и Кунгурского района¹. Всего отобрано 180 текстов за период с 1 декабря 2009 г. по 1 июня 2016 г.

Для начала обозначим специфику дискурсивного подхода к исследованию идентичности. В российских лингвистических исследованиях идентичности доминирует когнитивный метод. Согласно этому подходу, идентичность — это совокупность закрепленных в индивидуальном и групповом сознании представлений об общей группе [2]. Дискурсивный подход рассматривает идентификацию как динамический, непрерывный процесс, как постоянное утверждение своей идентичности в речи. «Идентичность является дискурсивной категорией, т. е. субъект не “проявляет” ее как нечто скрытое в недрах его души, он “присваивает” ее в момент говорения, в момент пользования языком, в момент производства смыслов коммуникации» [3, 31].

Однако язык, как средство выражения идентичности и реализации идентификации, сближает данные подходы, поэтому мы утверждаем, что идентичность (в виде особых смыслов и знаков, выражающих данные смыслы) существует в речи, в дискурсе, и не претендуем на анализ сознания индивида.

В медиатексте сигналами или маркерами выражения идентичности становятся языковые единицы. Базовую группу сигналов образуют языковые средства, содержащие прямую отсылку к территориальной принадлежности, — *кунгуряк*, *житель кунгурского района*, *Кунгур*, *кунгурский*. Отдельно можно выделить существительное *край*, которое выступает как обозначение определенной местности,

¹ В материалах указываем дату выхода и номер выпуска, название газеты опускаем.

особенно в сочетаниях *родной край, любимый край, Кунгур — край родной*. К маркерам территориальной идентичности исследователи относят и слова с семантикой принадлежности к данной территории. Это прилагательное *родной: родной город, родной Кунгур*.

Как пишет Н. А. Купина, самым ярким вербальным сигналом идентичности также являются номинации, «реализующие значения личностной принадлежности, причастности к коллективному» [5, 142]. В газете «Искра» мы находим тексты, содержащие данные маркеры. Это словосочетания с местоимением *наш: наш мэр, наш Пермский край, наш город, наш гениальный комедиограф, наш праздник, наш завод*, с прилагательным *общий: общий праздник, общая ярмарка, общее дело*. Указанные словосочетания передают семантику принадлежности, свойственности группе, характерности для определенной группы, связанности какими-либо отношениями. Например: *Ежегодный фотоконкурс «Любимый Кунгур» позволяет посмотреть на наш город с новой, порой необычной, порой романтической, стороны*² (2015. № 126, 14 нояб.).

Показательным является и наличие в газете рубрики «Земляки», название которой является вербальным сигналом территориальной идентичности. *Земляк* — уроженец одной с кем-либо местности [7].

Далее анализ дискурсивных практик региональной идентификации мы проводим по следующей методике: выявляем тематические направления идентификации (этническая, экономическая, политическая, историческая и др.), фиксируем оценку идентификации с позиции говорящего (позитивная, негативная, не определяется) и позицию говорящего по отношению к идентификации (включает себя, отказывается, не определяется).

Как показало наше исследование, в региональной идентификации преобладают следующие тематические направления: географическое, историческое, культурное и личностное. Рассмотрим выявленные направления идентификации Кунгура и Кунгурского района подробнее.

1. Географическое направление региональной идентификации является базовым, так как связь с местностью, признание себя кунгуряком, жителем Кунгурского района по происхождению, по рождению становятся основанием для определения самости и уникальности. Например:

— Почему вы выдвинули свою кандидатуру на конкурс по выборам главы города? — Во-первых, потому что я **коренной кунгуряк** (2015. № 101, 17 сент.); Когда я общаюсь с людьми серьезного возраста, они говорят, что вообще не надо было придумывать никаких разъединений — в былое время **все были кунгуряками**, и никто не делил, что ты **кунгуряк городской**, а ты **кунгуряк сельский**. И все проблемы как-то решались (2015. № 111, 10 окт.).

В текстах газеты «Искра» мы часто встречаем суждения об уникальной природной составляющей Кунгурского района, пространства города. Реализуется смысл «уникальная местность, природа». Например:

² В иллюстрациях речевые и иные погрешности не отмечаются и не комментируются.

Кунгурская Ледяная пещера полезна для здоровья как спелеокамера. **Пещера в Кунгуре** действительно удивит всех нас, если однажды станет всероссийской здравницей! (2011. № 50, 5 мая); Ледяная пещера — **в лидерах конкурса «Чудо России»**. Сейчас разворачивается нешуточная борьба. Давайте вместе вырваться вперед (2012. № 144, 1 дек.).

2. Историческое направление региональной идентификации. Центральной исторической темой для кунгурской прессы является период развития купечества в городе:

Старинный купеческий город Кунгур интернет-пользователи вновь выбрали одним из лучших мест для романтического отдыха (2015. № 5, 20 янв.); **Кунгур — город купеческий. Кунгурское купечество** с его твердой хваткой и благотворительными традициями задавало тон жизни города (2015. № 40, 18 апр.).

Особое внимание уделяется роли Кунгура в развитии чайной торговли в России:

— **Кунгурские купцы** развивали российско-китайскую **чаеоторговлю**. 70 процентов чая шло в Российскую империю через Кунгур. И сегодня все мы заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве, — сказал во время приема делегации заместитель председателя правительства Пермского края, министр территориального развития Роман Кокшаров (2015. № 115, 20 окт.).

В районной газете всегда отмечаются и актуальные знаковые даты, которые играют важную роль в жизни территории:

Эстафета Олимпийского огня «Сочи-2014» — это **грандиознейшее событие** для **провинциального уральского города Кунгура**. Кунгуряки уже сегодня осознают, что такое событие может случиться раз в жизни. Поэтому рабочая группа, понимая всю ответственность и торжественность предстоящего мероприятия, думает над тем, как поднять национальный дух спортивного праздника. Кунгур, навстречу Эстафете! (2013. № 10, 29 янв.).

Историческая тема связана и с архитектурным обликом города: некоторые исторические здания стали символами города. Например:

Не каждый населенный пункт может похвастаться сохранившимся **Гостиным двором** постройки 19 века (2015. № 79, 28 июля); **Гостиный двор, шикарные купеческие дома, сохранившиеся до наших дней, ценные памятники истории и архитектуры** — благодаря этому Кунгур можно назвать музеем под открытым небом и идеальным местом для прогулок (2015. № 10, 31 янв.).

Отметим значимое отсутствие советского периода в идентификации Кунгура и Кунгурского района. В текстах газеты «Искра» проводится прямая линия между современной (постсоветской) и дореволюционной жизнью территории. Реалии советского прошлого упоминаются, но не получают ценностной связи с региональной идентичностью. Лишь немногие события в истории СССР подаются как значимые для региональной идентификации. Это, например, Великая

Отечественная война, которая упоминается в связи с календарным информационным поводом — Днем Победы, а также в портретных зарисовках как важный этап жизни героя-кунгуряка:

Прошел праздник — 9 мая, посвященный 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. В **Кунгуре** он поистине стал **общим для всех горожан** (2015. № 53, 26 мая); Поисковик из Калуги Александр Соколов обратился к президенту России с ходатайством о присвоении звания Героя Советского Союза **нашему земляку** Григорию Пигасову. **О ратных подвигах молодого кунгуряка в годы войны** в его **родном городе** до сей поры никто не знал (2012. № 19, 21 февр.).

Великая Отечественная война становится поводом не для утверждения самости, уникальности региона, а, наоборот, для указания на тождественность, на единение со всей страной. Это одна из точек пересечения национально-гражданской и региональной идентичности (см. об этом подробнее далее).

3. Культурное направление региональной идентификации. Региональная идентичность может быть основана на традициях, нормах поведения, религии, традиционных промыслах и др.

Так, основанием для региональной идентификации в газетных текстах становится не только историческая роль города в развитии чайной торговли, но и традиции чаепития:

А больше всего экспертов впечатлило **чаепитие, организованное в народных традициях**.

— У **Кунгура** сильная позиция в качестве **чайной столицы**. Это ваша история, — сказал эксперт, экс-министр культуры Пермского края (2011. № 131, 12 нояб.).

Однако «кунгурская чайная церемония» скорее упоминается как элемент имиджа территории и способ сохранения культурной памяти, а не как часть повседневной жизни жителей Кунгура:

Кунгурская чайная церемония пока не захватила мир, подобно китайской и японской. Даже **в домах кунгуряков чай — это обычное завершение трапезы**, когда волшебная жидкость сваливается в желудок на борщ, котлету и пюре. В довесок, трудно назвать божественным напитком то, что выделяется из одноразовых чайных пакетиков <...> Единственное **место в Российской чайной столице, где культивируется кунгурская чайная церемония** — музей купечества (2012. № 150, 15 дек.).

Важное место в жизни территории отводится культурным и спортивным мероприятиям:

«Сегодня очень знаменательный день — начало лета, день защиты детей, и осталось ровно 29 дней до открытия **самого главного события лета не только в нашем городе**, но и во всем Пермском крае — **фестиваля “Небесная ярмарка”**, — сказала Юлия Вячеславовна. — В этом году ожидается рекордное количество тепловых аэростатов — 34. К ним присоединится сверхлегкая авиация. Двенадцать лет назад фестиваля еще не было, а сейчас мы уже не представляем, как можно без него жить. Появились сквер воздухоплателей, потом “Музей покорителей неба”, а сегодня открывается

аэролавка. В добрый путь!» (2013. № 60, 4 июня); **Традиционная весенняя легкоатлетическая эстафета** на призы отдела физической культуры, спорта и молодежной политики города Кунгура и газеты «Искра» пробежала по кунгурским улицам сегодня, 23 апреля. Напомним, что первая эстафета состоялась в мае победного 1945 года. В Кунгуре в 71-й весенней легкоатлетической эстафете приняли участие 62 команды из города и района. Победу в первой группе одержал многопрофильный техникум (лесотехникум) (2016. № 45, 26 апр.).

Особое внимание уделяется традиционным ремеслам, в частности гончарному:

На гончарном круге, где буквально из праха, лежащего под нашими ногами, создаются маленькие глиняные шедевры. Расходятся они по всей России. Вроде бы, не предмет первой необходимости. Но людей притягивает красота. И до тех пор, пока человечество не разучится ценить прекрасное, будет работать в **Кунгуре** предприятие, радующее нас изделиями из обожженной глины. И будет **передаваться из поколения в поколение** древнейшая на Земле **профессия гончар** (2011. № 75, 2 июля).

Восстановление храмов, возрождение традиций, связанных с православным христианством, — это религиозная составляющая культурной тематики. Например:

Уральский провинциальный Кунгур славится своими церквями и необычайными просторами. Человека верующего и неравнодушного к святым местам притягивает, как магнитом. Я путешествовала по многим православным уголкам России, ближнего и дальнего зарубежья, но когда приехала в Кунгур, будто окунулась в целебный источник. **Церкви в городе и Белогорский монастырь на территории района** создают полноценный ансамбль **духовного возрождения на нашей земле**. Сколько паломнических маршрутов можно организовать на территории **нашего района!** (2009. № 146, 8 дек.); **Храмы Кунгура — утраченные и возрожденные**. Часовня в Плеханово стала клубом. В XIX веке многие населенные пункты, расположенные рядом с Кунгуром, числились в приходе городского Благовещенского собора. Среди них была и деревня Плеханово, в которой с конца девятнадцатого столетия существовала построенная на средства местных жителей небольшая часовня. Ее история оказалась такой же, как и судьба большинства больших и малых храмов России. Сначала — любовь и почитание, затем — пренебрежительное отношение и закрытие. В конце — смена профиля деятельности и уничтожение (2014. № 139, 11 дек.); В **Кунгуре** туристы обязательно осматривают ледяную пещеру со сталактитами и сталагмитами, а также **церкви** и купеческие особняки (2016. № 45, 26 апр.).

4. Личностное направление региональной идентификации связано с людьми, проживающими на территории. В текстах реализуются следующие смыслы: члены группы обладают исключительными качествами характера, уникальными талантами, они преуспевают в самых различных видах деятельности. Успехи земляков являются предметом гордости, все члены группы ощущают свою сопричастность к их успехам и связывают это именно с территориальной принадлежностью. Например:

Известная бегунья из Кунгура Тамара Федотова завоевала серебряную медаль на Международном космическом марафоне, прошедшем 11 октября в городе Королеве (Московская область) (2015. № 114, 17 окт.); Превращению чаепития в привычную

российскую повседневность способствовала **расчетливая и планомерная деятельность** не одного поколения российских предпринимателей. **Выдающееся место** в их списке принадлежит **кунгурскому кушцу первой гильдии** Алексею Семеновичу Губкину, которого современники прозвали «пионером чайного дела Российской Империи». **Благодаря нашему земляку был наведен долгожданный порядок в оптовой продаже чая** (2016. № 19, 20 февр.).

Семейственность и преемственность — еще одна важная характеристика жителей территории. Персонажами текстов часто становятся представители семейных династий, журналисты описывают традиционный уклад жизни маленького города. Например:

Железнодорожники — фамильная профессия династии кунгуряков Васильевых-Бурдиных. Передавая опыт, знания и любовь к выбранной профессии, трудятся на железной дороге дети и внуки этой многочисленной трудовой династии. Общий трудовой стаж на железной дороге династии Васильевых-Бурдиных составляет 401 год (2012. № 95, 7 авг.); **Школьная династия в Кунгуре.** Первоклассник Марк Штольц пошел в школу, где учились его мама и бабушка. Вера Викторовна Попова преподает в школе № 1, где и сама училась. Эту школу окончили ее две дочери. Сегодня она ведет в свою школу внука-первоклассника (2015. № 94, 1 сент.).

Все рассмотренные выше практики идентификации сопровождаются преимущественно положительной оценкой говорящего. Например:

«У нас уже имеется несколько **обустроенных** мест, где жители и гости города могут **полюбоваться** местными достопримечательностями», — говорит начальник сектора по развитию туризма управления экономического развития города Ирина Михайлова (2015. № 108, 3 окт.).

Используется лексика с положительной семантикой удобства, удовольствия [7]. Для районной прессы в целом характерна идеализация собственной территории, что граничит с созданием корпоративного имиджа. Например:

Гости города посетят смотровые площадки, музеи, промышленные предприятия и дегустационные залы и увидят **Кунгур**, как небольшой, **стабильно развивающийся город с богатыми и крепкими традициями купечества и меценатства, с влюбленными в свою малую родину жителями** (2015. № 108, 3 окт.).

Появление редких негативных оценок обусловлено тематикой и жанром текста. Например, в интервью с чиновниками и депутатами в предвыборный период или на ежегодных пресс-конференциях затрагиваются проблемы города и района. Но это всегда проблемы, которые могут и должны быть решены. Например:

В России увеличилось количество детей, пострадавших от жестокого обращения в семьях, и **Кунгур не стал исключением** <...> — **Кунгуряки все-таки равнодушны к чужому горю.** О нарушении прав детей в полицию сообщают соседи, родственники, сверстники избитого ребенка, даже обычные прохожие, которые что-то увидели <...> Комиссия по делам несовершеннолетних ведет мониторинг и регистрирует факты жестокого обращения с детьми, каждый случай рассматриваем на заседании комиссии,

организуем реабилитационную работу, психолого-медико-педагогическую помощь ребенку и членам его семьи (2015. № 103, 22 сент.);

– Назовите 3 **основные проблемы Кунгура**.

– Первая, безработица. Если какое-то предприятие закрывается, необходимо открывать какое-то новое производство (2015. № 105, 26 сент.).

Проанализировав позицию говорящего по отношению к идентификации, мы пришли к выводу, что говорящий чаще всего включает себя в группу. Данная практика характерна и для речи журналиста, и для речи персонажа. Например:

Фильм (о Кунгуре) получился простым, душевным, добрым. С крупными планами главных **памятников и достопримечательностей Кунгура**, к которым **мы, местные жители**, уже немножко привыкли (2013. № 9, 26 янв.).

Такое включение говорящего в группу «своих» происходит преимущественно с помощью маркеров идентичности (*мы, мой, наш* и др.), о которых мы говорили в начале данной статьи.

Как показало исследование прессы Кунгура и Кунгурского района, региональная идентичность на данной территории способствует утверждению национально-гражданской идентичности. Концепт «кунгуряки» объединяется, сливается с концептом «россияне». Например:

В последнее воскресенье июля **наша страна** отмечает День Военно-Морского флота. Мы чувствуем людей, стоящих на страже безопасности **нашей Родины. Россия — великая морская держава. В Кунгуре** проживают более тысячи **мужчин и молодых людей, которые свою службу несли в открытом море**. Это люди, на которых стоит равняться молодому поколению (2012. № 91, 28 июля).

Взаимодействие национально-гражданской идентичности и региональной идентичности кунгуряков происходит преимущественно через практики включения (смысл «часть — целое»):

Так что Елесино (**деревня в Кунгурском районе**) — это самая настоящая **частичка России**. Кусочек, обрывочек. Маленькая точка на карте. И то не на каждой. Тем не менее именно **из таких вот деревушек** — больших и маленьких и **состоит наша страна** (2009. № 68–69, 11 июня).

Отдельно следует выделить тексты, в которых персонажи-кунгуряки одобряют политику государства:

Кунгурский танцор Евгений Новожилов (творческий псевдоним — Johnny Boy), основатель популярной в нашем городе группы INcity, в конце января уехал покорять Китай. **«Я не первый представитель кунгурского шоу-бизнеса, который поехал в Поднебесную. Да и вообще это направление сейчас приоритетное для России. Наша страна плодотворно сотрудничает с Китаем, идет переориентация с Запада на Восток. Я здесь совсем недавно, но уже хочется поделиться впечатлениями»** (2015. № 16, 14 февр.); Владимир Матющенко, **член правления организации «Мой город»**:

– Мое отношение к президенту Путину бывало разное, но **его позицию по Крыму я поддерживаю** на 200 %. Как бывший военный заявляю, что присоединение

полуострова — это выверенное, своевременное и точное решение. Конечно, присоединение Крыма России будет даваться не просто. Запад грозит санкциями. Но вместе с тем уважение к нашей стране вырастет в глазах всего мирового сообщества. **Россияне должны помогать друг другу**, во что бы то ни стало. Уверен, за этот поступок наши потомки скажут **«Спасибо» сегодняшней власти**. Ведь в 1954 году территорию «оторвали» от Родины. А теперь все встает на свои места (2014. № 29, 18 марта).

Даже негативная идентификация выступает как объединяющий фактор. Например, проблемы, которые существуют в городе, часто воспринимаются как проблемы, присущие всей стране:

Личный транспорт в **Кунгуре, как и во всей стране**, приобретает уже не так резво, как в прошлые годы. Люди сомневаются, семь раз отмеряют, некоторые откладывают покупку авто до лучших времен (2009. № 84, 14 июля).

Стоит отметить, что практики взаимодействия региональной и национально-гражданской идентичности в разных регионах России могут существенно различаться. Так, А. В. Алимбиева, анализируя СМИ Калининграда и Калининградской области, пишет, что в эмоциональном плане региональная идентичность калининградцев доминирует над национально-гражданской, в формировании идентичности важную роль играют смыслы оторванности от страны и недостатка внимания федеральных властей к специфическим трудностям калининградцев [1].

Таким образом, можно предположить, что выделенные нами направления региональной идентификации — географическое, историческое, культурное, личностное — универсальны для любого региона, так как в самом понятии «регион» заложено представление о географической, исторической, культурной уникальности и общности [4, 95]. А вот смыслы, реализующие данные направления идентификации, могут варьироваться в зависимости от местности. Идентификация Кунгура и Кунгурского района в местной прессе реализуется через смыслы уникальных природных богатств (ледяная пещера и др.), купеческого прошлого региона, исторической роли региона в развитии чайной торговли и др. При этом региональная идентичность Кунгура и Кунгурского района не вступает в конфликт с национально-гражданской идентичностью, а, наоборот, укрепляет ее через практики включения.

1. Алимбиева А. В. Социальная идентичность калининградцев в социальном и геополитическом контексте // Псков. регион. журн. 2009. № 7. С. 36–40.

2. Енина Л. В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 4 (81). С. 162–168.

3. Енина Л. В., Балабкина Е. Практики (авто)биографической идентификации в журналистском дискурсе // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 30–37.

4. Жаде З. А. Региональная идентичность с точки зрения геополитики // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2006. № 4. С. 95–100.

5. Кутина Н. А. Вербальные знаки идентичности в идеологическом пространстве Урала // Славянские языки: аспекты исследования : сб. науч. ст. Минск, 2009. С. 142–147.

6. Мансурова В. В. Социально-экономические факторы формирования идентичности (по материалам истории Испании) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 368–371.

7. Современный толковый словарь русского языка: Более 90 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-т лингв. исслед. ; авт. проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2003. 960 с.

Статья поступила в редакцию 26.11.2016 г.

УДК 316.772.4 + 070.4:339.923

А. С. Юферева

МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается медиаконвергенция как ключевой фактор образования новых технологий продвижения медиаиздания на рынке. Обосновывается необходимость введения новых инструментов коммуникации в деятельность СМИ, использование которых в состоянии обеспечить укрепление нематериальных активов издания, а также грамотное позиционирование на информационном рынке. В исследовании приводятся конкретные примеры применения одного из способов коммуникаций — корпоративной прессы, которая обеспечивает эффективное функционирование СМИ в медийном пространстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиаконвергенция; интегрированные коммуникации; массовая коммуникация; корпоративная пресса.

В эпоху трансформации системы массмедиа актуализируется проблема осмысления значимых феноменов, выступающих в качестве главных причин появления новых медийных явлений и закономерностей. Одним из таких феноменов является медиаконвергенция (от лат. *convergo* — приближаюсь, схожусь). Известны многочисленные трактовки данного понятия, которые, с одной стороны, касаются процесса совершенствования информационно-коммуникационных технологий (как пример — сочетание в одном устройстве нескольких функций), а с другой — связаны с образованием социальных эффектов в ходе использования телекоммуникационной инфраструктуры. Провести тонкую грань между обозначенными измерениями можно, обратившись к исследованиям зарубежных авторов.

Предпосылки к осмыслению понятия «медиаконвергенция» заложил М. Маклюэн, который заинтересовался данной темой в начале 60-х гг. прошлого века и посвятил проблеме развития новых медиа свои труды [11, 22]. Анализ меняющейся природы коммуникационных средств осуществлялся в контексте

ЮФЕРЕВА Анастасия Сергеевна — аспирант Института философии и права УрО РАН, ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: yufereva001@mail.ru).

© Юферева А. С., 2017

технологического детерминизма, в соответствии с которым медиа считаются движущей силой общественного прогресса. Находясь под влиянием интенсивного распространения информационных технологий и отводя им самую непосредственную роль в социальных, культурных и прочих трансформациях в различных областях жизненного уклада, М. Маклюэн предложил новый термин «implosion», что значит «направленный внутрь взрыв, схлопывание». Смысл этого слова схож с определением понятия «медиаконвергенция», поскольку «implosion» подразумевает размывание дистанционных границ между ранее разобленными процессами; взаимное проникновение, охватывающее прежде обособленные друг от друга области; разрушение логики централизации; преобладание виртуального мира над действительным. Излагаемое понимание процессов, провоцируемых новыми медиа, касается исключительно технологического измерения, что, в свою очередь, ограничивает концептуальные рамки исследования и не позволяет раскрыть в достаточной степени дополнительные уровни медиаконвергенции.

Позднее — в начале двадцать первого столетия — постепенно стала утверждаться установка на то, чтобы рассматривать медиаконвергенцию не только в технологическом русле, но и в более широких социокультурных контекстах. Для подтверждения тенденции обратимся к воззрениям Г. Дженкинса, который одним из первых указал на неоднородную природу медиаконвергенции. Теоретик в собственных исследованиях [20, 21] отмечал, что наличествующий феномен не стоит рассматривать исключительно в технологическом ключе, как совершенствование функциональных возможностей средств связи, поскольку не последнюю роль играет социокультурный сдвиг, который происходит из-за желаний пользователей сети охватить как можно больше медийных платформ, обмениваться информацией, установить взаимосвязи друг с другом. Перманентная циркуляция содержания в мировых масштабах приводит к реализации социальных эффектов, в результате чего образ «глобальной деревни» начинает логично вписываться в окружающую действительность, но он создается не столько усилиями технологий, сколько стараниями участников общего диалога.

Похожей позиции придерживается Т. Двейер. В книге «Media Convergence» [18] исследователь подчеркнул комплексный характер медиаконвергенции, концентрируя внимание не столько на технологической, сколько на культурной логике конвергенции, подразумевающей генерацию и обмен контентом между большим количеством людей по всему миру. Зачастую многозадачное взаимодействие (multitasking of interaction) осуществляется в социальных сетях, привлекающих большое количество посетителей, которые потребляют культурные смыслы посредством обращения к содержанию различного формата (текстовый, аудио, видео).

Экстраполируя ряд выделенных аспектов на область массмедиа, можно сделать вывод, что наблюдаемые в этой сфере явления соответствуют как технологической, так и социальной логике медиаконвергенции. Образование новых стратегических возможностей средств массовой коммуникации есть процесс многоуровневый, меняющий отношение к подходам в управлении медиаизданиями. В появлении новых информационно-коммуникативных парадигм, несущих в себе качественно

новое представление о концепции и миссии медиаизданий, все большее значение приобретают задачи, в которых технологические решения сочетаются с социальными, основанными на поддержке доверительных отношений с реальной и потенциальной аудиторией, привлечении рекламодателей, партнеров и т. д.

Успешное функционирование медиапредприятий на рынке невозможно без использования технологий и инструментов средств массовой коммуникации, которые считаются неотъемлемыми атрибутами в конструировании положительного имиджа, репутации и бренда СМИ. Следовательно, стратегический подход в продвижении издания подразумевает исследование дополнительных информационных ниш, расширение мультимедийного потенциала компании, освоение новейших платформ, инновационных разработок, а также каналов для расширения собственного информационного пространства и взаимодействия с целевой аудиторией. Перечисленные компоненты составляют основную часть из того количества возможностей, которые предлагает сегодня интерактивное поле медиаконвергенции.

Использование вышеобозначенных технологий невозможно представить без маркетингового, рекламного и PR-отделов, которые берут на себя выполнение этих ключевых функций. В частности, об этом писал Ю. Пургин, генеральный директор издательского дома «Алтапресс». По его словам, стратегия медиакомпания должна включать в себя постоянно развивающиеся сервисы, представляющие собой удобно организованные для пользователей базы данных. В ИД «Алтапресс» вошли следующие отделы: телемаркетинга, активных продаж и корпоративных клиентов. Их работу обеспечивают маркетологи, копирайтеры, менеджеры по размещению рекламы [14, 46]. Не менее интересной представляется позиция О. Любановской. Исследователь утверждает: «Маркетинг СМИ может решить все стоящие перед медиасферой проблемы посредством оперативной реакции на изменения, которые происходят в рыночных условиях. Вместе с этим алгоритм создания информационного продукта будет соответствовать реальной действительности, а использование новых информационных технологий сделает средства массовой информации более конкурентоспособными» [10, 151–152].

Одновременно с этим проблема трансформации современной медиаиндустрии и расширение комплексного использования инструментов коммуникации нуждается в системном анализе с учетом новейших методологических и методических подходов и видов деятельности: коммуникативистики, маркетинга, рекламы, public relations и др.

Профессиональные издания, раскрывающие научный и практический уровни осмысления рассматриваемого вопроса, дают представление о содержании и направленности трансформации медиаиндустрии, неизбежно отражающихся на теоретическом уровне разработки проблем и различных моделях актуальной медиапрактики. Так, эксперты медиаотрасли единогласно подчеркивают, что, во-первых, коммуникационная политика должна исключать проявление «стихийности», поскольку информация, поступающая с предприятия на рынок, должна находиться под тщательным контролем, а также соответствовать тем требованиям, которые изначально были выдвинуты. Во-вторых, инструменты коммуникации

предполагают имплицитное воздействие на представителей аудитории с целью достижения гармонизации отношений между компанией и общественностью. В-третьих, технологии коммуникационной политики не должны иметь характер действия, ограниченного во времени. Это может быть серия мероприятий, объединенных одним общим смыслом. Но главным в них должно быть наличие систематического характера. Именно комплексное использование существующих и адаптированных к постоянно изменяющимся условиям инструментов является по своей природе эффективным методом, поскольку таким образом будут задействованы большие целевые группы и разнообразные каналы передачи информации. При этом перечисленные стратегические шаги направлены на укрепление в первую очередь нематериальных активов (имидж, репутация, бренд) медиапредприятия как важнейших компонентов повышения конкурентоспособности медиаиздания, увеличения лояльности целевой аудитории и др. Однако прежде чем переходить к подробному рассмотрению составных частей технологий и средств коммуникации, обратим внимание на определения понятий «имидж», «репутация» и «бренд».

Сначала рассмотрим трактовку терминов «имидж» и «репутация», предложенную А. Богоявленским. Согласно авторским рассуждениям, «имидж основывается на эмоциональном воздействии, это односторонняя внешняя коммуникация; репутация — это рассудочное восприятие, приобретенное оценочное знание путем многосторонней (опосредованной и прямой) коммуникации» [6, 46]. Иными словами, «имидж» понимается как «поверхностная» составляющая, направленная на формирование у аудитории конкретной персонификации в отношении предприятия, в то время как «репутация» — понятие более сложное. Оно включает в себя рациональные мыслительные операции, которые направлены на оценку деятельности фирмы. Таким образом, репутация складывается из общей диалектической совокупности мнений различных лиц, которая образует объективное представление о той или иной компании.

Обратимся к воззрениям А. Акуловой: «Имидж — это перенос реальных свойств, отношений, значений объектов восприятия и оценки из реального пространства в символическое с целью облегчения процесса их узнаваемости, оценки и “встраивания” в сознание корпоративной аудитории. Репутация — это достижение наивысшей лояльности всех групп корпоративной аудитории» [4, 83–85].

Для Е. Перельгиной характерно восприятие составляющих имиджа посредством их трансформации из реального в виртуальное, по-другому — символическое, пространство. Исследователь говорит о том, что «определение имиджа должно учитывать его двойственную — социальную и психологическую — природу» [13, 22]. С учетом этих соображений, она предлагает следующее социально-психологическое определение: «Имидж организации — это такой символический образ организации, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия, в составе которого имеются элементы, которые провоцируют восприятие данной организации как субъекта» [Там же].

По мнению И. Важениной, «имидж — это набор ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей» о каком-либо объекте. При

этом имидж служит отражением «эмоционально-чувственного восприятия...» [7, 7]. Репутация определяется как «объективно сложившаяся и подтвержденная практикой совокупность ценностных убеждений и рациональных мнений... сформировавшихся у людей (человека) на основе получения информации (об бъекте. — *Прим. автора*), личного опыта взаимодействия или опосредованных контактов» [Там же].

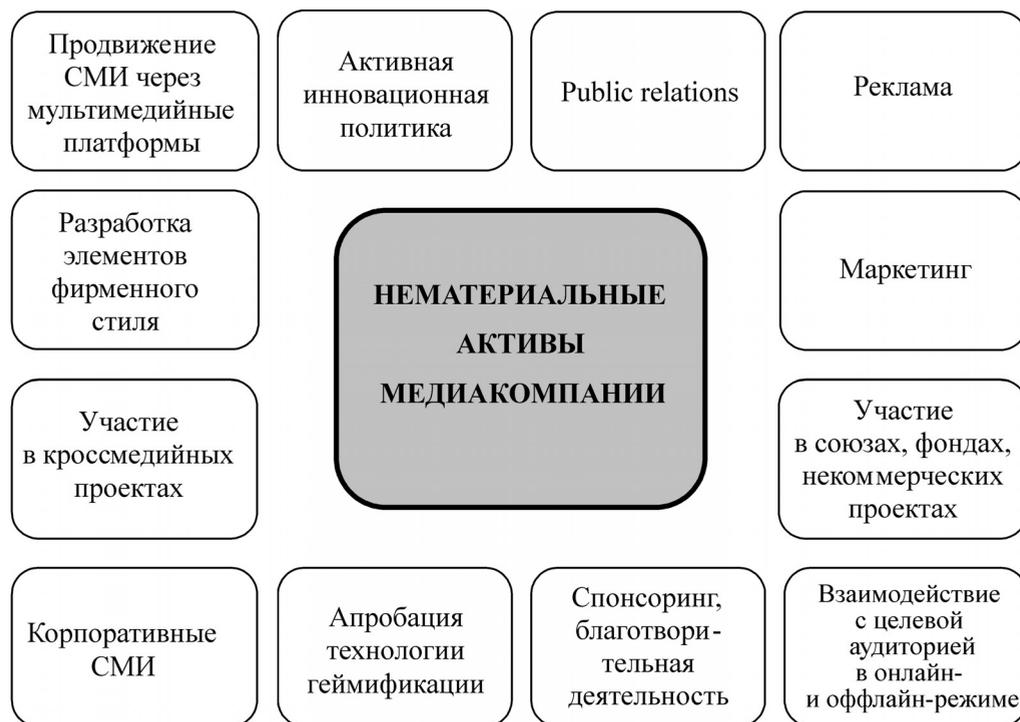
В современной теории брендинга не сложилось единого представления о бренде. Однако в качестве операционного мы станем использовать определение, которое было предложено Д. Р. Грейгори: «Бренд — это не вещь, продукт, компания или организация. Бренды не существуют в реальном мире — это ментальные конструкции. Бренд лучше всего описать как сумму всего опыта человека, его восприятие вещи, продукта, компании или организации. Бренды существуют в виде сознания или конкретных людей, или общества» [19, 33].

Исходя из предложенных определений, отметим, что бренд представляет собой иррациональное восприятие индивидом предприятия, продукта, услуги, вещи, которое предопределяется его внутренним выбором и находится в прямой зависимости от взаимодействия с этим объектом ранее. В случае взаимодействия, которое стало следствием положительного эффекта, в сознании человека формируется предрасположенность к дальнейшей эксплуатации данного объекта. Чем выше частота обращения к объекту, тем глубже укореняется образ того или иного продукта или услуги в массовом сознании. Происходит данный процесс за счет совместимости объекта и индивида, т. е. совместимости их ценностей, мировоззренческих установок и общего представления об окружающем мире. В данном случае речь идет о том, что потребитель видит в объекте отражение собственного «я», представление о котором формируется за счет общего поля деятельности и многого другого.

При создании модели, включающей комплекс технологий и инструментов, необходимых для формирования имиджа и репутации медиакомпания, автор статьи опирался на труды трех исследователей — А. Алексеевой, И. Важениной, В. Штепа. На рисунке представлены основные инструменты, имеющие отношение к разработке коммуникационной политики медиаиздания, которая предполагает различные формы взаимодействия с реальной и потенциальной аудиторией. Отметим, что в наименования используемых технологий и инструментов были внесены авторские корректировки. Соотношение этих инструментов позволяет констатировать их существенную взаимосвязь, которая выражается в дополнении ими друг друга при применении на практике.

В статье не представляется возможным подробно рассмотреть обозначенные инструменты и технологии формирования имиджево-репутационных характеристик медиакомпания. Поэтому остановимся на обосновании необходимости использования корпоративной прессы, акцентировав внимание на ключевых определениях данного понятия и оценив роль этого типа издания в системе российских СМИ.

Так, С. Блэк считает, что корпоративные издания имеют некоммерческий характер и выпускаются фирмой «для поддержания контакта с сотрудниками и с широкой общественностью за пределами организации» [5, 70].

Технологии и инструменты формирования имиджа и репутации медиакомпаний

С. Серебряков отмечает, что это «выходящие с определенной периодичностью (не реже раза в год) печатные издания, издаваемые за счет компании (полностью или частично), предназначенные для конкретной целевой группы и отражающие интересы компании» [15].

По мнению М. Дикановой, «это ресурс, информирующий о задачах, целях, успехах, новостях, продуктах и услугах компании, выходящий на ее средства и чаще всего не содержащий информацию о других субъектах бизнеса» [9].

Свою точку зрения обосновывает Ю. Чемякин, который определяет корпоративную прессу как «периодическое печатное издание, радио-, теле-, видео-программу, интернет-сайт, интернет-портал или иную форму периодического распространения информации, служащую интересам определенной корпорации, созданную по ее инициативе и предназначенную, как правило, для людей, имеющих определенное отношение к данной корпорации» [16, 5].

Приведение ключевых дефиниций показало, что специфика рассматриваемого информационного продукта дуалистична по своей природе. Выражается это в том, что корпоративные издания могут служить как для продвижения медиакомпаний на рынке при помощи установления коммуникативных взаимодействий с целевыми группами (деловыми партнерами, рекламодателями), так и для повышения степени сплоченности коллектива внутри организации. Следовательно, можно

говорить о сущностной взаимосвязи между внутренней и внешней направленностью этого инструмента.

Справедливо мнение В. Грабельникова о предназначении корпоративных СМИ: «...главная их цель — позиционирование компании, достижение в сознании потребителей устойчивого представления о бренде как о лучшем для конкретных условий. Бренд компании существует в умах потребителей, а значит позиция и философия бренда корпоративного издания, определяемые руководством, должны быть понятными и ясными и для сотрудников компании, и для другой целевой аудитории» [8, 28].

Л. Агафонов, в частности, сводил корпоративную прессу к инструменту «пропагандистского воздействия», которое может оказывать влияние на различные целевые аудитории и моделировать поведение этих групп [1, 2]. Тем не менее считать корпоративные СМИ лишь инструментом пропагандистского воздействия не совсем корректно по ряду причин. В силу разнонаправленности векторов смежных видов массовой коммуникации (PR и пропаганды), можно констатировать их основные различия. Во-первых, корпоративная пресса направлена на установление и поддержание диалогических отношений с аудиторией (внутренней или внешней), а пропаганда основывается на одностороннем способе влияния на группы лиц. Во-вторых, PR исключает принудительные меры по «навязыванию» определенной точки зрения, оставляя за индивидом право выбора, а пропаганда предполагает бескомпромиссное изложение четко определенной позиции с целью изменить мнение общественности относительно какого-либо вопроса, предмета. Следовательно, вышеобозначенные тезисы позволяют считать корпоративную прессу полноправным инструментом связей с общественностью.

В качестве показательного примера, который подтверждает специфические особенности корпоративной прессы как одного из элементов PR, выступает журнал «Ваш Интерфакс». Издание входит в структуру одной из крупнейших информационных групп «Интерфакс–Урал» и рассчитано на внешнюю аудиторию (рекламодатели, деловые партнеры, потребители). По словам Дениса Болихова, исполнительного директора информационного агентства «Интерфакс–Урал», основная цель корпоративного СМИ состоит в поддержке и продвижении имиджа и репутации информационного агентства. Первостепенные задачи журнала сводятся к следующим: привлекать внимание целевых групп к информационным продуктам агентства; знакомить аудиторию с новшествами продвигаемых проектов при оказании различного рода услуг; увеличивать число клиентов, поскольку реальная аудитория корпоративного издания и потенциальные потребители проектов представлены в одном лице.

«Если рассматривать корпоративное издание через призму эффективности, то оно, безусловно, пользуется большой популярностью среди клиентов, которые передают его из рук в руки. Это, в свою очередь, обеспечивает повышение степени узнаваемости не только информационного агентства в целом, но и тех проектов и услуг, которые мы продвигаем на страницах бюллетеня», — говорит исполнительный директор ИА «Интерфакс–Урал».

«Ваш Интерфакс» распространяется во время проведения деловых конференций в пресс-центре «Интерфакс–Урал», а также представлен на официальном веб-сайте агентства в электронном виде. Задействованные каналы (пресс-конференции, «круглые столы», интернет-ресурсы) являются не только драйверами для увеличения количества представителей целевых групп, но и примерами грамотного использования современных инструментов передачи информационного продукта, формирующего имиджево-репутационные характеристики медиапредприятия.

Что касается вопроса о выпуске дополнительного внутрикорпоративного СМИ, предназначенного исключительно для членов коллектива информационного агентства, то Денис Болихов с уверенностью отвечает, что в таком случае газета или журнал не получат должной востребованности: «Наши сотрудники не всегда сосредоточены в одном офисе. Зачастую нас отделяют целые континенты. Тогда понятие “целевой аудитории” будет иметь расплывчатые границы и, следовательно, это неблагоприятно скажется на продолжительности жизни издания».

Однако, как показывает практика, географическая удаленность от реальной аудитории не всегда относится к отрицательному фактору. Подтверждает данный тезис наш следующий пример — внутрикорпоративная газета «Тассовец», которую информационное агентство ИТАР-ТАСС выпускает с 1931 г. В ее создании принимают участие главный редактор, ответственный секретарь и главный выпускающий редактор. Основу контента составляют материалы корреспондентов ИА ИТАР-ТАСС, которые работают в ближнем и дальнем зарубежье, а также сотрудников и руководства штаб-квартиры в Москве на Тверской.

Людмила Максимова, ответственный секретарь «Тассовца», рассказала, что на страницах газеты активно используются разного рода анкеты, опросы, что дает возможность определить не только уровень профессиональной подготовки журналиста, но и градус настроения большого коллектива. «Тассовец» выступает неотъемлемым информационным атрибутом поддержки сплоченности творческого коллектива, а также для сохранения духа и атмосферы созидательной деятельности.

«На данный момент в коллективе идет серьезное обновление кадрового состава, — отмечает Людмила Максимова. — Поэтому у нас есть уникальная возможность пополнить свой авторский актив за счет новых журналистских сил. Что касается изменения “технического” облика “Тассовца”, то здесь мы стараемся придерживаться определенных традиций. Ибо слепое подражание стирает черты “лица”, присущие ему. Но это не значит, что мы отвергаем новации. Мы перешли на новый вариант оформления заголовков и фотографий, новое оформление рубрик и подачу фотоиллюстраций».

Газета распространяется через экспедицию агентства по корпунктам и представительств ИТАР-ТАСС в зарубежных странах. Также предусмотрена рассылка по частным адресам для двух ветеранских организаций информационного агентства. При этом партнеры и клиенты в специальные списки адресатов включены не были.

Газета «Наше дело» — одно из известных корпоративных изданий, которое раньше распространялось в рамках издательско-полиграфического холдинга

«Абак-Пресс» (г. Екатеринбург). Цель издания состояла в поддержке корпоративной культуры за счет привлечения сотрудников к участию в ее создании. Особый колорит корпоративному СМИ добавляли эссе, очерки, интервью, опросы, анкеты, стихи и песни сотрудников. Однако через некоторое время газету было решено закрыть. О причинах такого решения рассказал в одном из интервью генеральный директор ИД «Абак-Пресс» Алексей Харитонов: «...авторы и редакторы знали, что газета попадает в том числе и в руки клиентов, у которых большой интерес к предприятию. В результате основой содержания стали радостные статьи о наших достижениях, а реальные, живые вопросы по-прежнему обсуждались в курилке. Апофеозом такого подхода стало то, что мы раз в месяц начали делать газету, ориентированную исключительно на клиентов. А когда утратилась важнейшая функция дискуссионного клуба, газету перестали выпускать» [2].

Появление корпоративных СМИ может быть обусловлено каким-либо грандиозным событием различного характера. Например, в 2010 г. по случаю десятилетия российской радиостанции «Шансон» вышла в свет ее первая корпоративная газета «Время шансона». Издание было адресовано преимущественно внешней аудитории (слушатели радио, деловые партнеры, региональные вещатели). Например, в последний февральский номер за 2013 г. вошли следующие рубрики: «Звездные новости», «Герой номера» (интервью с ведущей «Радио Шансон» Екатериной Михайловой), «Нам пишут» (публикация писем слушателей радио), поздравительные рубрики и многие другие. Установка и поддержка двусторонней коммуникации с читателями (средства обратной связи) считается эффективным способом укрепления нематериальных активов медиакомпания. Во многом это достигается благодаря разнообразию материалов, каждый из которых адаптирован под определенную категорию читателей.

Ранее были обозначены каналы распространения корпоративной прессы: пресс-конференции, «круглые столы», интернет-ресурсы. К числу не менее действенных инструментов продвижения относится участие в специализированных выставках, конкурсах, которое повышает степень узнаваемости медиакомпания среди массовой аудитории и формирует определенную долю интереса к информационному продукту со стороны потенциальных потребителей.

«Bulletin» — внутрикorporативная газета коммуникационного холдинга Media Arts Group неоднократно становилась лауреатом премии Всероссийского конкурса «Лучшее корпоративное медиа», организованного Ассоциацией корпоративных медиа и директоров по коммуникациям России. Включенность данного корпоративного издания в структуру СМИ автоматически означает наличие инструмента имиджевого продвижения предприятия. Плюс ко всему газету отличает грамотная подача качественных материалов, касающихся различных тем в сфере маркетинга и рекламы. Представители Media Arts Group отмечают, что усилия команды PR-департамента по достоинству оценены не только руководителями и членами коллектива рекламного холдинга, но и специалистами других корпоративных СМИ, знающих толк в этом деле.

Прежде чем приступать к созданию стратегического плана по продвижению нематериальных активов медиакомпания, необходимо провести оценку

и верификацию имеющихся внутренних ресурсов. Анализ мультимедийного капитала периодического издания должен способствовать созданию общего представления о миссии и концепции издания. Задачу донесения до сотрудников ключевых аспектов деятельности СМИ могут взять на себя внутрикорпоративные газеты или журналы, предназначенные для поддержки корпоративной культуры и обеспечения мотивации между членами коллектива. После осознания сотрудниками предназначения их СМИ медиакомпания должна переходить к использованию комплекса инструментов и технологий, направленных на расширение информационного диапазона и достижение поставленных целей.

Сложность данного процесса состоит в том, что не все издания готовы к радикальному изменению коммуникативно-управленческих стратегий. В результате СМИ не могут адаптироваться к новой информационно-коммуникативной культуре и, как следствие, становятся неконкурентоспособными. Поэтому определение дальнейшей траектории развития медиаиндустрии в полной мере зависит от оперативного реагирования периодических изданий на последствия медиаконвергенции.

1. *Агафонов Л. С.* Методика экспресс-оценки эффективности корпоративных СМИ [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2008. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/231> (дата обращения: 18.06.2016).
2. *Алиевская Е.* Журналистика под грифом «ДПС» [Электронный ресурс] // Деловой квартал. 2003. № 6. С. 24–27. URL: <http://www.ural.ru/business/press/757.html> (дата обращения: 18.06.2016).
3. *Алексеева А. В.* Имидж в структуре коммуникативного пространства виртуальной медиареальности // Отеч. теорет. и науч.-метод. журн. ПИТИС. 2007. № 30. С. 32–36.
4. *Акулова А. Ш.* Деловой имидж и его репутация в системе маркетинговых коммуникации // Вестн. ОГУ. 2007. № 4. С. 83–85.
5. *Блэк С.* Паблик рилейшнз. М., 2002.
6. *Богоявленский А. Е.* Понятия «имидж», «репутация» и «образ» в контексте «Критики чистого разума» И. Канта [Электронный ресурс] // Акценты : альманах. 2001. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2009/2/73.html> (дата обращения: 15.06.2016).
7. *Важенина И. С.* Формирование имиджа и репутации территории: основные технологии и инструменты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 20. С. 6–14.
8. *Грабельников В. А.* Корпоративная пресса и ее место в системе СМИ // Вестн. Ун-та Рос. акад. образования. 2011. № 1. С. 26–30.
9. *Диканова М.* Корпоративные издания: многообразие и единство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gudum.ru> (дата обращения: 01.05.2016).
10. *Любановская О. Ю.* К вопросу маркетинга СМИ // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Филология. Журналистика. 2009. Вып. № 2. С. 150–153.
11. *Маклюэн Г. М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. Москва ; Жуковский, 2003.
12. *Перелыгина Е. Б.* Психология имиджа. М., 2002.
13. *Пургин Ю.* Медиадом: как попасть в будущее // Журналист. 2012. № 3. С. 46–48.
14. *Серебряков С.* Самиздат в фирменной упаковке [Электронный ресурс] // Советник. 2003. № 8. URL: http://www.sovetnik.ru/journal/archive/article_4323.html (дата обращения: 16.06.2016).
15. *Чемякин Ю. В.* Корпоративные СМИ: секреты эффективности. Екатеринбург, 2006.
16. *Штена В. И.* Интегрирующая роль организационных PR-мероприятий // Вестн. Чуваш. ун-та. 2008. № 1. С. 325–333.

18. *Dwyer T.* Media Convergence. UK, McGraw-Hill, 2012.
19. *Gregory R. J.* Leveraging the Corporate Brand. USA, McGraw-Hill, 1997.
20. *Jenkins H.* Convergence? I diverge // Technological review. 2001. Vol. 104, № 5. P. 93.
21. *Jenkins H.* The cultural logic of media convergence // The International Journal of cultural Studies. 2004. Vol. 7, № 1. P. 33–43.
22. *McLuhan M.* The Gutenberg Galaxy: the making of typographic man. Toronto, Canada, 1962.

Статья поступила в редакцию 09.09.2016 г.

УДК 654(470) + 7.097:281.9

В. А. Антропова
И. В. Зиновьев

ХРИСТИАНСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ В РОССИИ: ОПЫТ ПРАВОСЛАВНОГО КАНАЛА «СОЮЗ»

В статье кратко представлена история христианского телевидения в США и России. Подробно рассмотрена деятельность православного телеканала «Союз». Православный телеканал противопоставлен развлекательным. Изучены образы телеведущих, темы и содержание передач телеканала «Союз». Проанализирован образ православного священника как телеведущего.

К л ю ч е в ы е с л о в а: христианское телевидение; православные телепрограммы в России; православный телеканал «Союз»; образ телеведущего; православный священник на телевидении.

Религиозные телепередачи и телеканалы выполняют важную для каждого верующего функцию — знакомят телезрителей с различными аспектами духовной жизни, приобщают к ней и стараются помочь тем, кто по каким-то причинам не имеет возможности часто ходить в церковь. Кроме того, религиозное телевидение обращено и к той части аудитории, которая еще только стремится приобщиться к вере или расширить кругозор. Концепция каждого такого проекта имеет свои отличительные черты.

Первые религиозные телепередачи появились в США практически с началом регулярного телевидения в 1940-х гг. Но по-настоящему проповедники обосновались на американском телевидении с 1957 г., когда на телеэкранах появилась «электронная церковь». Стоит отметить, что понятие «электронная церковь» связано с деятельностью протестантских приходов, которые были оснащены электронной техникой для усиления эмоционально-психологического

АНТРОПОВА Варвара Андреевна — студентка 4-го курса Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: gurandregent@mail.ru).

ЗИНОВЬЕВ Илья Викторович — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: ziliv@mail.ru).

© Антропова В. А., Зиновьев И. В., 2017

воздействия на прихожан [4, 245–246]. Интересно и то, что в религиозных телепрограммах стали использовать атрибуты эстрады, рекламы и шоу-бизнеса, а их ведущий становился скорее медиаперсоной, чем проповедником или религиозным наставником.

Основоположителем жанра телепроповедей считается баптист Уильям Франклин Грэм, который в 1957 г. провел свое первое телевизионное богослужение. Созданная им до этого «Евангельская ассоциация Билли Грэма» стала одной из богатейших и самых влиятельных религиозных ассоциаций США. «За все время проповедничества на выступлениях Билли Грэма, по подсчетам некоторых наблюдателей, присутствовали 100 млн человек, а свыше 2 млрд смотрели его выступления по телеканалам в разных странах земного шара» [6]. Другой известный американский пастор Джерри Фалвелл основал в 1956 г. братство Церковь Томаса Роуда и начал выступать с проповедями на местном радио, а затем и на телевидении. Со временем телевизионные проповеди Фалвелла стали транслироваться на общенациональных каналах [10].

В наши дни многие религиозные организации США, которые имеют свой канал или передачу, оказывают заметное влияние на общество и политику. «Два уровня религиозного фактора: административный (в риторике государственных деятелей) и социальный (в жизни американского общества) — тесно переплетаются, взаимодействуя и сочетаясь в самых различных областях политического процесса США. В связи с этим возрастает и роль религиозных организаций, являющихся неотъемлемой частью общественно-политической жизни США» [15].

Христианские каналы на телевидении и в Интернете сегодня ведут вещание во многих странах и имеют самую широкую аудиторию. Одна из крупнейших в мире телерадиовещательных корпораций CBN основана в 1960 г. американским политическим и религиозным деятелем Пэтом Робертсоном. CBN ведет вещание в 180 странах. Корпорация имеет представительства в странах СНГ, российский офис находится в Москве. В 1988 г. телеканал CBN Cable Network был переименован в CBN Family Channel. В 1997 г. канал купила News Corporation, изменив название на Fox Family. На канале регулярно выходила передача Робертсона «Клуб 700» [7]. Нынешний владелец — The Walt Disney Company. После очередного ребрендинга в начале 2016 г. канал называется Freeform.

В 2000 г. пастор Максим Алексеевич Максимов организовал канал CNL, вещающей в разных странах мира с ретрансляцией в Интернете. Программы образовательного, научно-познавательного, евангелизационного характера, новости, детские и музыкальные передачи сначала транслировались в кабельных сетях Алматы (Казахстан), а через два года началось спутниковое вещание. «Уникальным является также открытый в 2008 г. на базе CNL телеканал “Рупор ТВ”. Это новый по форме и содержанию телеканал, создаваемый самими телезрителями» [16].

В нашей стране первые шаги в сфере развития религиозного вещания телевидение стало делать в 1990-е гг. Развитию религиозного телевидения в России способствовали прямые трансляции патриарших пасхальных и рождественских богослужений, первая была проведена на праздник Рождества Христова в 1991 г. из Богоявленского кафедрального собора в Елохове.

Одна из первых православных передач «Канон» выходила на телеканале «ТВ-6» с 1995 по 2001 г. Она начиналась как еженедельный альманах о праздниках, святынях, истории московских и других церквей. «Канон» мог стать настоящей рейтинговой православной программой. Здесь затрагивались острые темы — наркомания, компьютеризация, сексуальные меньшинства и т. п. К тому же создатели передачи серьезно работали над имиджем ведущего, заставками, музыкой» [9].

С 1994 г. на «Первом канале» по субботам транслируется программа «Слово пастыря». Сейчас основу передачи составляют выступления и проповеди Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси. «Слово пастыря» — это единственный телевизионный проект, в котором представитель высшей церковной иерархии обращается непосредственно к зрителям. Несомненно, главную роль в программе играет патриарх Кирилл, обладающий высокой богословской и светской культурой, талантливый проповедник.

С 2009 г. на телеканале «Россия 24» по субботам и воскресеньям выходит программа «Церковь и мир». Ее ведет митрополит Волоколамский Иларион. На телеканале «Культура» транслируется просветительская программа «Библейский сюжет», в которой рассказывается о влиянии Священного Писания на мировую культуру. «ТВ Центр» выпускает религиозную энциклопедическую программу «Православная энциклопедия». Важно, что эта программа рассчитана на самый широкий круг зрителей. Она не только рассказывает об основах православной веры, о пути человека к Богу, о святых и святынях православной Церкви, но и затрагивает практически все вопросы, интересующие общество. Одно из направлений — очерки жизни православных в разных странах. В прямом эфире ведущий отвечает на вопросы телезрителей.

От телевизионных программ обратимся к истории российских православных телеканалов. На данный момент на отечественном телевидении ведут вещание два православных канала — «Спас» и «Союз».

31 января 2005 г. началось создание первого в России православного телевидения. Телекомпания «Союз» была учреждена Екатеринбургской епархией Русской православной церкви на базе собственной телестудии и приобретенного светского телеканала. Благодаря сотрудничеству телеканала с епархиальными телестудиями, а также с местными телекомпаниями канал освещает деятельность многих епархий РПЦ не только в России, но и в других странах [11].

Общественный православный телеканал «Спас» появился в эфире 28 июля 2005 г. Свою миссию телеканал видит в формировании цельного мировоззрения аудитории на базе православных ценностей, в укреплении духовных основ России. 60 % эфирного времени отведено общественному вещанию (документалистика, просветительские и образовательные программы), 40 % — православным темам. Большинство программ производится в собственной полиформатной студии, часть из них выходит в прямом эфире. Основу вещания составляют студийные цикловые программы собственного производства и документальное кино [12].

23 сентября 2014 г. на VI Международном фестивале православных СМИ «Вера и слово» в Подмосковье состоялась презентация православного телеканала «Царьград». Полноценное вещание планировалось запустить летом 2015 г.,

но в итоге оно началось в октябре. Этот информационно-аналитический проект представляет собой новый взгляд на религиозное телевидение в современной России. «Я вижу в этом канале не возможность описания конфликтов и всего того, что разделяет людей, а возможность посмотреть на мир под другим углом, с позиций нравственных и общечеловеческих ценностей», — отметил генеральный продюсер «Царьграда», американец и католик Джек Хеник [14].

Современное религиозное телевидение представлено в России также тематическими каналами. С января 2008 г. начал вещание детский семейный образовательный телеканал «Радость моя». Своей главной задачей его создатели считают формирование у зрителей системы нравственных ориентиров на основе семейных и культурно-исторических ценностей. Телеканал предлагает широкий выбор детских программ и программ для семейного просмотра, а также публицистических, художественных и мультипликационных фильмов [13]. Особое место в сетке вещания занимает блок передач православного и образовательного характера.

Отдельно стоит единственный в России религиозно-музыкальный телеканал «МузСоюз». Он был создан по инициативе Екатеринбургской епархии с помощью православного канала «Союз» и запущен в Интернете 31 января 2015 г. В перспективе планируется организовать спутниковое и кабельное вещание [3]. В эфире «МузСоюза» можно увидеть известных исполнителей и фольклорные коллективы, интервью и очерки.

От общего экскурса в историю христианских каналов и программ переходим к более подробному рассмотрению содержания православного телеканала «Союз». Создатели видят миссию канала в формировании у аудитории системы нравственных координат, опирающейся на традиционные православные ценности, а также в православном просвещении жителей многих стран. По словам редактора Светланы Ладиной, программы телеканала «смотрят в 119 странах, практически всюду, за исключением Австралии, Центральной и Южной Африки» [8]. Важным аспектом вещания является укрепление духовно-нравственных основ государства.

Кроме того, православные телеканалы находятся в своеобразной оппозиции развлекательному телевидению. «Сегодня главная цель СМИ — заменить реальность на виртуальность. Если Церковь говорит о духовном мире, то СМИ, телевидение вводят человека в мир зримых духов, создаваемых медиократией... Телевидение, оплаченное народом, должно быть народным. Национальные средства массовой информации должны превращать аудиторию читателей и зрителей в народ» [2].

Оценив сетку вещания «Союза», можно также заключить, что телеканал нацелен на повышение общего уровня культуры аудитории. Его программу составляют концерты классической и духовной музыки, чтения стихов русских и зарубежных классиков, современные и классические театральные постановки, передачи об истории, музыке, изобразительном искусстве.

К сожалению, в связи со сложившимися в нашем обществе стереотипами, православным телеканалам сложно конкурировать с развлекательным телевидением. Несмотря на это «Союз» сформировал свою постоянную аудиторию, благодаря

чему у телеканала есть возможность не только продолжать просветительскую деятельность, но и активно развиваться.

От общих замечаний перейдем к анализу тех элементов «Союза», которые привлекают зрителей. Так, например, в образах ведущих теленовостей главными для аудитории являются стабильность и узнаваемость. По мнению Константина Богомолова, важно довести идею образа ведущего до ее логического завершения. И здесь определяющую роль играет формат телеканала [5]. То есть образ ведущего на православном телевидении должен соответствовать концепции телеканала и согласовываться с православными представлениями о мире и человеке.

Специалист в области стиля и имиджа, ведущая телеканала «Союз» Марина Гранкина полагает, что на телевидении важно учитывать особенность «картинки», точнее, качества передачи изображения. Ведущему необходимо исключить из своего гардероба одежду из ткани в мелкий рисунок, поскольку в кадре она рябит. Недопустима одежда из блестящей ткани, которая полнит человека. Лучше избегать крайностей — слишком яркие цвета режут глаз и визуально растекаются, а бледные могут смотреться безынтересно. С экрана все считывается несколько обобщенно. Поэтому нет смысла в мелких деталях — на экране они выглядят как лишние подробности или совсем незаметны. Аксессуары должны быть довольно крупными. Цвет одежды не должен «рифмоваться» с кожей.

Известно, что в православном храме женщина должна находиться в платке, однако в эфире это правило несколько смягчается. На телеканале «Союз» женщины не выходят в эфир без головных уборов, но чаще всего последние представляют собой небольшого размера ободки, которые прекрасно сочетаются с прической. И, конечно же, одежда должна идти ее обладателю. Необходимо учитывать особенности внешности при выборе цвета и силуэта, а еще не забывать про оформление студии — в нее тоже нужно гармонично вписаться.

При этом Марина Гранкина подчеркивает, что ведущий на религиозном телевидении — человек полноценный, здоровый и, в идеале, красивый. В связи с этим возникает вопрос: необходим ли в эфире православного канала макияж? Против него выступают некоторые телезрители. По мнению Марины Гранкиной, основная задача макияжа на православном телевидении — «сделать» свежее, чистое лицо.

И, конечно же, макияж телеведущего зависит от жанра телепередачи. На православном канале общая гамма должна быть пастельной, спокойной. Кроме того, как женщинам, так и мужчинам необходимо «тонирование». Крупный план позволяет увидеть самые незначительные недостатки, подчас их усиливая. Поэтому в эфире «Союза» пудрятя даже священники. При этом в образе ведущего оттеняются гендерные особенности. То есть мужчина всегда выглядит как мужчина, а женщина — как женщина.

Если специфика программы или сюжета обязывает — стиль одежды может быть и спортивным (рубрика «Физгармония» в утренней программе «Четверть часа»). В кулинарной программе ведущий надевает фартук, убирает волосы под шапочку («Кулинарное паломничество»). Вместе с длинной юбкой ведущая может надеть кроссовки (прямое включение с крестного хода в июле 2015 г.).

Теперь обратим внимание на другую составляющую образа ведущего — характер подачи материала, который во многом похож, несмотря на жанровые отличия и специализации. Основные амплуа — ведущий выпуска новостей, модератор тематической программы («Есть что сказать», «Беседы с бабушкой»), обозреватель («Ведущий дня»). «Необходимо различать журналиста, который работает в конфессиональных СМИ, и того, кто освещает религиозные проблемы в светских медиа. Образец религиозного журналиста — это человек, который умеет не только проинформировать, но и убеждать, захватывать на эмоциональном уровне» [1]. Поскольку православный телеканал ориентирован на широкую аудиторию, а не только на верующих людей, регулярно посещающих богослужения, то ведущие должны говорить понятным и общедоступным языком, ограничивать цитирование сложных религиозных текстов, избегать специальных богословских терминов или, при необходимости, их пояснять.

«Союз» — общественный телеканал, т. е. «народное телевидение». Поэтому программы не должны содержать много официоза, когда за протоколом не видно живой личности. Они должны быть взвешенными, но не монотонными, давая миру достойное свидетельство о вере.

Выше мы говорили о ведущих-мирянах, но сложно представить религиозное телевидение без священнослужителей, избранных для духовного окормления верующих. Напомним, что главной задачей православного СМИ является миссионерство через доступную проповедь. Священник в христианской Церкви — носитель истины и посредник между Богом и людьми. И кому, как не ему, говорить с экрана о вере и Боге.

На телеканале предусмотрены три варианта участия священника в телепередаче: он может быть ведущим, гостем в студии или давать комментарии. Особое место занимают программы, где священник выступает в роли ведущего. Самые популярные — «Церковный календарь» (протоиерей Евгений Попиченко, Екатеринбург), «Читаем Евангелие вместе с Церковью» (протоиерей Анатолий Куликов и иерей Даниил Рябинин, Екатеринбург), «Читаем Апостол» (Санкт-Петербург) и «Духовные размышления протоиерея Артемия Владимирова» (Москва). В данных программах священник выступает в роли учителя.

Но есть и такие программы, где священник не назидает. Например, «Лаврские встречи» с отцом Анатолием Першиным. Программа выходит в эфир три года. В ее рамках отец Анатолий приглашает в петербургскую студию телеканала «Союз» людей творческих профессий: актеров, авторов-исполнителей, режиссеров, художников. Бабушка не только общается с гостем и предоставляет ему возможность продемонстрировать свой талант в эфире «Союза», но и сам иногда поет под гитару. Таким образом, священник может говорить в эфире православного телевидения не только о вере в контексте Священного Писания, но и о других аспектах жизни православного человека.

Что касается внешнего вида священника, то здесь все должно быть традиционно. Ведущий должен быть узнаваем, тогда его слова будут звучать убедительно. Основными одеяниями духовенства и монашества являются ряса и подрясник. Ряса — верхнее одеяние с длинными, ниже ладоней, широкими рукавами,

преимущественно черного цвета, но может быть темно-синего, коричневого, белого, иногда кремового и серого цвета. У монашествующих подрясник должен быть черного цвета. Цвет подрясников белого духовенства — черный, темно-синий, коричневый, серый и белый. Материалы: сукно, шерсть, сатин, лен, чесуча, реже — шелковые ткани.

Если же в эфире батюшка будет читать Священное Писание, то ему необходимо надеть еще и епитрахиль — длинную ленту, огибающую шею и обоими концами спускающуюся на грудь. Важен также наперсный крест. По его присутствию или отсутствию можно определить, кто перед зрителями — священник или диакон.

Говорить священник обязан, как и обычный ведущий, ориентируясь на самую широкую аудиторию, простым и понятным языком. Конечно же, манера речи зависит от места, где находится священник. Тематическая программа (например, «Читаем Евангелие вместе с Церковью») похожа на разговор по душам. Такой же манеры следует придерживаться и в интерактивных программах (например, «Беседы с батюшкой»). Если же священник выступает на телевидении в роли проповедника, например, произнося проповедь с амвона в храме, то здесь торжественный и возвышенный стиль речи не только допускается, но и приветствуется.

Телеканал «Союз» является православным по духу, но не исключительно религиозным по содержанию. Поэтому его смотрят верующие люди (не только православные), а также те, кому надоело развлекательное телевидение, и те, кто заинтересован в более глубоком понимании православия. Канал рассказывает о Христе, о спасении души, о литературе, музыке, искусстве.

Каждый день в эфире можно увидеть новости, просветительские и детские передачи, музыкальные клипы, документальные фильмы и многое другое. Здесь представлены информационные программы разных епархий Русской православной церкви не только в России, но и в странах СНГ, Греции, Израиле, США. Такая работа стала возможной благодаря сотрудничеству телеканала с епархиальными телестудиями, а также с разными телекомпаниями. Собственные представительства телеканала действуют в Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге и Минске.

Собственно религиозное вещание на канале представлено еженедельной трансляцией богослужений из храмов Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, а также ежедневными блоками утренних и вечерних молитв. Данные программы предназначены для тех, кто по старости, болезни, инвалидности прикован к постели и не может посещать храм.

Остальные программы, являясь православными в своей основе, в то же время носят просветительский, культурный, исторический, краеведческий, воспитательный характер. Отличительной чертой содержания программ телеканала является отсутствие коммерческой рекламы, а также любых политических оценок.

«Союз» транслирует контент собственного производства и программы, присылаемые из епархиальных студий в других регионах (представлены не только Россия, но и Белоруссия, Украина, Греция, Израиль). За счет этого удается разнообразить эфир, как в плане стилистики, так и в плане содержания телепрограмм.

Одной из самых популярных, судя по отзывам аудитории, программ дискуссионного формата являются «Беседы с батюшкой». Программа выходит

в прямом эфире по будням в 20.00 по московскому времени и длится в течение часа. Вещание идет из Москвы, Санкт-Петербурга или Екатеринбурга. В студии телеканала на вопросы телезрителей отвечает приглашенный священник. Ведущий выполняет функцию модератора.

В 2012 г. благодаря большой работе по техническому оснащению телеканал запустил проект «Ведущий дня», в рамках которого стали возможны прямые эфиры, посвященные особо значимым событиям. В режиме реального времени зрителю не просто рассказывают о том, что происходит в стране и мире, но и предлагают живое, искреннее общение, что просто необходимо на общественном телевидении. В 2013 г. было обновлено оборудование для прямых включений в Екатеринбурге и Москве, а в 2014 г. — в петербургском корпункте.

Особое внимание зрителей заслужила программа «Есть что сказать», в рамках которой ведущий общается с гостем на актуальную тему. Она выходит как в прямом эфире, так и в записи. Длительность — 15 минут. Как правило, ведет программу шеф-редактор проекта «Союз-онлайн» Светлана Ладина. За четыре года существования в студии побывали музыканты Ольга Кормухина и Алексей Белов, шоумен Андрей Рожков, директор телекомпании «Четвертый канал» Алена Вугельман, победитель шоу «Голос» иеромонах Фотий (Мочалов).

Одним из самых ярких в истории телеканала является цикл программ «Встречи на Святой земле», который стартовал в сентябре 2015 г. В рамках этого цикла Светлана Ладина вместе с проводником по Иерусалиму, гидом паломнической службы «Радонеж» Анной Мусан-Леви знакомит зрителя с особенностями жизни в этом городе. Отметим, что Анна выходит на связь со студией с помощью Скайпа.

Еще одна популярная пятнадцатиминутная программа «Честное мнение» со Светланой Ладиной охватывает самые разнообразные общественные и религиозные вопросы. Отметим, что передача выходит в прямом эфире. В ее рамках обсуждаются острые и деликатные темы, которые вызывают у телезрителей активный эмоциональный отклик. И это выделяет ее на фоне других программ. Назовем некоторые темы: «Мотивируют ли бэби-боксы отказы от детей или помогают сохранять детские жизни?»; «Есть ли в православной Церкви дискриминация того или иного пола»; «Эпидемии гриппа»; «Проблема аборт»; «Православие и правосудие. Как быть, если законы идут вразрез с заповедями?».

Ежедневно в прайм-тайм выходят несколько передач, которые подвергаются наибольшей критике со стороны светских журналистов и специалистов в области телевидения. Это проекты «Читаем Евангелие вместе с Церковью», «Читаем Апостол», «Церковный календарь», являющиеся самыми любимыми у зрителей, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы. В рамках этих программ священники общаются со зрителем без посредников: читают Священное Писание, раскрывают суть богослужений и таинств, праздников. Конечно же, с точки зрения профессионалов формат этих программ не очень современный — нет зрелищности. Но в данном случае зрителю нужно не зрелище, а духовное наставление.

Похожими по формату являются программы «Уроки православия», «Лекции А. И. Осипова», «Нравственное богословие», «Исследуйте Писания» и «Первая натура». Их ведут миряне, являющиеся специалистами в определенной области.

Так, программу «Первая натура», рассказывающую о способах реабилитации зависимых, ведет известный психолог Вячеслав Боровских.

Также в эфире телеканала «Союз» можно увидеть программы о паломничестве «По святым местам» и «Путь паломника», циклы документальных фильмов собственного производства «История Екатеринбургской епархии», «О святых Царственных страстотерпцах», «Собор екатеринбургских святых», программы о музыке «Канон», «Лаврские встречи», «На все лады», «Тебе подобает песнь Богу...», программы об искусстве и литературе «Библейский сюжет», «Литературный квартал», «Мысли о прекрасном», «Творческая мастерская», «У книжной полки», «Хранители памяти».

Отдельно стоит программа «Скорая социальная помощь». Автор и ведущая — Евгения Вахрушева. Героями этого проекта становятся люди, которые попали в трудную жизненную ситуацию и нуждаются в финансовых средствах. В основном это дети со сложными заболеваниями, которым требуется дорогостоящее лечение и реабилитация. Программа активно сотрудничает с православной службой милосердия при отделе социального служения Екатеринбургской епархии.

Поддача информации почти во всех телепрограммах «Союза» похожа. Закадровая речь — неспешная, монтаж — неторопливый. Оформление студии — спокойное и гармоничное, что соответствует духу религиозного телевидения. К минусам можно, наверное, отнести большую продолжительность некоторых заставок, которые могут длиться до минуты. Однако все это, вместе взятое, создает особую телевизионную атмосферу «Союза».

Несмотря на возникающие трудности, в основном финансовые, телеканал живет и развивается. «Союз» продолжает успешно решать главные задачи: зрители должны почерпнуть из передач всесторонние и глубокие знания о православной вере, особенностях православного богослужения, получить действенные советы в трудных жизненных ситуациях.

1. Алла Бойко: «Образец религиозного журналиста — это человек, который умеет не только проинформировать...» [Электронный ресурс]. URL: http://risu.org.ua/ru/index/expert_thought/webconf_archive/22246 (дата обращения: 04.10.2016).

2. Александр Крутов: «Телевидение не должно растлевать народ» [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru/svod.php?date=2006-11-22> (дата обращения: 04.10.2016).

3. В России начал вещание православный музыкальный телеканал [Электронный ресурс]. URL: «Музсоюз» <http://www.newsru.com/religy/22apr2015/muzsoyuz.html> (дата обращения: 04.10.2016).

4. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология : в 15 т. Т. 11 : Культура и религия. М., 2007.

5. Константин Богомолов: имидж-дизайн в кино, театре и на телевидении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diva.by/image/ffl/imidzh-dizain-v-kino-i-na-televidenii.html> (дата обращения: 04.10.2016).

6. Попов В. Патриарх евангелизма в «империи зла» [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2015. 18 нояб. URL: http://www.ng.ru/bogoslovie/2015-11-18/6_patriarh.html (дата обращения: 04.10.2016).

7. Пэт Робертсон: биография [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.su/93728> (дата обращения: 04.10.2016).

8. «Реклама нас разрушит»: Телеканал «Союз» пострадал из-за роста курса валют [Электронный ресурс]. URL: <http://ura.ru/news/1052235194> (дата обращения: 04.10.2016).
9. Рябкова С. Православие на телевидении [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/07/01/pravoslavie_na_televidenii (дата обращения: 04.10.2016).
10. Скончался знаменитый проповедник Джерри Фалвелл [Электронный ресурс]. URL: <http://www.invictory.com/news/story-10203.html> (дата обращения: 04.10.2016).
11. Телеканал «Союз»: [официальный сайт]. URL: <http://tv-soyuz.ru/aboutchannel> (дата обращения: 04.10.2016).
12. Телеканал «Спас»: [официальный сайт]. URL: <http://www.spastv.ru/history.html> (дата обращения: 04.10.2016).
13. Телеканал «Радость моя»: [официальный сайт]. URL: <http://www.radostmoya.ru/about/> (дата обращения: 04.10.2016).
14. Фаустова М. Христианский канал «Царьград» появился на Youtube [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/religion/20140923/1025319822.html> (дата обращения: 04.10.2016).
15. Царевский А. Н. Роль религиозных организаций в формировании внешнеполитического курса США // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки : материалы VI студен. междунар. заоч. науч.-практ. конф., 13 дек. 2012 г. Новосибирск, 2012. С. 135.
16. CNL — Первый христианский спутниковый телеканал на русском и украинском языках [Электронный ресурс]. URL: https://cnl.tv/about#.V_J8ZPRk6iB (дата обращения: 04.10.2016).

Статья поступила в редакцию 22.10.2016 г.

УДК 342.724:2-6 + 323.1 + 316.77

О. И. Астахова

НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЯН В РЕЛИГИОЗНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ*

В статье на материале речи патриарха Кирилла проанализировано содержание дискурсивного концепта «россияне». Выявлены тематические направления идентификаций и их дискурсивные практики. Решающим фактором конструирования идентичности россиян определена субъектная позиция Русской православной церкви.

К л ю ч е в ы е с л о в а: идентичность; идентификация; россияне; дискурсивные практики; религиозный дискурс; политический дискурс; медиадискурс.

Размывание национально-культурных границ с наступлением эпохи глобализации приводит к обратной тенденции — их отстаиванию, попытке очертить контуры того или иного социума. Центробежное движение соседствует, таким образом, с центростремительным: человек, наконец достигший в ходе общественного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт “информационная война” как мобилизационный фактор идентификации» № 16-04-00460.

АСТАШОВА Ольга Игоревна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: oliams@rambler.ru).

© Астахова О. И., 2017

развития большой степени свободы, пришедший к индивидуации, оказался в тревожной ситуации выбора своего места в потоке множеств современной реальности [2]. Неизменным выходом из состояния тревоги является включение себя в тот или иной коллектив, что неизбежно вновь приводит к подчинению определенным правилам, ролям, установкам. Этот социальный процесс, именуемый Э. Фроммом «бегством от свободы» [12], сопровождается непрерывным поиском идентичности.

Исследование идентичности имеет в связи с этим особую важность. Представители постструктуралистского подхода рассматривают ее как динамичный и незамкнутый феномен [1, 16, 10], «сконструированный на базе различных, изменчивых дискурсивных ресурсов» [4, 189]. Такое понимание основывается на идее М. Фуко о наполнении дискурсивного пространства множественными социальными практиками, сменяющими друг друга. В условиях постоянно обновляющегося мира «не только положение индивидов в обществе, но и сами места, к которым они могут получить доступ и которые стремятся занять, быстро трансформируются» [1, 183]. То есть в каждый момент времени человек оказывается встроенным в структуру дискурса, как бы делая остановку: «Конкретная идентификация есть своего рода стоп-кадр в непрерывном процессе множественных дискурсивных идентификаций» [3, 31].

Понятия «идентичность» и «идентификация» связывают гиперо-гипонимические отношения. Идентичность воплощают идентификации — конкретные смыслы принадлежности к определенному сообществу. Причем артикулирование этих смыслов, проговаривание «встраивания в ячейку» далеко не всегда происходит осознанно и является действительным результатом личного выбора. Вслед за М. Фуко под автором мы подразумеваем не говорящего/пишущего индивида с его уникальными психологическими особенностями, а «принцип группировки дискурсов» [13, 61]. Коммуниканты идентифицируются с уже существующей в структуре дискурса субъектной позицией, которая определяет набор используемых дискурсивных практик — правил конструирования смыслов [14, 15].

Рассмотрим дискурсивные практики, конструирующие национально-гражданскую идентичность россиян в современном медиадискурсе. В последние десятилетия одну из ключевых субъектных позиций в нем занимают религиозные институты, особенно Русская православная церковь. Мы обращаемся к речевому материалу, транслирующему эту позицию, не случайно: все больше именно сфере религии отводится роль национального культурного символа, и доля христианского православного дискурса в российских СМИ значительно превосходит остальные медиатексты религиозной направленности.

Материалом для данного исследования послужили выпуски телепередачи «Слово пастыря» на «Первом канале» за 2015 г. Программа представляет собой разножанровые публичные выступления Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Каждую неделю выходят в эфир трансляции проповеди или слова после Божественной литургии в храме, а также студийные записи ответов Кирилла на письма телезрителей.

Ключевым содержательно-смысловым принципом организации дискурса выступает «содействие единению человеческой души с Богом» [5, 415]. Однако

следует учитывать, что патриарх Кирилл обращается к широкой публике, включающей как членов РПЦ, так и паству иных церквей, как верующих, так и неверующих. В его речи пересекаются текстопорождающие практики разных видов институционального дискурса: журналистского, религиозного и политического.

Л. П. Крысин, описавший особенности религиозных текстов с точки зрения функциональной стилистики, говорит, что своей агитационностью религиозный стиль сходен с публицистическим, поскольку проповедующий церковные догматы пытается убедить в их непреложности и необходимости следовать им в повседневной жизни [6, 289]. Журналистский дискурс оказывает влияние на выбор практик, так как заставляет адаптировать для массовой аудитории дидактический смысл сюжетов и образов Священного Писания, сложные богословские понятия и категории религиозной онтологии. Сближение религиозного дискурса с политическим происходит на уровне концептов (патриотизм, народ, национальное самосознание), что находит отражение в оперировании политической терминологией: «Использование социально-исторического понятия “традиционности” применительно к христианству приводит к тому, что христианство (в нашем случае — православие) воспринимается как некий культурно-обрядовый феномен, играющий к тому же роль национального и этнического идентификатора» [9, 245].

Мы проанализировали национально-гражданскую идентичность россиян как дискурсивный концепт — совокупность смыслов, конструирующих истину, объясняющих реальность, но при этом не связанных с ментальными структурами говорящего [14, 15]. Связи между разными смыслами, т. е. конкретными идентификациями, организованы нецентрированно, подобно сети [10], они могут меняться, редуцироваться, пополняться новыми смыслами. Этот тезис справедлив для религиозного медиадискурса в целом, если рассматривать любые коммуникативные интеракции в СМИ на тему религии. Однако наш материал представляет собой отдельно взятую субъектную позицию, которая задает вектор для развития наполнения дискурсивного концепта.

Концепт «россияне» в речи патриарха выстраивается за счет идентификаций, которые образуют следующие тематические направления: религиозное, цивилизационное, историческое, политическое и социальное. Все они в той или иной степени взаимопересекаемы за счет дискурсивных практик, которые определяются ценностно-нормативным фокусом христианства. Отношение к религии выступает, таким образом, и типом идентификации, и одновременно субъектной позицией, призмой, сквозь которую просматриваются все другие типы идентификаций россиян.

Материал показывает, что за именем концепта «россияне» стоит группа лиц, объединенная на основе общности истории, православной религии, культуры и принадлежности исторической территории. Дискурсивный концепт никогда не представлен непосредственно словом *россияне* или *русские*, номинация *Россия* появляется обычно в выступлениях на политические темы — в остальных случаях наиболее частотными сигналами акта присвоения являются сочетания *наш народ*, *наша нация*, *Святая Русь*, *историческая Русь*, под которыми понимаются православные жители современной России, Украины и Белоруссии.

Ведущий идентифицирующий признак в выступлениях патриарха — принадлежность к православной религии:

...Православие — в основе нашей национальной культуры, и сквозь призму православия очень полезно рассматривать многое, что произошло в нашей истории, в нашей культуре. Православие несет в себе нравственный код, который помог формированию нашей нации. И воспитывать человека в высоких категориях, о которых мы сейчас сказали, нужно обязательно с использованием того элемента, который связан с историческим путем народа, который был решающим в формировании особенностей нашего национального характера и нашей национальной жизни (*Слово пастыря. 2015. Сент.*)¹.

В политико-правовом аспекте православие является лишь одной из традиционных конфессий, наряду с религиями некоторых национальных меньшинств (исламом, буддизмом, иудаизмом), однако в преамбуле к «Закону о свободе совести и религиозных объединений» 1997 г. обозначена «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры». Эта законодательная закреплённость во многом определяет тесное взаимодействие политического и религиозного дискурса, субъектные позиции государства и Русской православной церкви пересекаются в практике присвоения представителям национальной культуры православной идентификации. Сужение значения концепта по религиозной принадлежности аргументируется большой ролью церкви в истории России, поэтому религиозная идентификация всегда подается в тесной связи с исторической.

Другой важный смысл заключается в глубокой духовности, подтверждающей идентичность россиян в сфере догматических представлений. Патриарх Кирилл часто говорит о суровых испытаниях, через которые проходил русский народ на протяжении истории, и сила веры, духовная мощь — это то, что всегда помогало достойно преодолеть тяжелые времена:

...страшные революционные годы // ...гонение на церковь никогда не прекращалось / ее в первую очередь надо было убрать из жизни людей / потому что союз / единство духа она формировала в нашем народе // и попытались ослабить максимально // а ведь вот что удивительного произошло в нашей истории // храмы позакрывали / ...а веру в сердце не истребили // и люди в храм не могли ходить / и даже детей крестили тайно / да и то немногих / а на этом генетическом уровне хранилась эта вера / где-то там в подсознании / она проявлялась в замечательных произведениях искусства / изобразительного искусства / музыки / кинематографа / <...> это были каналы / соединявшие силой отрешенный от единства духа народ наш с этой духовной основой народного бытия... (*Слово пастыря. 2015. Ноябрь.*)².

В приведенном фрагменте проявлена практика славянофильского дискурса, известная по трудам религиозных философов А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, В. С. Соловьева и др. В качестве исключительного свойства национального нравственного сознания выдвинуто понятие соборности — в речи патриарха оно

¹ Здесь и далее приводится расшифровка эфиров, взятая с официального сайта Московского патриархата РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/>.

² Моя (О. А.) расшифровка видеозаписей телеэфиров: / — короткая пауза, // — длинная.

отражено в виде идеологемы «единство духа». Вера в Бога обеспечивает внутреннее стремление к высокому, единение нации, делает ее более крепкой, что имеет существенное значение для ее безопасности. Выстраивание такой логики вновь приводит к практикам политического дискурса для передачи положительной оценки России на фоне негативной оценки Запада:

...до нас доходят печальнейшие сведения из Западной Европы / где тысячами закрываются храмы / и продаются для светских нужд / а в России на Руси святой / про которую чего только не говорят / в том числе и там / где закрываются храмы / храмы строятся / а это значит / что у народа сильная вера / а сильная вера / для тех кто недостаточно понимает / что такое вера / это сильный дух / это сильная личность / это способность делать больше <...> / чем то что приносит человеку материальные блага / это способность совершать подвиг... (*Слово пастыря. 2015. Май*).

России приписывается духовное богатство, Западу — бездуховность, стремление к материальному. Антиномия «Россия — Запад» продолжает также традицию славянофилов, согласно которой «соборность» России противопоставляется философии индивидуализма на Западе. Мы не беремся устанавливать точные корни той или иной дискурсивной практики, а лишь констатируем факт взаимного проникновения дискурсов.

К религиозной идентификации также примыкает цивилизационная. В одном из выпусков «Слова пастыря» идет речь о выборе князем Владимиром крещения Руси по византийскому обряду:

Несомненно, выбор князя Владимира был боговдохновенным, потому что такие события без Божественного участия не происходят. Но, с другой стороны, имел место и прагматизм, в хорошем смысле слова, великого вождя и политика. Рано говорить о том... кто выиграет, а кто проиграет в этой условной конкуренции восточной и западной цивилизаций. <...> Молитвами святого равноапостольного князя Владимира да благословит Господь тот путь, по которому в результате его судьбоносного выбора идет наш народ (*Слово пастыря. 2015. Июль*).

Примечательно, что в высказывании нет практики противопоставления, патриарх не дает никакой оценки выбору восточной ветви цивилизационного развития России, стержневым остается смысл божественного участия в судьбе народа.

Историческая идентификация россиян реализована нарративными практиками дискурса. Нарратив — рассказывание, повествовательный тип текста с сюжетной основой, представляющей цепочку событий. По О. М. Фрейденберг, его модель изоморфна мифу с субъект-объектными отношениями рассказчика и действительности. «В наррации отражается становление субъектного мира, отделенного от объектного и во времени, и в пространстве» [11, 284]; ее содержание архетипично: это подвиги и страдания [7, 8, 11]. Предметом изложения может быть как сам субъект («я»), так и объект (персонаж), но и в том, и в другом случае по природе связей между ними можно установить идентичность и субъекта, и объекта.

Анализируемый материал — церковно-проповедническая речь в СМИ — демонстрирует включенность субъекта в акт рассказывания о России. Конструируемые

события, происходившие в далеком прошлом, образуют идентификации россиян по движению от побед к ошибкам, которое интерпретируется под углом зрения церкви как путь к Богу и отход от него, усиление роли церкви и ее ослабление. Основными испытаниями в нарративе о России являются революция и почти весь советский период, Смута и Великая Отечественная война. Узловыми точками национального подъема служат эпоха восстановления после Смуты (правление Михаила Федоровича Романова) и победа в Великой Отечественной войне, другие события упоминаются в меньшей степени. Приведем пример:

...революция произошла... может быть, отчасти потому, что Церковь не занимала того места в жизни нашего народа и общества, которое должна была бы занимать — в силу преобразований, которые произошли в XVIII веке, когда было ликвидировано патриаршество и Церковь потеряла свою самостоятельность. У нее отобрали право обращаться к народу, в том числе с объяснениями происходящего в стране и с проповедью, выражаясь современным языком, социального характера. За Церковь говорила власть. А преподавание религии в школах было каплей в море по отношению ко всему тому информационному потоку, который уже в царской России влиял на сознание людей. Действительно, трагедия революции была результатом нравственного упадка элит и неспособности народа сопротивляться искушениям (*Слово пастыря. 2015. Сент.*).

Революции присваивается отрицательная оценка благодаря характеристике «трагедия». Несмотря на присутствие в высказывании смысла «влияние извне», виновником события изображается сам народ. Момент совершения ошибки — основание для отрицательно-оценочной идентификации, поскольку он трактуется как проявление духовной слабости. Это хорошо иллюстрирует динамику идентичности даже в рамках речи, представляющей одну субъектную позицию. Религиозная идентификация россиян со стремлением к святости сменяется смыслами «нравственный упадок», «неспособность сопротивляться искушениям». С одной стороны, они органично совместно вписываются в структуру концепта благодаря исторической перспективе; с другой стороны, значения все же конкурируют, однако борьба за «истинное» значение заканчивается победой положительных смыслов. В конечном счете христианская догматика предписывает победу добра над злом, вследствие чего текущий момент национально-гражданской идентичности отражен в речи патриарха через идеологему «возрождение».

Современный период русской истории представляет политическую идентификацию россиян. Для этого патриарх Кирилл выбирает в своих выступлениях практику противопоставления, одинаково свойственную субъектным позициям государства и церкви. В 2015 г. предстоятель православной церкви нередко обращается к политическим вопросам, так как в данный период обостряются отношения между Россией и Западом под влиянием украинского конфликта, присоединения Крыма, антироссийских санкций и других резонансных событий. Эта тема поднимается как в стенах храма, так и в студийных выпусках. Остановимся на особенно показательном эфире, который был полностью посвящен политике России. На вопрос зрителя о возможности возрождения России и уникальной роли страны в мире патриарх Кирилл отвечает:

...Совершенно очевидно, что возрождение связано со всесторонним экономическим и материальным развитием страны. Совершенно очевидно, что Россия, если ей не будут сильно мешать со стороны, не просто способна к такому возрождению — она запрограммирована на него в силу наших природных богатств, в силу способностей нашего народа.

Опыт показал: наложили санкции на Россию, и стало очень интенсивно развиваться сельское хозяйство, и не только сельское хозяйство. Так называемое импортозамещение сегодня несомненно стимулирует всестороннее развитие российской экономики. Дай Бог, чтобы страна перестала зависеть от поставок продовольствия из-за рубежа, так же, как и от поставок медикаментов и многого другого, что обеспечивает в конечном итоге суверенитет нации. Я не просто верю, что это произойдет, — я убежден в том, что это будет, если России не помешают развиваться таким образом... (*Слово пастыря. 2015. Дек.*)

Практики идентификации из государственно-церковного дискурса почти полностью внедряются в религиозный дискурс. На первый план выходит политическая лексика («санкции», «импортозамещение», «суверенитет», «всестороннее развитие экономики»), штампы политической риторики («убежден») и идентификации с положительной оценкой экономического развития. За счет неопределенно-личных конструкций («если не будут сильно мешать», «наложили санкции», «если России не помешают развиваться») несколько раз повторяется мысль о наличии у России внешнего врага, препятствующего успеху. Так как под воздействием субъектной позиции политическая и религиозная идентификации всегда переплетены, идеологема «возрождение России», распространенная в современном медиадискурсе, связывается с политико-экономическими отношениями, хотя не замыкается на них. В этом и других выступлениях патриарх говорит в первую очередь о духовном возрождении россиян и идентифицирует народ как имманентно близкий к божественным истинам. Сила, которой обладает народ, описывается как божественный промысел, нечто «запрограммированное», соответственно, та политика, которую ведет Россия, приобретает в речи Кирилла сакральное значение:

...сегодня есть нечто, что вселяет уверенность в том, что Россия может быть таким фактором сохранения рода человеческого от тотального господства зла. Сегодня Россия — одна из немногих стран, которая, придерживаясь независимой внешней политики, отстаивает необходимость сохранения нравственного начала в межличностных и общественных отношениях. Мы выступаем против легализации и законодательного оправдания однополых браков и прочего бесчинства в сфере этики... (*Слово пастыря. 2015. Дек.*)

Наконец, социальное направление идентификаций актуализируется при описании образа жизни россиянина. Как мы уже отмечали, концепт включает важнейшую роль религии в национальной культуре и повседневной практике, поэтому граница между социальной и религиозной идентификациями весьма условна. Следование догмату христианства поддерживается положительной оценкой и назначается непременным условием для успешного развития государства и нации — подверженность греху порицается. Отдельное внимание патриарх уделяет греху винопития, присваиваемому россиянам:

...пьянство способно разрушить не только физическое тело / но и душу // и дай Бог / чтобы по молитвам самих несчастных / страдальцев / а также их родных и близких уходило из нашей жизни это страшное явление // о если бы не оно! // где бы сегодня была Русь / и какой бы она была? // это одно из самых страшных бедствий / бороться с которым можно только силой Божией / и силой своего духа... (*Слово пастыря. 2015. Май*).

В высказывании реализована практика религиозного дискурса — передача смысла через ценностные установки. При этом мы видим, как в одном контексте сосуществуют разнонаправленные идентификации «подверженность искушению» и «сила духа». Эти смыслы можно назвать конкурирующими в той степени, в какой они конкурируют в дискурсе жизни. Но заданная в пресуппозиции христианского мировосприятия неизбежная победа добра над злом находит воплощение в динамике социальной идентификации, как и в случае с исторической. Идентификации россиян в выступлениях патриарха меняются в сторону положительной оценки по мере приближения к текущему моменту и взгляду в будущее:

...и уже сейчас есть ростки новой жизни <...> и я отдаю себе отчет в том / как много талантливых / инициативных / творческих людей / которые вообще не употребляют алкоголя / а если и употребляют / то это совсем не пьянство // это видно / перемены произошли / за какие-то десять последних лет // но это только самое начало // нам предстоит еще долгий путь / и мы должны его пройти // чтобы обновился лик Древней Руси / чтобы обновилась сила нашего народа / и чтобы мы могли жить / творить / в соответствии с теми силами и теми возможностями / которые Бог вложил в наши души / в нашу страну / в землю нашу... (*Слово пастыря. 2015. Май*).

Итак, конструируя идентичность россиян, участники религиозной коммуникации в СМИ прибегают к ресурсам политического и религиозного дискурсов, существенное влияние также оказывает медиадискурс. Структура концепта в выступлениях патриарха Кирилла образует сеть идентификаций, среди которых обнаруживаются более и менее устойчивые смыслы. Отношения народа с Богом и церковью служат идентификационной константой, ценностным ориентиром и передаются дискурсивными практиками, обусловленными субъектной позицией Русской православной церкви.

-
1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.
 2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2015.
 3. Енина Л. В., Балабкина Е. Практики (авто)биографической идентификации в журналистском дискурсе // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2. С. 30–37.
 4. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.
 5. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М., 2012.
 6. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004.
 7. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994.
 8. Протп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

9. Степанова Е. А. Политический и религиозный дискурс в России: проблемы совместимости // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 243–251.
10. Урри Дж. Мобильности. М., 2012.
11. Фрейденоберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998.
12. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
14. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.
15. Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналиста: метод анализа // Стилетика завтрашнего дня. М., 2012. С. 291–308.
16. Шляков А. В. Номадизм постмодерна: классификации моделей номадности // Грамота. 2015. № 4 : в 2 ч. Ч. 1. С. 204–207.

Статья поступила в редакцию 20.12.2016 г.

УДК 325.1(4) + 325.254.4 + 316.776:778

**Е. С. Голоусова
К. Г. Драницина**

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ МИРОВЫМИ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ФОТОАГЕНТСТВАМИ

Анализируется освещение европейского миграционного кризиса тремя фотоагентствами: Associated Press (AP), European Pressphoto Agency (EPA) и «Фотохроника ТАСС». Применяется контент-анализ сюжетов изображений по поисковому запросу «refugees/беженцы» на сайтах данных агентств. В работе выделены основные типы сюжетов, присутствующих в анализируемом материале, их преобладание в контенте каждого агентства и специфические особенности освещения данного вопроса. Авторы приходят к выводу, что наиболее объективны и близки в освещении проблемы миграционного кризиса в Европе фотоагентства AP и «Фотохроника ТАСС». Позиция, транслируемая агентством EPA, существенно отличается от первых двух и носит более субъективный характер.

К л ю ч е в ы е с л о в а: европейский миграционный кризис; беженцы; фотография; фотоагентства.

Термин «европейский миграционный кризис» был введен в научный оборот журналистами и широко используется сегодня экспертами разного рода [3, 4, 6, 8, 11, 12]. Кризис вызван колоссальным потоком беженцев и мигрантов в Европу,

ГОЛОУСОВА Елизавета Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: lizagolousova@gmail.com).

ДРАНИЦИНА Ксения Григорьевна — студентка 3-го курса кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: kseniya.drg@gmail.com).

© Голоусова Е. С., Драницина К. Г., 2017

а также неспособностью властей европейских стран эффективно решать эту проблему [2, 5]. По данным русской службы Би-би-си [5], более миллиона мигрантов пересекли границы Европы в 2015 г., и в 2016 г. эта цифра продолжает увеличиваться. В сентябре 2015 г. Еврокомиссия признала нынешний миграционный кризис крупнейшим со времен Второй мировой войны [1].

Позиции России и Европы относительно данного вопроса традиционно диаметрально противоположны. Так, на Восточном экономическом форуме в сентябре 2015 г. Путин в качестве источника кризиса назвал «копирование Европой американской политики в отношении перемещенных лиц без учета местной специфики регионов: исторических, религиозных, культурных, национальных особенностей» [7]. «Европа слепо следует за этой политикой в рамках так называемых союзнических обязательств, а потом сама и несет нагрузку»; «Я с удивлением смотрю сейчас на то, как некоторые американские СМИ критикуют Европу за избыточную, как они считают, жесткость по отношению к мигрантам», — отметил президент РФ [Там же].

В свою очередь, крупнейший немецкий информационно-политический журнал Spiegel так высказывается о позиции Ангелы Меркель по поводу миграционного кризиса: «We can do it. That's the message Chancellor Angela Merkel has been giving her country ever since she pledged in late August to provide refuge to anyone coming from Syria in addition to others seeking protection from violence and warfare»¹ [14]. Ежедневная британская газета Independent цитирует Меркель: «The Chancellor herself has admitted that a Germany that turned away refugees “would not be the Germany I want”»² [16].

Американская позиция в сентябре 2015 г. относительно данного вопроса транслируется агентством AP: «The Obama administration wants to help its allies across the Atlantic with an escalating migrant crisis, but is unlikely to open America's doors to vast numbers of Syrian and other refugees arriving each day by the thousands in Europe. <...> Still, a spokesman for the National Security Council said Monday the U.S. was “actively considering” steps to alleviate the situation in Europe, where more than 340,000 people from the Middle East, Africa and Asia now have arrived»³ [13]. Через два месяца после парижских терактов в ночь на 14 ноября 2015 г. многие американские чиновники заявили, что политика в отношении беженцев не может быть гуманной или толерантной: «Republican presidential candidate Ben Carson is calling on Congress to withdraw funding to resettle Syrian refugees in the United States, arguing in the wake of the Paris attacks that there is no credible way to tell the difference between an Islamic

¹ «Мы можем сделать это». Это заявление, которое сделала канцлер Ангела Меркель своей стране, актуально с тех пор, как в конце августа она пообещала предоставлять убежище любому прибывшему из Сирии, как и другим, ищущим защиты от насилия и войны». — *Здесь и далее — перевод автора статьи.*

² «Сама канцлер призналась, что Германия, отвернувшаяся от беженцев, “не будет той Германией, какую я хочу”».

³ «Администрация Обамы хочет помочь своим союзникам, находящимся по ту сторону Атлантического океана, с эскалацией кризиса мигрантов, но вряд ли откроет американские двери огромному числу сирийских и других беженцев, прибывающих каждый день тысячами в Европу. <...> Тем не менее пресс-секретарь Совета национальной безопасности заявил в понедельник, что США “активно рассматривает” шаги по смягчению ситуации в Европе, куда сейчас приехали более 340 тыс. людей из стран Ближнего Востока, Африки и Азии».

State militant and an innocent citizen fleeing war. <...> Elsewhere across the political landscape, at least 10 governors, including Michigan and Alabama, have taken action to block resettlements or said they are exploring their legal options»⁴ [10]. Между тем позиция Обамы по данному вопросу остается неизменной. «Even as the Republicans bombard US President Barack Obama’s migration policies especially concerning Syrian refugees, the president slammed them by saying they needed to stop ranting and being scared of widows and orphans. He said their propagation only strengthened the Islamic State’s (IS) intention to exploit the possibility of a war between Islam and the West»⁵, — пишет издание International Business Times [9]. В апреле 2016 г. президент США продолжает отстаивать свою позицию в отношении данного вопроса. «President Obama praised her (Merkel) reaction to the many people seeking shelter. “She is on the right side of history on this,” he said. “In this globalized world, it is very difficult for us to simply build walls. She is giving voice to the kind of principles that bring people together rather than divide them. I am very proud at her and very proud at the German people»⁶, — цитирует слова Обамы Vatican Radio [15].

Сегодня, в эпоху мультимедиа, одним из важнейших средств передачи информации является фотография, которая более информативна по сравнению с текстом и имеет более высокую скорость передачи информации, чем видео. Кажется, что фотография по определению не может лгать: все, запечатленное на ней, совершенно точно имело место в реальной жизни, и оспорить это невозможно. Однако, несмотря на кажущуюся объективность фотографии, заложенную в самой ее природе, фотографу, как и журналисту, часто трудно быть объективным в изображении события. Это связано в первую очередь с субъективностью человека или редакционной политики издания, на которое он работает. Уже сам выбор объекта съемки и композиции исключает возможность объективности как таковой, потому что, снимая что-то, фотограф делает это более значимым, чем другие объекты вокруг. Так, придавая значимость посредством снимка тем или иным аспектам события, фотограф, как и журналист, в состоянии транслировать единственную точку зрения на случившееся. Это делает фотографию серьезным манипулятивным средством в информационной войне между Западом и Востоком.

В рамках данного исследования мы обратились к контенту крупнейших мировых фотоагентств: Associated Press (AP), European Pressphoto Agency (EPA)

⁴ «Республиканский кандидат в президенты Бен Карсон призывает Конгресс прекратить финансирование переселения сирийских беженцев в Соединенные Штаты, считая, что после парижских атак не существует никакого достоверного способа отличить боевика Исламского государства от невинного гражданина, бегущего от войны. <...> В других местах по всему политическому ландшафту по крайней мере 10 губернаторов, в том числе губернаторы Мичигана и Алабамы, приняли меры, чтобы ограничить перемещение мигрантов, или же заявили, что изучают свои юридические возможности».

⁵ «Даже несмотря на выпады республиканцев против миграционной политики президента США Барака Обамы — особенно в отношении сирийских беженцев, — президент резко оборвал их, сказав, что такая политика необходима, чтобы остановить слухи и страх вдов и сирот. Он сказал, что распространение этих идей только укрепило намерения Исламского государства использовать возможность войны между исламом и Западом».

⁶ «Президент Обама похвалил реакцию Меркель на рост числа людей, ищущих убежище. “Она делает правое дело, — сказал он. — В мире глобализации очень трудно строить стены. Она следует принципам, которые сближают людей, а не разделяют их. Я очень горжусь ею и очень горжусь немецким народом”».

и «Фотохроника ТАСС» — с целью обозначить позицию редакций относительно миграционного кризиса в Европе, выраженную посредством новостной фотографии. Выбор данных изданий обусловлен тем, что это — три крупнейших мировых фотоагентства, сотрудничающих между собой, причем штаб-квартира Associated Press находится в Нью-Йорке (США), штаб-квартира European Pressphoto Agency — во Франкфурте-на-Майне (Германия), ТАСС — в Москве. Таким образом, мы сможем проследить освещение данной темы с трех точек зрения: американской, европейской и российской. Немаловажен тот факт, что штаб-квартира ЕРА находится в Германии — фактическом эпицентре конфликта.

Через расширенный поиск по запросу «refugees/беженцы» на страницах данных фотоагентств в период с 1 января 2015 г. по 1 апреля 2016 г. найдено: AP — более 26 тыс. фотографий, ЕРА — более 17 тыс. и ТАСС — более 16 тыс. Был проведен контент-анализ содержания первых 500 снимков (последних добавленных), которые поисковые системы каждого агентства выдавали на соответствующий запрос. Отметим, что на сайте ТАСС встречаются повторяющиеся снимки с AP и ЕРА, так как агентства находятся в сотрудничестве.

Все три фотоагентства в подписях к снимкам используют слова *refugees/беженцы* и *migrants/мигранты* с приблизительно одинаковой частотой. Данные языковые единицы употребляются или как синонимы (по запросу «refugees/беженцы» сайт выдает фото с подписями «migrants/мигранты») или неразрывно друг от друга (подписи ко многим фотографиям начинаются со слов «Refugees and migrants/Беженцы и мигранты» — далее следует описание снимка).

В таблице представлены все основные сюжеты фотографий на данную тему и их количество на каждом из трех агентств.

Основные сюжеты о мигрантах в фотоагентствах Associated Press, European Pressphoto и «Фотохроника ТАСС»

Вид сюжета	AP	ЕРА	ТАСС
Быт мигрантов: люди в их месте проживания	321	261	279
Политики и общественные деятели, высказывающиеся по проблеме миграционного кризиса	64	101	
Благотворительные проекты в помощь беженцам и их организаторы	28	12	24
Мигранты на митинге в защиту их прав	11		58
Протесты против мигрантов; недовольные мигрантами	3	20	
Полиция и военные, следящие за соблюдением правопорядка в условиях миграционного кризиса	12	14	9
Результаты пребывания беженцев: оставленные ими предметы быта		4	4
Тела погибших мигрантов		1	
Плачущие мигранты	5	1	8
Улыбающиеся мигранты	11	12	44
Серьезные мигранты	33	47	47
Кричащие мигранты	4	4	
Больные мигранты и инвалиды	1	5	10
Другое	7	18	17

В результате анализа выявлено, что от 55 до 64 % всего материала посвящено изображению повседневной жизни беженцев и мигрантов, их быту: в каких условиях проживают люди, чем занимаются каждый день, как готовят еду, как бреются и стригутся и т. д. В материалах всех агентств в подписях к фото неоднократно упоминается о том, что обстановка в самих лагерях остается напряженной: нередко выходцы из разных стран устраивают между собой драки.

В отличие от ЕРА, ТАСС и АР публикуют снимки, на которых изображены беженцы, занимающиеся попрошайничеством.

Большое внимание на снимках агентств уделяется детям: тому, чем они занимают себя на протяжении целого дня, в какие игры играют, во что одеты. ТАСС и АР показывают, что детей учат немецкому языку, пытаются организовать для них занятия, как в школе. Агентство АР делает акцент на том, что среди беженцев и мигрантов много талантливых и способных людей (подобный контент отсутствует у других агентств). Отметим, что на снимках ТАСС чаще, чем у других, встречаются улыбающиеся герои, в том числе дети.

Агентство ЕРА более часто, чем другие, изображает на снимках политиков и общественных деятелей.

У АР и ТАСС встречаются снимки с изображением более цивилизованных лагерей беженцев, организованных правительствами стран или благотворительными организациями. ТАСС считает важным запечатлеть на снимках действия властей. Также ТАСС и АР в среднем примерно в два раза чаще, чем ЕРА, публикуют фотографии, на которых отражена деятельность различных благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам и мигрантам.

В то же время протесты и митинги против мигрантов, снимки ярких активистов этого движения чаще всего встречаются у ЕРА (20 кадров), почти не встречаются у АР (3 кадра) и совсем отсутствуют у ТАСС. Зато больше, чем другие агентства, ТАСС публикует снимки с изображением акций протеста самих беженцев: 58 фото, в то время как у ЕРА и АР — 18 и 11 соответственно.

Примерно с одинаковой частотой все три агентства публикуют снимки с изображением полицейских или военных, принимающих участие в сдерживании мигрантов на границах и в городах.

Чаще других ТАСС публикует снимки с плачущими героями, больными и инвалидами, однако в целом таких фотографий немного. Важным является тот факт, что из полутора тысяч просмотренных нами снимков лишь на одном был изображен погибший человек, между тем агентство РИА Новости еще в ноябре 2015 г. сообщало о том, что Греция столкнулась с проблемой нехватки мест для захоронения умерших мигрантов [2]. Кроме того, из трех агентств только АР продемонстрировало кладбища, расположенные неподалеку от лагерей беженцев.

Таким образом, проанализировав фотоконтент, можно сделать вывод о том, что агентства по-разному расставляют акценты в освещении проблемы миграционного кризиса в Европе. АР и ТАСС пытаются показать ситуацию с разных сторон: и несчастных мигрантов, которые оказались в сложной жизненной ситуации, и их детей, которые пытаются продолжать образование в этих условиях,

и волонтеров, предпринимающих конкретные шаги по оказанию помощи, и ярых активистов антимиграционных движений. В то же время агентство ЕРА не стремится публиковать снимки, изображающие деятельность благотворительных организаций или показывающие мигрантов в положительном свете, а размещает фотографии беженцев и их детей, которые бездельничают, сидя в своих лагерях, а также фотографии политиков, публично выступающих по вопросу миграционного кризиса, что в целом может формировать резко отрицательное отношение зрителя к героям публикаций.

1. В ООН сожалеют, что ЕС не договорился о расселении 120 тысяч мигрантов [Электронный ресурс] // МИА «Россия сегодня». URL: <http://ria.ru/world/20150915/1253058112.html#ixzz48iWiAZ00> (дата обращения: 15.05.2016).

2. Власти Греции: на островах негде хоронить погибших беженцев [Электронный ресурс] // МИА «Россия сегодня». URL: <http://ria.ru/world/20151106/1315277655.html> (дата обращения: 24.04.2016).

3. *Войшиков В.* Миграционный кризис в Европе — лопнет ли пузырь? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6793#top-content (дата обращения: 16.04.2016).

4. *Мануков С.* Последняя битва Меркель [Электронный ресурс] // Эксперт Online. URL: <http://expert.ru/2016/01/20/poslednyaya-bitva-merkel> (дата обращения: 16.04.2016).

5. Миграционный кризис в Европе в цифрах и графиках [Электронный ресурс] // Би-би-си, Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160219_migrant_crisis_charts (дата обращения: 15.05.2016).

6. *Потемкина О.* Миграционный кризис ЕС — начало бесконечного пути [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6601#top-content (дата обращения: 16.04.2016).

7. Путин о миграционном кризисе в Европе: «Этого следовало ожидать» [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1962749.html> (дата обращения: 24.04.2016).

8. «Тема толерантности часто высмеивается»: социолог о европейском миграционном кризисе : интервью с Екатериной Деминцевой // FURFUR : [ежеднев. молодеж. интернет-сайт и сообщество его читателей]. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/214929-intervyu-s-ekspertom-migranty> (дата обращения: 16.04.2016).

9. *Agamoni G.* Migrant Crisis: Obama asks Republicans to stop ranting about refugee stance [Electronic resource] // IBTimes. URL: <http://www.ibtimes.co.uk/migrant-crisis-obama-asks-republicans-stop-ranting-about-refugee-stance-1529268> (accessed: 15.05.2016).

10. *Barrow B., Ritter K.* Carson: Congress should stop funding refugee resettlement [Electronic resource] // Associated Press. URL: <http://bigstory.ap.org/article/417452e290004de9910d2ec49b401b4b/carson-congress-should-stop-funding-refugee-resettlement> (accessed: 24.04.2016).

11. Europe migrant crisis [Electronic resource] // BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-32395181> (accessed: 24.04.2016).

12. Europe's Migration Crisis [Electronic resource] // Financial Times. URL: <http://www.ft.com/migration> (accessed: 24.04.2016).

13. *Klapper B., Caldwell A. A.* US vows to help Europe, but will it take in more migrants? [Electronic resource] // Associated Press. URL: <http://bigstory.ap.org/article/0e781948b36e4a679114527bd9b8b257/obama-administration-weighs-steps-help-migrant-crisis> (accessed: 24.04.2016).

14. Mother Angela: Merkel's Refugee Policy Divides Europe. Spiegel Online International [Electronic resource] // Spiegel Online. URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/refugee-policy-of-chancellor-merkel-divides-europe-a-1053603.html> (accessed: 24.04.2016).

15. Obama discusses Europe's migrant crisis, steps up Syrian forces [Electronic resource] // Vatican Radio. URL: http://en.radiovaticana.va/news/2016/04/25/obama_discusses_europes_migrant_crisis/1225474 (accessed: 15.05.2016).

16. Paterson T. Refugee crisis: Nearly half of Germans say Angela Merkel's 'welcome' policy is wrong [Electronic resource] // Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/nearly-half-of-germans-say-angela-merkels-refugee-policy-is-wrong-a6689966.html> (accessed: 24.04.2016).

Статья поступила в редакцию 27.09.2016 г.

УДК 070:316.346.2-055.1 + 316.46

С. А. Булевская

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МУЖСКИХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ: ФОРМАТ ИЗДАНИЯ И СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОГО МУЖЧИНЫ

Рассматриваются стереотипы маскулинности современного представителя сильного пола в мужских глянцевах журналах. Дано определение гендерному стереотипу, описаны основные типы образов мужчин в современной культуре, проанализированы медиатексты журналов «Esquire» (85 публикаций), «MAXIM» (120 публикаций) и «Men's Health» (264 публикации). Сделана попытка выявить реконструированный образ идеального мужчины современности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика; контент-анализ; гендер; гендерные стереотипы; мужской глянцеваый журнал; образ мужчины; маскулинность; идеальный мужчина.

Понятие «гендер» отражает идею социальных различий между мужчинами и женщинами. Оно трактуется как одно из основных измерений структуры социума. Существует множество определений понятия «гендер»¹. Одно из них представлено доктором исторических наук Н. Л. Пушкаревой: «Гендер — это система отношений, которая является основой стратификации общества по признаку пола» [9, 15].

Гендерные стереотипы — это сформировавшиеся в культуре обобщенные представления о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины [7], они выступают «одним из средств выражения гендерных отношений на медийном уровне» [10, 72]. Н. И. Ажгихина, автор статьи «Гендерные стереотипы в современных массмедиа», заявляет, что «существование журналистики невозможно без стереотипов» [1, 261].

Средства массовой информации являются зеркалом, отражающим действительность. Задача СМИ — способствовать формированию адекватного восприятия современных гендерных стереотипов. Стереотипы облегчают взаимопонимание

¹ Подробнее об определениях гендера см.: [8, 9].

между журналистами и аудиторией СМИ. Е. А. Соколова полагает [10, 73], что задачи современной журналистики таковы: «ломать» отжившие стереотипы-анархизмы, осмысливать источники гендерного стереотипа и устанавливать «то новое, что характеризует время и эпоху», создавать «новые, соответствующие действительности представления о феминности и маскулинности»¹.

С. А. Орлянский выделяет четыре основных образа мужчин в современной культуре и типизирует их:

1. Маскулинные: фермер, мужчина-обидчик, дикий мужчина, мужчина-учитель, мачо.

2. Феминные: метросексуал, инфантильный муж, андрогинный юноша, сентиментальный молодой сердцеед.

3. Промежуточные: образ белого гетеросексуала среднего класса.

4. Несостоявшиеся маскулинности: алкоголик, мужчина-домохозяин².

Условный тип «настоящего мужчины» утратил монолитность, наблюдается ослабление гендерной поляризации. «Результаты многочисленных массовых опросов и иных социологических исследований в странах Западной Европы показывают, что ни единого мужского стиля жизни, ни единого канона маскулинности сегодня не существует» [6, 443].

В связи с этим представляется актуальным определить стереотипы маскулинности современного представителя сильного пола, их модификации и показать образ идеального мужчины. В. Н. Александровская пишет: «Идеальный образ... образует целостную социальную среду формирующейся личности... формируя соответствующую картину мира» [2, 200].

Эмпирической базой исследования стали публикации в журналах «Esquire» (85 медиатекстов), «МАХИМ» (120 медиатекстов) и «Men's Health» (264 медиатекста)³. В связи с тем, что изучение образа идеального мужчины являлось системным, контент-анализ проводился на двухгодичной выборке материалов (06.2013 г.–06.2015 г.). Журналистские тексты были классифицированы по следующим аспектам:

- интеллектуальные и духовные ценности героя;
- взаимоотношения с женщиной (женой, девушкой);
- внешний вид мужчины, его физическая форма.

В ходе исследования была изучена также история журналов «Esquire», «МАХИМ» и «Men's Health», материалы СМИ, связанные с деятельностью данных изданий, что позволило более точно определить контент каждого журнала и гипотетический портрет идеального мужчины.

¹ Маскулинность (мужественность) — «комплекс аттитудов, характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола» [3, 29]. Фемининность (феминность, женственность) — «характеристики, связанные с женским гендером, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе» [3, 32].

² Подробнее см.: [8].

³ Esquire. 2013–2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://esquire.ru/>; МАХИМ. 2013–2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maximonline.ru/>; Men's Health. 2013–2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mhealth.ru/>. Далее при ссылках на эти журналы в квадратных скобках указываются год издания и номер журнала.

Идеальный мужчина в «Esquire»

Мужчина-идеал, по мнению авторов журнала, — это ухоженный джентльмен, который тщательно следит за своим телом, здоровьем, наполнением гардероба и духовным саморазвитием.

Он тяготеет к знаниям из разных областей наук, поэтому журнал регулярно предоставляет соответствующую информацию. Например, из выпуска журнала за январь 2014 г. можно узнать, что роботизированная рука запустит на орбиту Международной космической станции три спутника. Приведем примеры из публикаций, относящихся к разным областям знаний: «Спутники размером $10 \times 10 \times 10$ см, собранные из недорогой электроники и запрограммированные студентами, выполняют исследовательские задачи для разных университетов» [2014, № 1]; «В коралловых рифах живет более 180 видов светящихся рыб» (ихтиология) [2014, № 2]; «Глобальное потепление принесло больше пользы, чем вреда» (метеорология) [2014, № 2]; «НАСА планирует включить в рацион космонавтов овощи с помощью специальных камер» (космонавтика) [2014, № 6]; «Исследователи из Технологического института Джорджии выяснили, что капля воды крупных размеров не может сбить комара» (энтомология).

Также идеальный мужчина проявляет интерес к экономике: «44 400 000 000 — такую сумму потеряли за один день (5 марта 2014 г.) 300 богатейших людей планеты из-за обвала котировок на мировых биржах, произошедшего на фоне обострения политической ситуации в Крыму» [2014, № 4]; социальной жизни общества: «Вероятность, что молодой житель Афганистана скажет, что никогда не скажет о теракте в сентябре 2001 г., равна 90 %»; демографии: «37 — через столько лет количество людей старше шестидесяти превысит количество людей младше пятидесяти. Это случится впервые за всю историю человечества» [2013, № 11]; географии: «“Esquire” выяснил, где располагаются русские Венеции, Иерусалимы, Чикаго, Манчестеры и Лох-Нессы» [2014, № 6]; политической жизни: «...рассмешить и сделать посмешищем — огромная разница» [2013, № 7–8] (в статье «Не смешки ворочат» содержится явная насмешка над современными политиками: в открытом письме директора цирка «Ронкалли» Бернарда Пауэля кандидату в канцлеры Германии Пьеру Штайнбрюку говорится о том, что профессиональные клоуны обижаются за сравнение их с политиками).

Публикации журнала, относящиеся к политической тематике, в ряде случаев носят провокационный характер. Так, в беседе с Анной Сотниковой (статья «Борьба за права») Сергей Канаев, глава Московского отделения Федерации автовладельцев России, рассказал «Esquire» о схемах, которые используют сотрудники ГИБДД, чтобы сделать из владельцев автотранспорта нарушителей правил дорожного движения и назначить штраф или лишить водительских прав.

Далее, мужчина-идеал, по версии журнала, — это читающая, мыслящая личность. В «Esquire» публикуются литературные произведения как зарубежных, так и отечественных авторов: «О чем мы говорим, когда мы говорим об Анне Франк» (сборник рассказов Натана Ингландера о системе ценностей еврейской семьи) [2013, № 7–8]; «Туннельное видение» («Писатель Адольфич представляет

драматическую трактовку главного лингвистического преступления России, которое скрывается в недрах московского метро» — рассказ о двух алкоголиках, находящихся в метрополитене) [2014, № 6]; «Ожог» (произведение Миши Хиллера в переводе Григория Дашевского) [2013, № 9].

Герой «Esquire» отлично разбирается в модных тенденциях, предпочитает брендовые вещи новых коллекций. Можно предположить, что мужчина-идеал зарабатывает выше среднего, так как его базовый гардероб, судя по публикациям, достаточно обширен и требует постоянного обновления: «...каждый мужчина должен иметь портфели и портмоне» [2015, № 6], «...мужчина должен иметь как минимум три пары каждой сезонной обуви» [2015, № 7]. Также он пользуется косметическими средствами, имеющими высокое качество и, соответственно, такую же высокую цену. Рубрику «Вещи. Esquire-10» открывает слоган: «Производителям стоит потрудиться, чтобы их товар попал в список» [2013, № 6 — 2015, № 6]. Действительно, в списки входят только дорогие, качественные товары, зарекомендовавшие себя как бренд. Каждый товар сопровождается тематической журналистской заметкой.

В рамках исследуемого периода тематика, связанная с взаимоотношениями с женщинами и семейными ценностями, практически отсутствует. В рубрике «Поступки и намерения» можно ознакомиться с «десятью вещами о женщинах». Например: «Если девушка злится — отойдите, если плачет — подойдите» [2013, № 7–8]; «Если женщина посмеялась над вашим анекдотом, не пытайтесь закрепить успех, тут же рассказывая второй» [Там же]. Проблематика отцовства нашла отражение лишь в одной публикации «Esquire»: «У Рэдделлы и Невина Венгеров не получалось завести детей, и они решили усыновить сирот из России... У Аниты Уомплер случился шестой выкидыш, они с мужем Уилбером усыновили двух мальчиков...» [2013, № 9].

Проанализировав контент этого журнала, можно заключить, что читателей интересуют в большей степени интеллектуальные и духовные ценности, а также собственный внешний вид, его презентабельность. Отношения с женщинами, тем более супружеская жизнь, не играют первостепенной роли. Итак, можно сделать вывод относительно образа идеального мужчины, представленного в «Esquire». Такой тип мужчин подходит под описание метросексуала. По определению журналиста Марка Симпсона, это «...особь мужского пола, обитающая преимущественно в крупных городах и обладающая ярко выраженным художественным чутьем и эстетическим восприятием» [12]. По мнению М. Зальцмана, «...метросексуальность имеет гораздо более глубокое значение, чем многим кажется... метросексуалы отличаются не только определенными вкусами в моде и стиле (и пристрастиями в шоппинге), но они, как и другие современные мужчины, отказываются от таких традиционно мужских целей, как богатство и власть, и все чаще стремятся к тому, что раньше считалось типично женским» [4, гл. 4]. Из-за практически полного отсутствия материалов об отношениях с противоположным полом читателя «Esquire» можно соотнести с человеком-нарциссом⁴. Процессы

⁴ В психоанализе термин «нарциссизм» был использован Зигмундом Фрейдом [5].

либидо⁵ такого мужчины направлены на собственное «я», другие сексуальные объекты его не интересуют.

Персона для подражания в «МАХИМ»

В каждом выпуске над логотипом издания размещается фраза «Самый читаемый мужской журнал России»⁶.

Мужчина-идеал достаточно эрудирован, его интересуют история («Тюремщики считали Паскаля “опаснейшим рецидивистом”, что значило одиночное заключение в специальной камере» [2013, № 11]⁷; «Противогазов у русских солдат не было: первый противогаз был изобретен в России в 1915 году» [2014, № 8]; «Если я — земное воплощение бога, то почему жрецы все время говорят, что я должен делать?» — слова фараона Аменхотепа [2013, № 10]), география («Купи билет до г. Тируччираппалли. Нужный тебе комплекс находится в 4 км от города» — совет, как добраться до храма Ранганатхасвами в Индии [2015, № 2]).

Также он следит за научными открытиями, лабораторными экспериментами: «...ученые открыли микроскопических червей планарий, которые хранят воспоминания» [2013, № 9]; «...в лаборатории смогли вырастить человеческий мозг» [2013, № 11]; «...прибор, с помощью которого можно определить состав чего угодно» [2014, № 10]; ведет активный образ жизни: «Если туристические вылазки до сих пор вызывали у тебя зевоту, ты отстал от жизни» [2013, № 7]).

В основном во взаимоотношениях с противоположным полом мужчину интересуют флирт и секс («16 краеугольных иллюзий прочных отношений» [2013, № 10]; о «настойной книге благородного плотолобца» [2013, № 12], о «правилах поведения в постели» [2013, № 12], «как склонить девушку к тому виду секса, к которому она негативно относится» [2013, № 7]). Его заботит собственная интимная жизнь и то, как удовлетворить партнершу, чтобы она считала его хорошим любовником («...во время поцелуя у них подкосились ноги, закружилась голова и выступила томная испарина» [2014, № 11]; «Ремень святого Валентина: 10 приемов БДСМ для начинающих: о том, как в этот импортный праздник доставить девушке удовольствие, о котором она не подозревала» [2015, № 2]). Логично предположить, что семейная жизнь такого мужчину мало интересует⁸.

Герой серьезно относится к своему здоровью: «Вредно ли часто использовать дезодорант?» [2014, № 2]; «Вредно ли тереться мочалкой?» [2014, № 3]; «Можно ли питаться лапшой быстрого приготовления?» [2015, № 6]; «Гантельный

⁵ Одно из основных понятий, разработанных Зигмундом Фрейдом [5].

⁶ Это официальный факт, который подтверждается ежеквартальными мониторингами аудитории.

⁷ «Побег с препятствиями» — цикл статей Екатерины Чекушиной о самых масштабных, известных во всем мире побегах из мест заключения. Каждая публикация включает биографию преступника с самого рождения, воспоминания о нем и историю самих побегов, их планирование и осуществление. Паскаль Пайет — один из героев, трижды совершавший побег.

⁸ Однако во время контент-анализа встретилась статья «Кто в доме хозяйка?», в которой описан идеальный типаж спутницы жизни: «...она может предложить тебе разделить счет в ресторане... она не ищет добытчика и защитника... если ей приходится сталкиваться с мужской грубостью, она не винит за это весь мужской род» [2014, № 8].

супержим, супермах гирей» — информация о правильной, сбалансированной тренировке [2013, № 10]; «Люди добрые, подскажите, что это может быть и почему. Второй раз за месяц при оргазме вместе со спермой течет кровь, боли никакой не ощущал» [2013, № 9]. Возможно, некоторые читатели-мужчины относятся к числу тех, кто страдает такой фобией, как страх болезней. Идеального мужчину также заботит собственный внешний вид: «Если летом загар ценится на вес льда в мохито, то в ноябре вызывает недоумение» [2013, № 11]; «Периодически мы вспоминаем, что редкие островки растительности на щеках еще никого не красили. Тут-то на помощь и приходят лучшие средства для бритья» [2014, № 8]. Он хорошо ориентируется в новых стильных направлениях: «Какими бы ни были твои ботинки — спортивными, классическими, этой весной следи за тем, чтобы их окрас не менял интенсивность. То есть чтобы они были с градиентом» [2014, № 3]; «Мы обнаружили самые разные часы. Нам удалось точно установить одно: все они относятся к часовым новинкам сезона» [2014, № 8]. Два раза в год тематике моды и стиля в номере журнала отводится особое место. Все разделы «Стиля» объединены в рубрику «MAXIM. Fashion»: «весна–лето» или «осень–зима». Отличие такого выпуска от обычного — количество страниц, посвященных модным новинкам, и интервью с известной личностью⁹.

Результаты проведенного контент-анализа показывают, что в ведущих тематических блоках в большей степени обсуждаются внешний вид мужчины, его здоровье, новые тенденции в модной индустрии, в меньшей — взаимоотношения с женщинами. Данный журнал воплощает два образа современного мужчины. Первый — метросексуал среднего класса¹⁰, ухоженный поклонник прекрасного. Второй — это «дикий мужчина»¹¹. Его можно назвать самцом, дамским угодником, который меняет партнерш, не привязываясь к ним. Женщина для такого типа мужчин — предмет сексуального влечения, и не более того.

Супергерой для читателей «Men's Health»

Журнал отличается от других анализируемых мужских изданий простотой контента. О духовных и интеллектуальных ценностях говорится лишь в немногих материалах. В статьях освещаются научные факты («Если все пойдет без изменений, ребенок, который станет 8-миллиардным жителем Земли, родится в 2023-м» [2014, № 4]; «Замужние женщины на 28 % реже умирают от сердечных заболеваний»); публикуются интервью с известными личностями («Я хочу отправиться в космос, хочу продвигать идею пилотируемых или, лучше сказать, персональных полетов в космос. Ведь я верю, что именно с космосом связано

⁹ В апрельском выпуске журнала за 2014 г. главный герой номера актер Юрий Чурсин рассказал, что снимается в фильмах практически всегда в своей одежде и что он предпочитает белые и постельные тона тканей. Его мнение об известном дизайнере Леониде Алексееве: «В нем английская дотошность соединяется с отчаянным хулиганством. Когда все ходят в этих чудовищных зауженных джинсах, он выпускает коллекцию клеша» [2014, № 4].

¹⁰ По определению журналиста Марка Симпсона [12].

¹¹ «Дикий мужчина» — это сплетение биологических и социальных признаков, по мнению И. Тартаковской, старшего научного сотрудника Института социологии Российской академии наук [11].

будущее человечества»¹² [2014, № 11]), статьи о путешествиях («Я иду по уступу карьера, с неба падает снег. Если тайфун разбухнет и сметет все на свете самосвалы, можно, в конце концов, отправиться водить лесовозы в Хабаровский край: там повара готовят рыбу и можно есть ложками икру» [2015, № 3]).

Читателей журнала интересуют взаимоотношения с девушками. Большинство из них хотят иметь привлекательное мускулистое тело именно для того, чтобы обольстить девушку. Секс воспринимается мужчиной как физическая нагрузка и удовольствие: «Заниматься сексом 30–40 минут без эякуляции — нормальное для меня дело. А вот моя девушка порой очень сильно устает» [2013, № 9]; «Три способа заниматься сексом дольше» [2014, № 10]; «Сначала лучше попробуй действие тока на ее ягодицах, груди и бедрах, а потом уже продвигайся дальше. И глубже» [2015, № 1]. Но стоит отметить, что мужчина прислушивается к советам экспертов журнала: «Чем больше смотришь порно — тем больше вероятность измены» [2015, № 2]; «Устрой двойное свидание, чтобы оживить секс» [2014, № 3]; «Выбирай подругу по улыбке» [2014, № 2]; «Определяй сексуальность по бедрам» [2014, № 12].

Позиционируется образ мужчины, который работает над собой, над своим телом, улучшает его («...одновременно с приобретением абонемента в спортзал я перестроил весь свой рацион, ел при этом чаще и по объему больше, чем до этого, но жестко контролировал калории»¹³ [2014, № 10]). Правильное питание, комплексы упражнений для похудения или набора мышечной массы — вот то, что в первую очередь важно для мужчины: «ходи в сауну, чтобы лучше тренироваться» [2014, № 3]; «работай ногами, чтобы соображать быстрее» [2014, № 4]; «жги в спортзале» [2014, № 7]; «как сбросить лишний вес» [2014, № 10]). Также его интересуют здоровье: «...если твой родной брат имеет такой диагноз [преддиабет], то ты действительно находишься в группе риска. В первую очередь тебе необходимо поддержать в норме твой вес: занимайся спортом три раза в неделю» [2013, № 4]; «...скрести руки, чтобы снять боль» [2014, № 1], важны для него и путешествия (которые, так или иначе, тоже связаны со спортом). Читатель данного журнала умеет и любит готовить («...суп якамейн был придуман во французско-африканском Новом Орлеане» [2015, № 3]); «...три шага на пути к идеально замешенному тесту» [2014, № 10]). Уточнение — он сам готовит для себя и не доверяет приготовление пищи другим. Мужчину интересует модная одежда («жизнерадостно и модно для мужчин» — о флористическом рисунке [2015, № 5]; «как правильно выбрать пиджаки и брюки, сумки и ботинки, свитера и трусы, часы и парфюм», «костюм — штука требовательная», «вот тебе 5 основных видов мужских ремней» [2014, № 1]), новинки средств по уходу за лицом и телом («...подтянуть и укрепить нежную кожу вокруг глаз трудно, но можно» [2014, № 11]).

«Жми быстрее, чтобы мышцы стали объемнее» [2014, № 9] — девиз читателей «Men's Health». В современном обществе таких мужчин называют «качками»

¹² Статья Алекса Зарриса «Автостопом по вселенной» посвящена интервью со Стивеном Хокингом, который занимается активной деятельностью, будучи парализованным.

¹³ В каждом выпуске журнала рядовой читатель рассказывает о том, каким видом спорта он занялся и сколько килограмм скинул.

(по классификации С. А. Орлянского — мачо)¹⁴, у них хорошо развита мускулатура, они имеют прекрасное телосложение. Определяемый маскулинный образ популярен, так как «...глобальная культура становится все более визуальной и все больше сосредоточена на привлекательной внешности. Мужчины все чаще оценивают свою внешность и внешность других мужчин».

Говоря о специфике идеального образа, стоит заметить, что формат исследуемых изданий один — гляцевый журнал. Значит, специфика зависит от гендерных стереотипов, которые преподносятся в медиатекстах, и от целевой аудитории, социального статуса читателей. При анализе публикаций выяснилось, что, согласно классификации С. А. Орлянского, контент журналов представляет читателям дифференцированные образы. «Esguire» формирует феминный образ метросексуала с высоким качеством жизни. «МАХИМ» представляет маскулинный образ «качка» (мачо), которого интересует эстетическая, а не финансовая составляющая. «Men's Health» сравнительно разнопланово подходит к формированию образа идеального мужчины, демонстрируя его маскулинную и феминную разновидности («дикий мужчина» и метросексуал). Это связано с тем, что читательская аудитория «Men's Health» отличается по своему социальному статусу.

Итак, проанализировав мужские гляцевые журналы «Esguire», «МАХИМ» и «Men's Health», можно сделать вывод о том, что в СМИ происходит модификация и трансформация идеального образа мужчины. Мужчина становится носителем эстетической функции. Наблюдается отсутствие желания создавать семью, становиться главой семьи и отцом. Однако можно заметить, что присутствует и стратегия консервации: мужчина остается мужественным, сильным, амбициозным, самоуверенным. Но портреты современного мужчины довольно размыты, неконкретны. Для более точного определения идеального мужчины в зависимости от гендерных стереотипов необходимо исследование большего количества мужских изданий, с привлечением журналов иного формата, а также сравнение традиционных образов мужчин. Это открывает новые направления для дальнейшего глубокого изучения вопроса.

1. Ажгихина Н. И. Гендерные стереотипы в современных массмедиа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 261–273.

2. Александровская В. Н. «Идеальный образ» и «формирование личности» как полифункциональный синтез // Вестн. СамГУ. 2014. № 1 (112). С. 198–206.

3. Денисова А. А. Словарь гендерных терминов. М., 2002.

4. Зальцман М., Мататия А., О'Райли. Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин. М.; СПб., 2008. Гл. 4 : Метросексуал: просто другое название «культурного мужчины с хорошим вкусом» [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=76903&page=1>

5. Змановская Е. В. Современный психоанализ. Теория и практика. СПб., 2011. 288 с.

6. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009. 496 с.

7. Меджидова С. Гендерные стереотипы [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.az/Gender.php> (дата обращения: 25.10.2016).

¹⁴ «Качок» — вульгарный синоним понятия «бодибилдер/культурист».

8. Орлянский С. А. Трансформация образа мужчины в современной культуре : дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.
9. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. 496 с.
10. Соколова Е. А. Гендерные стереотипы в современных СМИ // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 71–77.
11. Тартаковская И. Н. Гендерная социология. М., 2005. 368 с.
12. Simpson M. Here Come The Mirror Men: Why The Future is Metrosexual [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marksimpson.com/here-come-the-mirror-men/> (дата обращения: 25.10.2016).

Статья поступила в редакцию 18.12.2016 г.

УДК 070:778 + 070:796 + 316.346.2:070

М. А. Ващук

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СПОРТИВНОЙ ФОТОЖУРНАЛИСТИКИ

Рассматриваются гендерные особенности современной спортивной фотожурналистики. Автор исследует различия в восприятии спортивных событий фотографами мужчинами и женщинами, а также возможности применения разных подходов в современных спортивных редакциях. На примере Олимпиады-2014 исследователь показывает, что женщина наравне с мужчиной может выполнять все редакционные задания. На основе личных интервью автор приходит к выводу, что наличие небольшого количества женщин в спортивной фотожурналистике обусловлено тем, что работа для них часто не является основным источником дохода, а значит, есть больше возможностей в выборе формата занятости.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фотожурналистика; спорт; фотография; гендерные особенности.

Интерес к атмосфере события, внутреннему миру героев, эмоциональной составляющей ситуации все чаще проявляется на страницах журналов и новостных изданий. Эти признаки изначально ассоциировались с «женской» фотографией, и современное преобладание такой подачи материала в какой-то степени связано с тем, что сейчас женщина все чаще работает наравне с мужчиной в разных областях — в политике, управлении, науке, искусстве. Фотография, в том числе и профессиональная фотожурналистика, становится более «женской» — мы часто слышим о женщинах-фотографах, причем в том числе и о женщинах-фотографах на войне. Однако в спортивной фотографии это по-прежнему редкость.

В данной статье мы попытаемся выяснить, существует ли потребность в особом, менее формальном, взгляде в современной спортивной фотографии; является ли интерес к передаче атмосферы события специфически женским способом

ВАЩУК Мария Александровна — доцент кафедры фотоискусства факультета фотографии Института гуманитарного образования и информационных технологий, г. Москва (e-mail: v780@mail.ru).

© Ващук М. А., 2017

видения; меняется ли спортивная фотожурналистика под воздействием современных реалий, одна из которых — возрастающая роль женщины в профессиональных сферах деятельности, и почему среди профессиональных спортивных фотографов в России там мало девушек?

Особенность женского восприятия мира

Специфике женского взгляда на окружающий мир уделяется достаточное внимание в исследованиях, изучающих особенности визуального восприятия. Есть много публикаций, рассказывающих об особом «женском» видении в фотографии. Например, преподаватель кафедры фотожурналистики и технологии СМИ факультета фотожурналистики МГУ им. М. В. Ломоносова Л. В. Седова проанализировала творчество 7 девушек-фотографов [10]. Несколько лет назад вышел фотоальбом, рассказывающий о более чем 40 женщинах-фотожурналистах, работающих с журналом National Geographic [7]. В статье «Women of Vision: The Pioneers» [13], опубликованной в 2013 г., К. Ньюман пишет о том, что женщин до сих пор значительно меньше в тревел-изданиях, чем мужчин. Российский исследователь В. А. Никитин в статье «Женский фотовзгляд на мир» рассказывает о российских и зарубежных фотографиях и резюмирует, что «...большинство женщин-фотографов ориентировано на фотофиксацию именно окружающего мира, социальной сферы. <...> документальные фотографии социальной направленности, на которых запечатлена реальная жизнь реальных людей. И самое интересное, что эту реальную жизнь показывают женщины. Потому что они ближе к этому миру» [5]. Интересный взгляд на современную российскую фотографию можно найти в статье искусствоведа И. Ю. Чмыревой «Женское лицо русской фотографии» [12].

Многие исследователи отмечают, что женщины готовы вживаться в мир своего героя, что они более проницательны, более чутки. Это соотносят с особенностями женского типа восприятия — как психологического, так и физиологического. Доктор культурологии Н. А. Коноплева пишет: «Чувственное, цветочное восприятие традиционно связывается с эмоционально-образными личностными проявлениями женской культурной идентичности и отвергается в мужской. Действительно, в зрительно-пространственной ориентации мужчины превосходят женщин (анализ результатов 1 600 исследований, проведенный Е. Маккоби и К. Джеклин, подтверждает эти данные), поэтому изобразительные способности к цветовому выражению более развиты у “женственных” женщин, а к формообразованию — у “мужественных” мужчин» [2]. Доктор философских наук В. М. Розин утверждает, что у женщин хорошо развито периферическое зрение, поэтому они больше внимание уделяют деталям, которые дополняют ситуацию в целом. А способность женской психологии более тонко чувствовать другого человека дает возможность легче приближаться к человеку, понимать его суть и натуру, раскрывать внутренний мир [9].

Фотография — демократичный вид деятельности, и увлечение фотографией распространялось и среди женщин. Так, автором первой публикации, где фотографии использовались в качестве иллюстраций, стала английский биолог Анна

Аткинс («British Algae: Cyanotype Impressions», 1843 г.). Но в целом лишь немногие женщины-фотографы заявили о себе в XIX в.: это англичанка Джулия Маргарет Камерон, российский фотограф Елена Мрозовская. Обе они занимались студийной фотографией. С началом XX в. и развитием фотожурналистики появляются женщины, работающие в этом жанре. Например, американский фотограф Маргарет Брук Вайт и российский (дореволюционный) фотограф Аглая Динесс — они путешествовали с фотокамерами, снимая важные и актуальные события своего времени.

В истории отечественной спортивной фотографии есть и примеры женщин-фотографов. Например, в 1930-е гг. спортивные события снимала сестра известного советского фотокорреспондента Ольга Игнатович. А в 1950–1960-е гг. Мария Волкова, жена спортивного фотокорреспондента Евгения Волкова, работала на крупных спортивных мероприятиях наравне с мужем. Однако эти примеры все-таки единичны.

В современной отечественной фотожурналистике немного женщин-фотографов. Еще меньше среди них тех, кто снимает преимущественно спортивную жизнь. В 2016 г. всего две девушки в России работали на постоянной основе в профессиональных спортивных изданиях: Елена Руско (фотограф хоккейного клуба ЦСКА, стрингер ТАСС), Дарья Исаева (штатный фотокорреспондент газеты «Советский спорт»).

В спортивной фотографии, наиболее технологичном виде фотожурналистики, есть много факторов, которые позволяют говорить об этом жанре как о специфически мужском. Это и сама тема съемки — спортивные соревнования, которые в первую очередь популярны среди мужчин; и большой вес фотографического оборудования, необходимого для работы; и сложные технические параметры настройки каналов связи для оперативной передачи фотографий; и тяжелый график работы на международных соревнованиях. Кроме этого есть и специфика самого жанра спортивной фотографии. Здесь важны факты, четко определены необходимые сюжеты, строго прописан алгоритм работы на съемке. Эти черты характерны для более рассудочного мужского восприятия реальности.

Различия между женским и мужским подходом к фотографии учитываются редакторами. Например, Дарья Исаева рассказывает, что на съемки, где нужен контакт с человеком (на тренировки, на интервью), редакция предпочитает отправлять ее. А если необходимо снять много формальных кадров, например, все события, происходящие на футбольном поле, то отправляют мужчину: «Костя (Константин Иванов, штатный фотокорр газеты «Советский спорт». — М. В.) — он снимет все 7 голов за матч! Как-то кинули пачку сигарет в футболиста — он стоял на противоположной стороне поле и как-то это снял, через все поле. Как он это видит — не понимаю. Пачка там была крохотная — но это обложка была, ее красным обвели, эту пачку»¹. В такой ситуации у фотографа-мужчины есть преимущество в скорости реакции на происходящее и в возможности вычленивать необходимый предмет, то самое «тоннельное» зрение, которое позволяло

¹ Из интервью автора исследования с Д. Исаевой, июль 2015 г.

первобытному охотнику выслеживать добычу. И. Ю. Чмырева замечает: «...делают репортаж и мужчины, и женщины, но у хорошего репортера — качества охотника, ассоциирующиеся с мужским началом в первую очередь» [14].

Можно ли сказать, что небольшое количество женщин в спортивной фотографии обусловлено спецификой этого вида съемки?

Анализ работы спортивных фотографов на Олимпиаде в Сочи 2014 г.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, автор статьи провела анализ работы фотографов на Олимпиаде в Сочи в 2014 г. В основу исследования легла рабочая гипотеза, что женщин в спортивной фотографии мало по двум основным причинам. Первая — девушкам сложно выносить тяжелую физическую нагрузку. Второй возможной причиной может быть особенность женского восприятия, о которой говорят многие исследователи фотографии и психологи. В спорте важно обеспечить сюжетную канву событий: голы, финиш, награждение, а эмоции и передача атмосферы не так обязательны. Возможно, поэтому в спортивной фотографии не востребована иная точка зрения, и поэтому женщины не устраивают работодателя.

В работе над темой использовались методы эмпирического уровня: наблюдение, сравнение, интервью с фотографами и редакторами, с мужчинами и с женщинами.

На Олимпийских играх, проводившихся в Сочи в 2014 г., девушек-фотографов, снимавших для российских изданий, было всего две. Это были вышеупомянутая Дарья Исаева и Мария Плотникова, фотограф-фрилансер, специализирующаяся на спортивной и жанровой фотосъемке. При этом, например, в хост-агентстве Олимпиады-2014, роль которого исполняло РИА Новости, было 25 фотографов, и среди них ни одной девушки.

Дарья Исаева работала на Олимпиаде наравне с фотографами-мужчинами, ежедневно отправляя в редакцию новостные фоторепортажи. Она жила в том же графике, что и фотографы-мужчины, — длительный рабочий день, тяжелая техника, жесткие требования по скорости передачи фотографий в редакцию, отсутствие времени на отдых. Ее фотографии публиковались в ежедневных выпусках газеты, были востребованы читателями сайта и высоко оценены коллегами.

Интересно отметить, что среди западных журналистов на Олимпиаде было некоторое количество фотографов-женщин. И хотя это число было значительно меньше, чем мужчин, их присутствие и работа на крупные международные новостные агентства, специализирующиеся в области спортивной фотографии, подтверждают, что Дарья Исаева — не уникальный в своем роде пример.

Таким образом, предположение, что женщины физически не способны справиться с тяжелыми нагрузками во время крупных спортивных мероприятий опровергается. Так же как и то, что особенности женского восприятия мешают женщине-фотографу отвечать жестким требованиям новостных редакций.

Вторая девушка-фотограф, аккредитованная от России, — Мария Плотникова представляла совсем другой пример. Она получила аккредитацию на Олимпиаду

в результате участия в конкурсе для блогеров, который устраивало РИА Новости. По условиям конкурса она работала в режиме, который выбрала для себя сама, и самостоятельно оплачивала свои командировочные расходы.

Марии удалось найти издание, интересы которого в освещении Олимпиады совпадали с ее идеями. Это позволило окупить поездку и найти аудиторию для своих фотографий в Интернете: «Я работаю в свободной форме, снимая абсолютно все, что взбредет в голову, стараясь использовать по максимуму весь свой фотографический опыт. Основной проект, которым я занимаюсь на Играх, — лучший олимпийский инстаграм (Bigpicture.ru), где я стараюсь показать изнанку этого грандиозного события. Помимо инстаграма, я снимаю для различных СМИ и агентств, но стараюсь не сильно забивать этим голову, так как у меня есть уникальная возможность сосредоточиться на том, что интересно именно мне, а не соперничать с мировыми агентствами в спортивной репортажной фотографии» [8].

Во время Олимпиады Плотникова снимала то, что было интересно ей, — и это было востребовано читателями интернет-ресурсов, на которых она публиковалась. Например, количество посещений ее олимпийских материалов на Bigpicture.ru превысило 2 млн. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что особый «женский» взгляд на спортивные события, детальный и подробный, действительно интересен современному читателю. Дополнительные доказательства этого то, что спортивные фотографы крупных информационных агентств все чаще уделяют больше внимания атмосфере события, и то, что агентство РИА Новости отправило в Сочи нескольких фотографов именно для съемки атмосферы, жизни «вокруг Олимпиады», без аккредитации на спортивные события.

Мотивация на работу в редакционных условиях

Получается, что, несмотря на всю рассудочность и технологичность спортивной фотографии, женщина, при желании, может работать наравне с мужчинами в этом жанре. Кроме того, в спортивной фотожурналистике все больше и больше востребован личностный, эмоциональный стиль освещения событий. Есть четкий тренд отхода от жесткой фактологии сюжетов спортивной фотографии, вызванный переменами в результате развития цифровых технологий — и с этой точки зрения женщине теперь проще найти свою нишу в спортивной фотографии. Одновременно с этим в спортивной фотографии встречаются женщины-фотографы, которые работают наравне с профессионалами-мужчинами и получают признание на международных конкурсах профессиональной спортивной фотографии. Яркий пример этого то, что осенью 2015 г. Дарья Исаева заняла третье место в престижном конкурсе *Sport Media Pearl Awards* [10].

Но в чем может быть причина того, что в спортивной фотографии у нас в стране так мало девушек? Чтобы найти ответ на этот вопрос пришлось расширить поле исследования и посмотреть в целом, как и почему девушки занимаются фотожурналистикой.

Большинство женщин, работающих в области фотожурналистики и документальной фотографии, не заинтересованы в работе в новостном формате.

Часто девушки выбирают тип работы, который позволяет заниматься долгими исследовательскими проектами, связанными с погружением в личный мир героев, с поиском актуальных и сложных современных тем, с ярко выраженным личным аспектом в творчестве. Такая работа предполагает больше простора для творчества, однако доход будет небольшим и нестабильным. Важно, что этот тренд — работа над собственными проектами — не является сугубо женским. Все больше и больше фотографов-мужчин работают в таком же режиме. Это связано с расширением возможностей, которые есть у независимого фрилансера в наше время. Более того, принадлежность к штату какого-либо издания не является уже вершиной карьеры фотографа вообще. А количество штатных ставок для фотографов в редакциях СМИ сокращается по всему миру.

И тем не менее количество фотографов-мужчин, ориентированных на работу в штате изданий, выше, чем фотографов-женщин. Это обусловлено, как нам видится, социально-психологическими факторами: для мужчины, как главы семейства, важно иметь постоянную стабильную работу. Мужчины-фотографы в качестве основной причины выбора работы в штате того или иного издания называют стабильность заработка. Действительно, для молодого человека очень важен постоянный источник дохода, тогда как для девушки поддержку, как в финансовом, так и в психологическом плане, может оказать семья — муж или родители. Если же решение финансовых вопросов зависит от женщины, тогда она готова работать в штатном режиме и выполнять все требования редакции. Вот как комментирует это Мария Плотникова: «Но, например, уже на Чемпионате мира (в Бразилии летом 2014 г.) было по-другому — потому что там меня прижал материальный вопрос. И плюс надо было еще и на “СовСпорт” работать — им за аккредитацию в сборную России отработать. И только материальный вопрос меня заставил снимать футбол вот этими объективами — и гол там и все остальное, и отсылать в агентство. Вот чисто эти спортивные сюжеты. А так я бы, может быть, даже больше Месси проследила бы на поле — может быть, только его бы и снимала»².

В России чаще встречается традиционное распределение ролей, и на мужчине лежит основная задача финансового обеспечения семьи. Об этом пишет в своей статье российский исследователь Ю. П. Лежнина: «Муж должен выполнять роль добытчика, умеющего обеспечить материальный достаток, сильного и здорового “защитника” семьи <...> модернизация гендерных отношений практически не изменила представлений о том, каким в целом должен быть мужчина» [4]. За женщиной остается сфера налаживания быта, заботы о детях и о мужчине. Но при хорошем стечении обстоятельств (поддержка семьи, финансовая стабильность) у нее появляется возможность и время заниматься реализацией своих творческих идей.

На традиционность мужской роли и трансформацию роли женщины указывает и доктор культурологии Н. А. Коноплева: «В современной России мы наблюдаем существенные гендерные трансформации и социокультурную активность женщин, их включенность в сферы деятельности, исторически считающиеся мужскими, в том числе и активизацию их деятельности в изобразительном творчестве» [2].

² Из интервью автора исследования с М. Плотниковой, июль 2015 г.

Получается, что женщины в фотографии имеют больше возможностей для самостоятельного выбора сферы деятельности, тогда как стратегия поведения мужчины обуславливается прежде всего задачей обеспечить стабильный заработок, что вынуждает его искать постоянную работу, которая часто подразумевает жесткие редакционные стандарты в съемках.

Вот почему разница между мужской и женской фотографией в принципе есть, но она не столько в том, что мужчины снимают так, а женщины иначе. (Н. А. Коноплева отмечает, что «...нет никаких естественных (биологических) причин, разделяющих в искусстве мужской и женский пол» [3].) Намного важнее то, что мужчины и женщины, которые выбирают работу в фотожурналистике, преследуют разные цели. Для женщин возможность самовыражения доступнее и важнее (например, Н. А. Коноплева указывает, что стремление проявить себя, выделиться при выборе творческой профессии важно для 85 % женщин и только для 60 % мужчин [4]). Для мужчины, как правило, на первом месте стоит необходимость обеспечить семью и обрести стабильность и в профессии, и в финансах. Это вынуждает их искать по возможности штатную работу или фиксированную занятость, чаще всего в штате СМИ или спортивного клуба.

1. *Вартаков А.* Взгляд свой, неповторимый [Игнатович Ольга] // Сов. фото. 1979. № 8. С. 15.
2. *Коноплева Н. А.* Гендерная парадигма человека творческого в изобразительном искусстве // Теория и практика общественного развития. 2013. Вып. 6. С. 129–134.
3. *Коноплева Н. А.* Гендерные особенности ценностно-мотивационных аспектов творческой деятельности // Вестн. Башк. ун-та. 2011. Т. 16, № 4. С. 1343–1346.
4. *Лежнина Ю. П.* Трансформация гендерных ролей в современной России // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 165–176.
5. *Никитин В. А.* Женский фотовзгляд на мир 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.projects.spbsj.ru/161-stati/5705-zhenskij-fotovzglyad-na-mir.html> (дата обращения: 26.12.2016).
6. *Никитин В. А.* Загадка по имени Динесс [Электронный ресурс]. URL: <http://va-nikitin.com/exhibitions/diness> (дата обращения: 26.12.2016).
7. *Ньюман К.* Лучшие фотографии женщин-фотографов. М., 2004.
8. *Плотникова М.* Один день фотографа Олимпийских игр: блог Марии Плотниковой в ЖЖ [Электронный ресурс]. URL: <http://bigpicture.ru/bigsochi/article/odin-den-fotografa-olimpiyskih-igr> (дата обращения: 05.10.2014).
9. *Розин В. М.* Визуальная культура и восприятие. М., 2009.
10. *Семова Л. В.* Женский акцент. Женщины выбирают фотожурналистику // Digital Photo. 2013. № 117 (январь).
11. Фотокорреспондент Sovsport.ru Дарья Исаева заняла третье место на международном конкурсе в Абу-Даби // Sovsport.ru : [официальный сайт]. 2015. 16 дек. URL: <http://www.sovsport.ru/news/text-item/867847> (дата обращения: 14.03.2016).
12. *Чмырева И. Ю.* Женское лицо русской фотографии // Foto&Video : [официальный сайт]. 2010. URL: <http://www.foto-video.ru/practice/filosofy/55701/> (дата обращения: 26.12.2016).
13. *Newman K.* Women of Vision: The Pioneers. 2013. 9 Oct. [Electronic resource]. URL: <http://proof.nationalgeographic.com/2013/10/09/women-of-vision-the-pioneers/> (accessed: 09.01.2017).

Статья поступила в редакцию 06.10.2016 г.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА ПАЦАНА
В КУЛИНАРНОМ ДИСКУРСЕ:
на материале кулинарного сообщества
«Пацанские рецепты (Нажорка 18+)»**

Рассматриваются особенности формирования современного образа пацана и нетипичный вариант использования данного образа в дискурсивном поле кулинарного текста. Особое внимание уделяется выявлению наиболее характерных черт образа пацана, которые находят отражение в текстах рецептов. Определяется основной механизм формирования образа в кулинарном паблике «Пацанские рецепты (Нажорка 18+)», а также анализируется причина непопулярности данной страницы при учете высокого уровня интереса к теме кулинарии в русскоязычном Интернете.

К л ю ч е в ы е с л о в а: блогосфера; пацан; кулинарные блоги; кулинарный дискурс.

Современное российское общество активно предлагает потребителям массовой культуры ряд образов, обладающих определенной вариативностью исполнения, но при этом всегда остающихся точно узнаваемыми. Одним из них является образ «пацана».

В связи с длительной историей развития самого понятия и представления этой разнородной группы в пространстве массовой культуры необходимо обобщить все бытующие представления в единый образ. Само понятие пережило несколько ступеней трансформации, пройдя путь от антропологического описания социальной группы до создания стереотипного образа, обладающего набором специфических черт в массовом сознании.

Современное представление о пацанах ведет свою историю примерно с 1920-х гг., когда на фоне постреволюционной урбанизации появились группы, не сепарированные институционально, но имеющие невидимые границы, обусловленные разницей происхождения. Этот период вносит важнейшую составляющую в формирующийся пацанский менталитет — идею осознания себя через противопоставление «другим»: дети представителей низких социальных кругов образовывали сообщества, противопоставляя себя детям из других социальных страт (политической номенклатуры, интеллигенции и др.), формируя свою нормативную манеру поведения, отклонения от которой становились маркером инородности. Со временем к «пацанам» начали причислять и представителей преступного мира: гопников и «братков» (различавшихся тем, что первые обладали идеей собственной элитарности и кодексом чести [4], а вторые нет) — значительно изменивших коннотацию понятия и определивших современный вектор его восприятия.

ЛИТОВСКАЯ Елизавета Владимировна — аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: elizabethliter@gmail.com).

© Литовская Е. В., 2017

В нулевые и бандитский шик девяностых, и гопническая бескультурность стали предметами иронии, а пацан окончательно стал пародийным персонажем. Массовое искусство дает возможность проследить динамику изменения образа: от «Республики ШКИД», через «гопников» группы «Зоопарк», «Бригаду» и «Жмурки», до «Реальных пацанов» — путь от популярной культуры до популярной культуры через андеграунд, от трагического образа к комическому стереотипу.

Именно к последнему апеллировали создатели одного из пабликов в социальной сети «ВКонтакте» — «Пацанские рецепты (Нажорка 18+)», решившие расширить тематическую сферу пацанского дискурса и соединить такие разнородные элементы, как пацаны и кулинария. Стоит изначально отметить, что данный паблик не является популярным (на конец декабря 2016 г. он насчитывает всего 307 подписчиков, среди которых преобладают мужчины, и 75 постов, последний из которых датируется 30 июля 2015 г.). Так как авторы данной страницы остаются анонимными, нельзя с точностью сказать, является ли эта страница подлинником пацанской «письменности» или это имитация, но в обоих случаях текст остается интересен с точки зрения работы с культурным стереотипом.

В современном образе пацана есть ядро, которое делает образ узнаваемым: это система ценностей, построенная на противопоставлении другим, культурная и языковая модель, предполагающая подчеркнутую патриархальность, агрессивную маскулинность, провокативность и ненормативность. Именно эти черты становятся основой для дальнейшего тиражирования. В анализируемом корпусе текстов формирование образа пацана происходит преимущественно через описание его отношений со «своими» и «чужими», реализуемых в форме кооперации и сепарации, а также через систему кодов, призванную помочь в проведении условной границы. Все репрезентируемые отношения подаются через призму бытовых практик.

Первой группой, с которой пацан вступает в отношения, становится авторитетная группа старших мужчин из числа бывших «пацанов», перешедшая на следующий возрастной и иерархический уровень, в анализируемых текстах обобщенная в образ «бати» и «деда».

Проявление нетолерантности по отношению к «другим» становится базовым способом проявления кооперации и выражения уважения (*Бывают такие ПОЧВЫ в которых она ***** растет, если особенно ее окучивал не твой БАТЯ, а его БАБА; можно купить горяче-копченой рыбы у ДЕДА НА РЫНКЕ (у БАБОК НЕ ПОКУПАЙТЕ ТАМ ЧЕРВИ)*). Основной функцией «бати» является формирование поведенческих паттернов, в кулинарном аспекте проявляющихся в передаче проверенного знания (*Мастеркласс от бати по приготовлению НАСТОЯЩЕЙ МУЖИЦКОЙ ПИЩИ*).

Образ «деда» связывается в событиями Второй мировой войны, а он сам становится носителем уникального навыка выживания в сложных условиях, которым должен обладать пацан для перехода в следующий иерархический статус (*Дедовский блокадный рецепт (Похлебка из кожаных ремней)*).

Второй подгруппой «своих» являются пацаны-ровесники. В текстах рецептов авторы чаще всего используют в качестве обращения к аудитории лексему

«мужики», указывающую на коллективность как важный компонент пацанской маскулинности [5], а также демонстрирующую солидарность и уважение внутри сообщества [1].

Кооперация пацанов строится на совместном проведении досуга, включающем занятия, маркируемые массовой культурой как мужские. Они сопровождаются приготовлением «мужской» еды и употреблением спиртного (*Рыбу надо ловить сетями, с другими мужиками (в одиночку НЕЛЬЗЯ). При этом надо много пить ВОДКИ и готовить из привезенных консервов УХУ (уху едят ТОЛЬКО НА РЫБАЛКЕ); с БАТЕЙ под беленькую посидеть, дедов воевавших вспомнить*), которые должны обязательно осуществляться в закрытой пацанской группе (*ХАШ! Потребляется только в настоящей мужицкой компании*). Эти действия являются одним из способов создания пространства общего прошлого, необходимого для формирования коллективной идентичности.

Авторы паблика уделяют особое внимание демонстративности как отличительной черте поведения пацанов: они находятся в постоянном процессе доказывания собственной «крутости», что является одной из стратегий завоевания более высокой позиции в системе власти [3]. Кроме проявлений нетерпимости к другим, активного использования обценной лексики, в текстах присутствует и гастрономический способ доказательства своей брутальной маскулинности — умение много пить. Этот навык призван показать выносливость пацана и, что важнее, его причастность к группе «своих», следование заданным ею нормам поведения (*выпиваем стакан пива или рюмку водки (остальные спиртные напитки это бабство)*).

Кроме описанных выше коллективных социализирующих практик, актуализируется стереотипный набор индивидуального пацанского досуга: гараж (*пока можно у бати в гараже движок жиги перебрать*), просмотр культовых сериалов, главные герои которых — пацаны, являющие собой образчик брутальной маскулинности (*идешь смотреть про доблестных дукалисов восемь серий; за один раз можно приготовить столько провианта, что на целый сезон улиц разбитых фанарей с этим в шляпе который хватит; Ставим кастрюлю в духовку на двести градусов и идем смотреть Физрука*).

Сериалы как хранилище прототипических для пацанов образов становятся важной вехой для формирования пацанского кода, используемого для передачи хронометрической информации, являющейся важной составляющей кулинарных рецептов: так как длина серии по умолчанию известна «своим», она заменяет прямое указание тайминга (*Смотрим три заставки от сериала Глухарь и переворачиваем; Перемешай и кипяти еще примерно с полдукакиса*).

Политика также является одной из сфер интересов пацана. Его позиция формируется стереотипными русскими представлениями о том, что «мужик» должен быть патриотичен. Пацан является одним из ретрансляторов магистральной линии партии власти, в агрессивной форме проводящим границу между «своими» («нормальными пацанами», управляющим государством) и «чужими» (оппозиционерами, западными политиками), формируя обобщенный образ врага. В этой роли выступает популярный оппозиционер Алексей Навальный (*Смотрим сюжеты*

про жулика алексея навального и прочую петушиную опушцицию, продающую РО-ДИНУ на запад), а также представители западного мира, противостоящие России по наиболее растиражированным в СМИ политическим вопросам, в частности, вопросу об аннексии Крыма (*Садись перед телеком и смотришь, как НАШИ показывают ***** ФАШИСТАМ, чей Крым*). Проправительственная позиция пацана однозначна и базируется на том, что государством управляют «свои», занявшие позицию силы и, следовательно, заслуживающие уважение. Патриотизм он проявляет в достаточно агрессивной вербальной форме и выражает его по принципу «от обратного»: через национализм.

Кроме уже описанной категории «чужих» как представителей политической оппозиции, к данной категории в пацанской картине мира относятся и другие группы: мужчины, не соблюдающие правила пацанского сообщества, и женщины.

Как отмечает О. Шабурова, «мужское выстраивается через стратегию трех основных доказательств <...>. Чтобы стать мужчиной, нужно доказать, что ты не: а) женщина, б) ребенок, в) гомосексуалист» [6]. Все мужчины в поляризованном пацанском мире делятся на «нормальных пацанов» и «всех остальных», живущих по неправильным законам и, следовательно, подвергающихся публичному порицанию, так как утрачивают в глазах пацанов «мужской статус», занимают промежуточное положение между женщинами и мужчинами и приравниваются к гомосексуалистам — «пидорам», как называют их авторы. Именно они становятся главными антиподами пацанов, а сравнение с ними является оскорбительным. Так как для противопоставления необходимо основание, его диктует тематика паблика — это гастрономические и бытовые привычки. Хотя привычки «непацанов», упоминаемые в анализируемых текстах, являются достаточно распространенными в повседневной практике многих людей, приравнивание к представителям доминирующих общественных категорий невозможно для пацана, это подрывает его статус [4].

В первую очередь критикуется желание усложнить процесс приготовления пиццы (*ОБЯЗАТЕЛЬНО МАГАЗИННЫЕ — ЛЕПИТЬ ПЕЛЬМЕНИ ДОМА — ВЕРХ ПЕДРИЛЬСТВА; Но готовить тесто — это полное ПИДРИЛЬСТВО*). Еда настоящего пацана должна быть простой и «нажористой», что неоднократно подчеркивается авторами (*Еда должна быть простой и нажористой; КАРОЧЕ, братюни, вот так вот можно любое ***** БЛЮДО сделать ТЕСТЕСТЕРОНОВЫМ и НАЖОРИСТЫМ*). Курс на простоту берется не случайно: еда для пацанов — явление утилитарное, она утоляет голод и обеспечивает запас энергии, но не является предметом профессиональной или культурной рефлексии.

Остракизму со стороны пацанов подвергается и проявление гастрономического эстетства: *Сегодня ЖАРИМ мясо с КАРТОХОЙ. Настоящая еда для МУЖЫКОВ, не то что всякие ХАМОНЫ и ПАРМЕЗАНЫ для ПИДОРОВ; заранее подсуетись, чтобы тебе не подсунили пидрильский Французский БАГЕТ, бери именно длинный такой батон с мякишем*). Иногда пацан может себе позволить нарушить это правило (*Можно ПИДОРНУТЬ и взять ИМБИРНЫЙ КОРЕНЬ*), но это будет своеобразная «пощечина общественному вкусу», которая показывает смелость пацана, идущего против общепринятой коллективной нормы.

Пацану дается пример того, как надо себя вести, чтобы не прослыть «непацаном» (*То что присохнет — надо ШКРЯБАТЬ. Если мужик ест что-то со сковороды и не ШКРЯБАЕТ — он латентный пидорас; ЕСЛИ ТЕБЕ ЧОТО ЛУК НЕ НРАВИТСЯ — ТЫ ПИДРИЛА ПРОСТО И НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА ЕСТЬ ТАКУЮ ЕДУ*).

Авторы постоянно подчеркивают пацанское превосходство над другими типами мужчин (*Для тех у кого слабые кишки (но они еще не пидрилы, хотя на полшага, желудок мужика должен переваривать все!); Нет, братюня, таймер он для ПИДРИЛ. Надо в себе ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ развивать. Если с БАТЕЙ В ДЕРЕВНЕ пойдешь на дичь какую, то там же ***** надо засекаеть ВРЕМЯ*). Это превосходство основано на более широком круге умений физиологического толка (у пацана должен быть крепкий желудок, который способен справляться с жирной и острой «мужской» едой) и умении решать «мужские» задачи без помощи вспомогательных средств [3, 85].

Отношения с женщиной в реальных пацанских сообществах строятся на дистанцированности: женщина не допускается до «мужских дел». Пацанский мир построен на идее патриархата, поэтому для женщин существует жесткий кодекс поведения [4]. Женщина противопоставляется пацану: она лишена своей воли и является перманентным объектом доминирования. Хотя пацан, говорящий о кулинарии, заведомо заходит на поле, где главенствуют женщины, но сама идея женского авторитета вступает в конфликт с его мироустройством. Построением такого типа нарратива авторы свергают ее с заданной тематической направленностью позиции власти, утверждая и здесь доминирование брутальной маскулинности.

В текстах пацанских рецептов женщина — это персонаж вспомогательный. Она все делает неправильно и нуждается в постоянном контроле со стороны пацана (*Отгони бабу от котла и дальше САМ контролируй; Бабу не отправляешь, дабы не накупила там ерунды всякой*). Основной ее задачей является выполнение всей скучной подготовительной работы (*При помощи БАБЫ трем картошку на мелкой терке; Крошим картоху заведомо почищенную бабой, на сковороду; И, наконец, посуду моет БАБА*). После того как эта работа выполняется, женщина отсылается прочь (*Потом БАБУ шлем с кухни. Пусть там носки СТИРАЕТ или еще короче ЗНАЕТ СВОЕ МЕСТО*).

Паблик «Пацанские рецепты» дает читателю возможность пронаблюдать смоделированную ситуацию сочетания несочетаемых единиц: перенос системы отношений мира пацанов в пространство кулинарного текста. Факт непопулярности данного паблика дает нам возможность сделать вывод о том, что пацаны не нужны кулинарии, так же, как и кулинария не нужна пацанам. Причиной этого при общем высоком интересе к теме кулинарии становится неясность авторской интенции. Как отмечает О. Иссерс, «слушая речь другого человека, мы всегда стремимся понять, ради чего он говорит. Не понимая мотива речевых действий, мы до конца не можем понять смысл высказывания» [2, 57]. А кулинарный блог изначально предполагает важность идеи ученичества, идущей вразрез с основными пацанскими установками.

Тем не менее образ пацана, который формируется в анализируемом блоке текстов, дает нам возможность выявить основную тенденцию репрезентации

современной популярной культурой этого образа: «пацан» является суммой персональных отличительных признаков, наиболее ярко проявляющихся в сравнении с представителями других групп. Его существование невозможно в безвоздушной среде, он должен постоянно находиться в противоборстве с миром «непацанов» — таков его социокультурный поведенческий паттерн. Именно на контрасте с «непацанами» создатели паблика моделируют узнаваемый образ: гиперболизированно невежливый, нетолерантный, патриархально-ориентированный, существующий только в жестких границах культуры минимальной рефлексивности, детерминированный идеей о получении символической власти и признания в группе себе подобных.

Сама идея паблика, с одной стороны, показывает, что образ прижился в массовой культуре настолько, что стало возможно его использование для создания текстов любой тематической направленности, а непопулярность свидетельствует о том, что ряд тематических сегментов интернет-письма все еще тяготеет к более традиционным формам.

1. *Гайфуллина А. Н.* Гендерные стереотипы в электронной коммуникации [Электронный ресурс] // Вестн. ТГГПУ. 2007. № 4(11). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy-v-elektronnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 17.10.2016).

2. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

3. *Казарина Т. В.* Пацаны как тема современной литературы [Электронный ресурс] // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер. : Философия. Филология. 2012. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/patsany-kak-tema-sovremennoy-literatury> (дата обращения: 15.10.2016).

4. *Константинов А.* Парни с окраин [Электронный ресурс] // Рус. репортер. 2014. № 44 (372). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/44/parni-s-okrain/ (дата обращения: 10.10.2016).

5. *Стивенсон С. А.* Жизнь по понятиям: «реальные пацаны» и их моральные правила [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2015. № 5(103). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/103/9s.html> (дата обращения: 17.10.2016).

6. *Шабурова О. В.* Мужик не суетится, или Пиво с характером [Электронный ресурс] // О муже(Н)ственности / под ред. С. Ушакина. М., 2002. URL: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/18303422.html> (дата обращения: 13.10.2016).

Статья поступила в редакцию 22.12.2016 г.

СОЗДАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ (1915–1916 гг.)

В статье показан процесс формирования французской службы пропаганды в России в годы Первой мировой войны. Ее создание было обусловлено чередой кризисов в межсоюзнических отношениях России и Франции, поиском новых форм взаимодействия с обществом и стало новаторским опытом в пространстве тотальной войны. Автор рассматривает становление аппарата пропаганды в контексте общефранцузской тенденции реорганизации информационно-пропагандистской системы. Исследование основано на оригинальных документах Исторической службы Министерства обороны Франции и архива Министерства иностранных дел Франции.

Ключевые слова: Первая мировая война; пресса; пропаганда; цензура.

Управление информационными потоками — неотъемлемая составляющая любого военного столкновения. В энциклопедии «La Grande Guerre», вышедшей к столетнему юбилею Первой мировой войны во Франции, утверждается, что этот конфликт породил новую систему управления общественным мнением: если прежде государство придерживалось «прагматической линии» в ведении пропаганды и цензуры, т. е. определяло, что скрывать и что внушать, то к середине войны Третья республика пришла к пониманию, что цензурные требования реализуются лишь в военной и дипломатической сфере, охватывая малую толику всего информационного потока. В 1916 г. депутат Поль Менье определил смысл и значение нового понятия — «информационная система», архитектура которой представляла собой совокупность цензурных бюро, органов военной и гражданской пропаганды, почтовых комиссий, производивших необходимый информационный контент («ограниченный и неточный») посредством штата военных журналистов и контролировавших деятельность бумажных изданий через информационные агентства [9]. Трансформация системы управления и формирования общественного мнения явилась закономерным следствием феномена «тотальной войны». Практика национальной мобилизации предполагала и мобилизацию национального сознания, духа, что оказывало существенное влияние на конструирование образа врага и союзника [4, 17].

Цель настоящей статьи — проследить трансформацию информационно-пропагандистской системы на примере деятельности носителя новой гуманитарной технологии — французской военной миссии в России и особенностей ее взаимодействия с российскими СМИ.

Начало войны, как известно, было отмечено подъемом патриотических настроений и отражало глубокое единение союзников по Антанте в борьбе против

ГАЛКИНА Юлия Михайловна — аспирант кафедры новой и новейшей истории (соискатель степени кандидата исторических наук) Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: galkinskaya@gmail.com).

центральных держав. Однако в феврале 1915 г. командированный в Россию в качестве офицера связи майор Жак Ланглуа, задачей которого было в том числе изучение общественного мнения и настроений в среде русской элиты, констатировал засилье пренебрежительного отношения к возможностям и действиям французской армии. Эта оценка относилась, прежде всего, к государственным деятелям и представителям торгово-промышленных кругов: Ланглуа «обвинял» военного министра Сухомлинова, министра внутренних дел Маклакова в том, что они считают действия французской армии «мягкотельными». Впрочем, общественное мнение, согласно рапорту офицера связи, страдало от скудости информации о боевых действиях французов на Западном фронте и в силу этого являлось носителем нелестных оценок о роли союзников, в чем была повинна и русская пресса, уделявшая мало внимания боевым действиям на Западе [10]. Единственным источником сведений для русского читателя были французские комюнике, «краткие и малоинтересные» [Там же]. Попытка усилить французские позиции в отечественных СМИ, согласно пожеланиям Ланглуа, осуществлялась в основном путем увеличения количества поступающих в адрес военного атташе Франции в России журналов, газет и комюнике, предназначенных для воспроизведения в русских изданиях. Тем не менее подобные меры не приводили к желаемому результату [Там же]. Функции Ланглуа становятся шире, чем функции офицера связи, в Париже стали внимательно прислушиваться к его рекомендациям. В дальнейшем это позволило майору Ланглуа сыграть ведущую роль в реорганизации информационно-пропагандистской системы Франции в России.

Поскольку в России в годы Первой мировой войны общественное мнение в отношении союзников быстро менялось — от эйфории до кризисов доверия [4], представляется вероятным, что проявления кризисных состояний провоцировали две главные причины — слом стратегической схемы войны и нестабильное состояние Российской империи, остро нуждавшейся в помощи союзников: неудачи на фронте требовали объяснения и, как следствие, поиска козлов отпущения, одним из которых можно было представить Францию.

Понимание того, что война не будет краткосрочной, актуализировало связи руководства ряда европейских стран с местными СМИ и усилило влияние последних: так, Аристид Бриан обеспечил себе поддержку Жана Дюпюи, главного редактора популярной газеты «Пти Паризьен», с целью организации пропаганды и включения крупного игрока мира прессы в общую систему управления информационными потоками [8, 679]. Желание поставить и российскую прессу на службу Франции чувствуется в рапортах Жака Ланглуа:

Англичане сумели использовать прессу лучше нас;

Их чрезмерные комюнике, преувеличенные рассказы «от лица очевидца», газетная реклама английских усилий и существенной важности войск, введенных в бой на Западном фронте, заставляют русских верить, что британские войска оказывают нам колоссальную помощь, а ответственность за неподвижность нашего фронта лежит только на нас [10].

Разумеется, Ланглуа преувеличивал эффективность пропаганды Альбиона, антианглийские настроения в России были широко распространены после эйфории 1914 г. [4].

К началу 1916 г. французская пропаганда наладила исключительно тесную работу с прессой: военная миссия передавала через Бюро печати заметки в газеты, самостоятельно совершала рассылку французских газет в различные издания, активно сотрудничала с консульским аппаратом и издавала брошюры, освещающие новости с фронта. Однако подобная организация осознала Ланглуа как недостаточная, о чем он телеграфировал в Париж [10]. В этом контексте английская пропаганда послужила для французов своего рода толчком к реформированию собственной информационной системы. Одной из ярких попыток переломить негативный тренд стало привлечение видных отечественных журналистов. Так, Ланглуа предложил отправить на французский фронт корреспондента В. И. Немировича-Данченко из «Русского слова»¹ [Там же]. Ставка на «Русское слово» была неслучайной, механизм функционирования газеты был одним из наиболее передовых, сеть корреспондентов покрывала всю Россию, а передача информации была самой быстрой. Более того, издатель Иван Сытин не скупился на привлечение наиболее одаренных писателей для своего «детища». Газета была дешевой и доступной [2, 101–104].

Решением проблемы стал проект создания французской службы пропаганды в России, во главе которой должен был встать гражданский служащий с прекрасным знанием русского языка и обладающий связями в журналистских кругах [10]. Акцент в работе службы пропаганды делался на активное сотрудничество с печатными изданиями. На этом пути французы неоднократно встречались с трудностями: не все их материалы уходили в печать, чаще всего они отбраковывались цензурой. Майор Ланглуа приводит такой эпизод:

Некоторое время назад «Русское слово» пожелало выпустить статью, изображающую с некоторыми деталями успешную деятельность миссии (имеется в виду артиллерийская миссия майора Пио². — Ю. Г.); дважды эта статья была запрещена цензурой и редактор писал: «Цензура обосновывает свой запрет циркуляром, датированным началом пребывания в России французской миссии и строго запрещающим говорить об этом в печати что бы то ни было» [10].

Тем не менее статья была опубликована. Аналогичная судьба ждала и публикацию отчета майора Пио, который французская миссия желала использовать в качестве зримого успеха работы своей технической миссии. Однако цензура исключила из публикации все количественные показатели и «лишила» Пио как звания, так и его национальной принадлежности, в виду чего статья потеряла всякий смысл [Там же]. Корреспонденты французских изданий сталкивались

¹ Поездка во Францию состоялась не ранее марта 1916 г., после визита в Англию. Об этом свидетельствует К. Чуковский, отказавшийся от визита к французам: «...я поспешил к товарищам; выяснилось, что я и Набоков возвращаемся в Россию через недели две, а Немирович, Толстой, Егоров и Башмаков едут на французские позиции» [6].

² Миссия майора Пио прибыла в Россию в начале 1915 г. с целью реформирования системы производства боеприпасов в условиях «снарядного голода».

с проявлениями жесткой цензуры почтовых и телеграфных служб (например, им не предоставили возможности осветить в своей национальной прессе визит министра вооружений Альбера Тома в Россию [10]). Отмечалось и откровенное недоброжелательное отношение к французам в русской прессе: в «Экономических новостях» вышла популистская статья профессора Мигулина³ «Верден и ход военных событий», объясняющая читателю сколь незначительны были сосредоточенные немцами под Верденом силы и понесенные потери, а также малое значение Вердена как стратегического узла. Эта статья наделала много шума еще и потому, что ей было посвящено как минимум две колонки опровержения в популярной газете «Новое время» [Там же].

Представляется вероятным, что попыткам сформировать позитивный образ Франции как союзника препятствовала политика Российской империи в отношении печати: государство не имело сколько-нибудь популярного собственного органа пропаганды, прибегало к помощи частных, которые не всегда стремились его поддержать:

...Печать, как могущественное орудие пропаганды, безвозвратно утеряна для правительства, так как казенная печать играет жалкую роль и не оправдывает затрачиваемых на нее средств (цит. по: [5]).

В этой ситуации французская военная миссия была вынуждена самостоятельно контактировать с частными СМИ и «бороться» с цензурными комитетами. Можно предположить, что ввиду захиревшей и невостребованной государственной печати правительственные круги Российской империи прибегали к помощи частного издателя и формировали умонастроения (в том числе и по отношению к союзникам) посредством цензурных ограничений. Представитель французской дипломатии Робер де Кэ утверждал, что фактически в русской прессе не существует недоброжелательности по отношению к французам — она охотно публикует французские материалы. Проблема заключается в непонимании российским руководством причин «неподвижности» Западного фронта [7, 54].

Решить проблему майор Ланглуа предложил путем качественной реорганизации аппарата пропаганды: он счел необходимым создать в Петрограде Комитет управления пропаганды, задачей которого станет формирование общественного мнения в России и механизмов воздействия на него. Комитет был создан и получал инструкции от французского МИД, будучи подотчетным послу [Там же, 98bis]. Так дело пропаганды перешло из разряда вспомогательных инструментов французского военного представительства в России в дело государственной важности. В состав комитета вошли: Франсуа де Шевийи⁴, «весьма деятельный и интеллигентный человек, обладающий обширными связями в деловых, политических и журналистских кругах», г-н Патуйе, директор Французского института в Петрограде, г-н Легра, представитель военного атташе, представитель издательского

³ Петр Петрович Мигулин — действительный статский советник, с 1914 г. — член Совета Министерства финансов.

⁴ Граф Франсуа де Шевийи — банкир, возвратился в строй из резерва с началом войны. В 1917 г. стал руководителем комитета пропаганды в Санкт-Петербурге, учрежденного Альбером Томом.

дома «Ашетт» г-на Лабуре. Спецификой данной миссии стало то, что впервые были своеобразно диверсифицированы функции каждого ее сотрудника: Лабуре и Шевийи работали с пресс-службами и формировали пропагандистские брошюры как специалисты, имеющие соответствующие связи и опыт издательского дела. Патуйе как «университетский человек» вел пропаганду в научных кругах⁵. Париж должен был предоставить в распоряжение комитета все необходимое: фильмы, снимки, резюме иностранной печати, свежую французскую прессу. Миссия пропаганды, в свою очередь, проводила аналитику общественного мнения и прибегала к помощи всех французских организаций на территории России. Венцом работы этой миссии должна была стать организация двуязычной большой французской газеты в Петрограде. Нередко миссия просила прислать статьи для русской печати на специально оговоренные темы: так, 2 (15) июня 1916 г. были затребованы материалы по русско-французским отношениям, специфике организации военных ведомств, истории оружия, авиации, Красного Креста, вопросам снабжения, военно-инженерного дела во Франции, эффективности немецкой обороны (чтобы продемонстрировать всю тяжесть ситуации) и др. [7, 141–146].

Информационно-пропагандистские системы Франции и России имели существенные отличия: если французская система в условиях военного времени характеризовалась цельностью и единством, ее пресс-службы централизованно, под контролем государства получали материал для работы и имели возможность интерпретировать его в рамках существующих цензурных ограничений, то в России не существовало даже единого центра печати. Созданное по проекту Михаила Лемке Бюро печати, призванное предоставлять редакциям газет проверенную информацию, практически бездействовало [3]. Государственные издания служили плохим примером: у них была малая аудитория, многие из них стремительно закрывались [1]. В отсутствие «пресс-проекта», который бы задавал тон газетному делу, а также контроля правительства над печатью в России «расплодилось» порядка 60 только военных газет и журналов [Там же, 546]. Этими частными каналами пользовались как представители определенных профессиональных групп (например, французская миссия), так и представители государства. Таким образом, системного единства, столь необходимого в условиях войны, в позициях множества редакций не существовало (по всей видимости, это и создавало иллюзию недоброжелательности к французам). Отсутствие контроля государства над печатью и неумение привлечь ее на свою сторону стало одной из составляющих его краха, а также давало возможность Франции воспользоваться ситуацией в своих интересах: миссия Шевийи надолго задержалась в России. Сменив вектор пропаганды с «просоюзнического» на антибольшевистский, она развернула активную деятельность во время революции.

⁵ Подобный проект соответствовал основным тенденциям оформления информационно-пропагандистской системы во Франции: с 1915 г. для работы с общественным мнением стали привлекаться ученые, интеллектуалы, представители мира искусства [9, 432].

1. Гужва Д. Г. Военные газеты и журналы в годы Первой мировой войны как основное средство информирования русской армии // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. М., 2013. С. 546–558.
2. Казакова Н. Медиумагнат Иван Сытин // Россия XXI. 2014. № 5. С. 96–111.
3. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века : учеб. пособие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text1/84.htm> (дата обращения: 25.10.2015).
4. Поршнева О. С. Союзники глазами русского общества в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) // Общество и война : материалы докл. междунар. науч. семинара, Екатеринбург, 26 нояб. 2009 г. Екатеринбург, 2010. С. 17–37.
5. Трофименков М. Умиравший лебедь: Первый русский фильм ужасов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2906087> (дата обращения: 15.10.2016).
6. Чуковский К. Из переписки с женой (1904–1916) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/jena.htm> (дата обращения: 15.10.2016).
7. AMAE – Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Berthelot Philippe, Service de propagande, Russie (nov. 1915 – fev. 1917).
8. Delporte C. Journalistes et correspondants de guerre // Encyclopedie de la Grande Guerre. Paris, 2004. P. 675–686.
9. Forcade O. Information, censure et propagande // Encyclopedie de la Grande Guerre. Paris, 2004. P. 425–438.
10. SHD – Service historique de la Défense, Terre. Attachés militaires. Russie. GR 7 N 1545.

Статья поступила в редакцию 30.10.2016 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2 + 159.9.072.533

**М. Н. Юртаева
Н. С. Глуханюк**

ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТРУКТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению толерантности к неопределенности. Выявлены основные тенденции их трансформации и воплощения в областях исследования культуры, образования, управления человеческими ресурсами, психологического здоровья. Показаны возможности будущих исследований толерантности к неопределенности.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности; теория черт; нарратив; кросс-культурные особенности личности; принятие решений.

Конструкт «толерантность к неопределенности» (далее — ТН) приобрел в последние десятилетия широкую популярность как в зарубежных, так и отечественных психологических исследованиях. Содержательно интерпретации ТН как способности принимать и преодолевать неопределенные ситуации, противостоять вызовам разной сложности согласуются с общим контекстом современности, определяя онтологический статус конструкции и место центральной категории психологии.

Практическая значимость исследований конструкта обусловлена ресурсной составляющей ТН по обеспечению жизнеспособности, жизнестойкости личности, способности эффективно принимать решения и сохранять продуктивную активность, достигать успеха и совладать с трудными жизненными ситуациями.

ЮРТАЕВА Марина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: myurtaeva_82@mail.ru).

ГЛУХАНИЮК Наталья Степановна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: profi.n@mail.ru).

© Юртаева М. Н., Глуханюк Н. С., 2017

Широкие экспликативные способности конструкта ТН породили большое количество разнонаправленных исследований, констатирующих по своей природе (направленных на проверку «очевидных» гипотез либо данных, полученных в других исследованиях) и эклектичных в теоретическом построении.

Поэтому цель настоящей статьи — определить теоретико-методологические подходы к изучению ТН, выявить основные тенденции их трансформации и воплощения в областях исследования культуры, образования, управления человеческими ресурсами, психологического здоровья, обозначить перспективы будущих исследований ТН.

Итак, рассмотрение конструкта ТН в теоретической плоскости позволяет выявить ряд концептуальных подходов к его изучению и сформировавшихся на их основе исследовательских практик.

Первый из них связан с изучением природы предубеждений в рамках авторитарной индивидуальности [14]. Примечательным является то, что первоначально исследователей интересовал другой полюс континуума — интолерантность к неопределенности (далее — ИНТН) как психологический признак тоталитарной личности.

Согласно Э. Френкель-Брунsvик, ИНТН — это «тенденция человека приходить к решениям по типу “черное — белое”, принимать поспешные решения, зачастую не учитывая реального положения дел, и стремиться к очевидному и безусловному принятию или отторжению в отношениях с другими людьми» [14, 115].

В самом начале изучения роли ИНТН в развитии авторитарного синдрома исследователи находились под влиянием психоанализа. Так, значительная часть гипотез, касающаяся природы ИНТН, была связана с представлением о ригидном складе личности и роли в его формировании семейной атмосферы и методов воспитания детей [12, 14, 22].

Влияние психоаналитических интерпретаций отразилось и на выборе методов изучения аттитудов, в числе которых преобладали перцептивные задачи, проективные тесты, анкетные опросы [14]. Индикаторами ИНТН выступили перцептивные и познавательные реакции, соотносимые с представлениями о когнитивном стиле личности [16].

Современное развитие данного направления исследований ТН находит свое воплощение в изучении авторитаризма, антисемитизма, этноцентризма и политико-экономического консерватизма. Между тем установлено, что когнитивный стиль и авторитаризм относятся к различным классам психологических феноменов. Авторитаризм имеет отношение к системе убеждений, тогда как когнитивный стиль может иметь значение predisпозиции для развития авторитарной системы веры [11, 12].

Программы эмпирических исследований ТН направлены на анализ внутреннего мира личности террориста, поиск источников становления авторитарной идеологии, экстремистской индивидуальности, что, безусловно, актуально для общества с высоким риском террористической угрозы [21, 28].

Второй подход к определению понятия «толерантность к неопределенности» восходит к теории черт. ТН рассматривается как личностный континуум, полюс

шкалы, противоположный ИНТН, отражающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции на неопределенность.

Классиком диспозиционального подхода к изучению ТН является С. Баднер. В его понимании ТН проявляется в тенденции воспринимать неопределенные ситуации как желательные. В свою очередь, ИНТН подразумевает восприятие неопределенных ситуаций как источника угрозы [9].

В русле данной традиции исследования ТН были подвергнуты критическому анализу как с точки зрения понимания неопределенной ситуации, ее характеристики, структуры возможных реакций (когнитивные, эмоциональные, мотивационные), так и со стороны способов измерения и сопоставимости эмпирического контента [8, 15, 23].

В общем массиве современных исследований ТН диспозициональный подход является лидирующим. Особое значение приобретают вопросы психометрической оценки диагностического инструмента, поскольку тестовая надежность и валидность являются основным источником достоверности результатов.

К сильным сторонам концепции черт относится возможность применения количественной методологии исследования. К слабым сторонам концепции черт относится заданность характеристик ситуации неопределенности исследователем, их внешняя индуцированность, контекстуальная неспецифичность и кросс-культурная безотносительность. Кроме того, диспозициональный подход упускает из поля исследовательского анализа индивидуальную историю респондента, его личный опыт, субъективные репрезентации, интерпретации ситуации неопределенности, способы ее преодоления, т. е., по сути, тот пласт психологической информации, который является уникальным, неповторимым, «бесценным» для исследователя.

В настоящее время наблюдается проявление двух новых тенденций в исследовании ТН: кросс-культурной и нарративной (как вариант дискурсивной), реализация последней основана именно на качественной методологии психологического исследования.

Кросс-культурные исследования ТН поддерживаются идеями глобализации и мультикультуризма, уже не новыми, но требующими эмпирических данных для решения практических задач в сферах управления человеческими ресурсами и образования. Согласно Г. Хофстеде, ТН отражает меру переживания человеком чувства угрозы, вызванного ситуациями неуверенности и неопределенности.

Установлены взаимосвязи ТН с выбором исследовательских стратегических предпочтений в управлении, профессиональной компетентностью менеджеров, решением моральных дилемм в бизнесе и карьерным выбором [6, 16, 20, 24, 25].

Выявлены взаимосвязи ТН с успешностью обучения в новой культурной среде, субъективными предпочтениями и выбором условий преподавания учебных курсов, академическими и творческими достижениями, спецификой подготовки бизнесменов, оценкой эффективности внедрения отдельных педагогических техник [7, 13, 19, 26]. Анализ особенностей кросс-культурного сеттинга и индивидуальности в контексте управления человеческим потенциалом представлен в более раннем нашем обзоре [3].

Нарративный подход к изучению толерантности к неопределенности характерен для незначительного числа исследований. Он предполагает попытку погружения в мир субъективного опыта восприятия, сознания и самосознания личности с целью обнаружения особенностей переживания человеком ситуации жизненной и социокультурной неопределенности и поиска способов ее принятия и преодоления.

Так, нарративный подход использован Э. Аббей для объяснения идентичности иммигрантов. Исследователь предположила, что культура меньшинства, в частности семьи иммигрантов, связана с формированием дихотомического стиля мышления. Автор использовала метафору «вентрилогизма» (чревоуращения) для описания явления негативной «расщепленной» идентичности [5].

Как полагает Э. Аббей, в пределах группы иммигрантов нетерпимость выполняет уникальную функцию, позволяя вести переговоры о собственной идентичности. Еще более важно то, что члены собственной группы иммигранта инициируют ведение обсуждений о двусмысленности в идентичности.

Иммигранты с низким уровнем ТН в отношении их собственной идентичности реагируют закрытием или отвержением подобно «внешнему другому», проявляя нетерпимость, которую они символически помещают в себя. В этой метафоре «внешние другие» выступают в роли «кукол», «марионеток», посредством которых иммигрант говорит, реализовывая ее/его двусмысленность. В действительности в акте «чревоуращения» голос «куклы» символизирует голос нетерпимого человека, проецируя на «внешнего другого» отрицательные переживания, порождаемые двусмысленностью в идентичности [5].

Аналогичные идеи можно обнаружить в современных концепциях социального познания личности, таких как концепция самокатегоризации и привлекательности подобия, концепция «чужого» [2, 27].

Утверждается, что несходство, как один из аспектов переживания «чужого», может представлять угрозу ценностям личности, выступать препятствием в достижении ею положительной идентичности, являться источником амбивалентных чувств. Показано, что ТН и самооценка могут усиливать «чувствительность» к различию, поэтому определяются как «переменные угрозы» [27].

Использование дискурсивного подхода показало новые возможности в исследовании ТН через обращение к феномену ожиданий, где основная функция ожиданий связана с уверенностью в будущем, чувством защищенности и безопасности. Однако формирование ожиданий по механизму «искусственной дихотомии» или «ложной ясности» может приводить к интолерантным ответам на неопределенность [4, 14].

Примерами таких ответов могут послужить категоричные высказывания в отношении действий, воспринятых как угроза: «Я больше не буду травмирован терроризмом в будущем» [4]. К тому же классу примеров могут быть отнесены наблюдения за тем, как люди создают ограничения в своей повседневной жизни. Например, отказываются от путешествий или проявляют подозрительность в отношении других, вместо того, чтобы принять неопределенность (в значении неизвестности) и жить как обычно. Снизить «когнитивную уязвимость», избежать деструкции ожиданий в повседневных выборах помогает любопытство,

активизация саморефлексии, развитие критического мышления, а также положительные базисные убеждения как предикторы психологического благополучия [4, 17, 18].

Проанализируем еще один подход к изучению ТН — теории принятия решений, среди которых мы рассматриваем только психологические. Так, в своей работе Элсберг непосредственно не определяет ТН, но обращается к категории уверенности, с которой индивидуум оценивает вероятность, связанную с каждой ветвью решения, представленного в общей форме [23]. Таким образом, речь идет о специфических интегративных психологических (метапсихологических) процессах, сопряженных с условиями неопределенности и риска.

Одной из наиболее разработанных как в теоретико-методологическом, так и в эмпирическом плане является концепция функционально-уровневой регуляции интеллектуальных решений Т. В. Корниловой [1]. Данная концепция реализует идею «функционального органа», деятельность которого связана с осуществлением динамического контроля неопределенности. Концепция функционально-уровневой регуляции интеллектуальных решений имеет ряд важных следствий для исследования ТН в контексте принятия решений в условиях неопределенности и риска. Первое — это различие условий объективной и субъективной неопределенности; второе — активность самого субъекта в построении репрезентаций условий объективной неопределенности и снижении уровня субъективной неопределенности; и, наконец, третье — готовность субъекта к действиям в условиях неопределенности и риска как интеллектуально-личностное решение, опосредуемое ценностной оценкой его последствий.

Подводя общий итог работе, сделаем следующие выводы:

1. ТН является психологической конструкцией, способной объяснять и предсказывать поведение человека как в широком классе ситуаций, так и в разных культурах.

2. Новые тенденции в исследованиях ТН обусловлены потребностью в фиксации изменений личности, находящейся в ситуации неопределенности, сложности, разнообразия. Претерпели изменения и границы неопределенности, отсюда мы наблюдаем смещение фокуса исследовательского внимания от анализа условий субъективной неопределенности к социокультурной неопределенности, с учетом культурных вкладов в становление личности, где толерантность лишь одна из граней отношений в системе «человек — социум — культура».

3. Многомерность, нелинейность отношений человека в этой системе, наделенной такими характеристиками, как неопределенность, сложность, разнообразие, указывает на ограниченность исходного континуума ТН/ИНТН в понимании природы и механизмов изменений личности современного человека. Психологии необходима новая категориальная единица, способная эксплицировать новые психологические реалии.

1. Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решения. М., 2003. 286 с.

2. Шефер Б., Скрабис М., Шлёдер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого // Психология : журн ВШЭ. 2004. Т. 1, № 1. С. 24–51.

3. Юртаева М. Н. Разнообразие как фактор управления человеческим потенциалом // Дискуссия. 2012. № 11(29). С. 159–165.
4. Abbey E. The Blind Leading the Seeing: A Path to Self-Reflexivity // Culture Psychology. 2004. Vol. 10, № 4. P. 409–415.
5. Abbey E. Ventriloquism: The Central Role of an Immigrant's Own Group Members in Negotiating Ambiguity in Identity // Culture Psychology. 2002. Vol. 8, № 4. P. 409–415.
6. Ashford S., Blatt R., Vande Walle D. Reflections on the Looking Glass: A Review of Research on Feedback-Seeking Behavior in Organizations // Journal of Management. 2003. Vol. 29, № 6. P. 773–799.
7. Banning K. The Effect of the Case Method on Tolerance for Ambiguity // Journal of Management Education. 2003. Vol. 27, № 5. P. 556–567.
8. Benjamin A. J., Jr., Riggio R. E., Mayes B. T. Reliability and factor structure of Budner's tolerance for ambiguity scale // Journal of Social Behavior & Personality. 1996. Vol. 13, № 3. P. 625–632.
9. Budner S. Intolerance for ambiguity as a personal variable // Journal of Personality. 1962. Vol. 30. P. 29–50.
10. Chang S., Tharenou P. Competencies Needed for Managing a Multicultural Workgroup // Asia Pacific Journal of Human Resources. 2004. Vol. 42, № 1. P. 57–74.
11. Chirumbolo A., Areni A., Sensales G. Need for cognitive closure and politics: Voting, political attitudes and attributional style // International Journal of Psychology. 2004. Vol. 39, № 4. P. 245–253.
12. Cornelis I., Van Hiel A. The Impact of Cognitive Styles on Authoritarianism Based Conservatism and Racism // Basic and applied social psychology. 2006. Vol. 28, № 1. P. 37–50.
13. DeRoma V., Martin K., Kessler, M. The Relationship Between Tolerance for Ambiguity and Need for Course Structure // Journal of Instructional Psychology. 2003. Vol. 30, № 2. P. 104–109.
14. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional perceptual personality variable // Journal of Personality. 1949. Vol. 18. P. 108–143.
15. Furnham A., Marks J. Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature // Psychology. 2013. Vol. 4, № 9. P. 717–728.
16. Gardner R. W., Jackson D. N., Messik S. J. Personality organization in cognitive controls and intellectual abilities // Psychological Issues. Monograph 8. 1960. Vol. 4, № 2.
17. Harvey M., Novicevic M., Leonard N., Payne D. The Role of Curiosity in Global Managers' Decision-Making // Journal of Leadership and Organizational Studies. 2007. Vol. 13, № 3. P. 43–58.
18. Ingram R., Trenary L., Odom M. et al. Cognitive, affective and social mechanisms in depression risk: Cognition, hostility, and coping style // Cognition & Emotion. 2007. Vol. 21, № 1. P. 78–94.
19. Kim R., Goldstein S. Intercultural Attitudes Predict Favorable Study Abroad Expectations of U.S. College Students // Journal of Studies in International Education. 2005. Vol. 9, № 7. P. 265–278.
20. Lane M., Klenke K. The Ambiguity Tolerance Interface: A Modified Social Cognitive Model for Leading Under Uncertainty // Journal of Leadership and Organizational Studies. 2004. Vol. 10, № 3. P. 69–81.
21. Lewis G. Welcome to the margins: Diversity, tolerance, and policies of exclusion // Ethnic and Racial Studies. 2005. Vol. 28, № 3. P. 536–558.
22. McCrae R. Social Consequences of Experiential Openness // Psychological Bulletin. 1996. Vol. 120, № 3. P. 323–337.
23. McLain D. L. The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity // Educational and Psychological Measurement. 1993. Vol. 53, № 1. P. 183–189.
24. Nelissen N., Goede P. de. Public Management: The Need for Ambiguity Tolerance and Moral Engagement // International Journal of Public Administration. 2003. Vol. 26, № 1. P. 19–34.
25. Saka N., Gati I., Kelly K. Emotional and Personality-Related Aspects of Career-Decision-Making Difficulties // Journal of Career Assessment. 2008. Vol. 16, № 4. P. 403–424.
26. Stoycheva K. Talent, science and education: How do we cope with uncertainty and ambiguities? // Science Education: Talent Recruitment and Public Understanding / P. Csermely, L. Lederman (Eds.). Amsterdam, 2003. Vol. 38. P. 31–43.
27. Strauss J., Connerley M., Ammermann P. The «Threat Hypothesis», Personality, and Attitudes Toward Diversity // The Journal of Applied Behavioral Science. 2003. Vol. 39, № 1. P. 32–52.

28. *Victoroff J.* The Mind of the Terrorist: A Review and Critique of Psychological Approaches // *Journal of Conflict Resolution*. 2005. Vol. 49, № 3. P. 3–42.

Статья поступила в редакцию 25.10.2016 г.

УДК 159.923.3 + 378.115.15:159.943.2

А. А. Любякин
Т. А. Павлова

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи субъективного благополучия и толерантности, проведенному на студенческой выборке. И субъективное благополучие, и толерантность студентов диагностировались по нескольким методикам. В результате исследования установлено, что следует говорить не о взаимосвязи уровня субъективного благополучия и толерантности (как единого феномена), а о взаимосвязи субъективного благополучия и отдельных видов толерантности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субъективное благополучие; толерантность; виды толерантности; интолерантность; взаимосвязь субъективного благополучия и толерантности.

Проблема субъективного благополучия актуальна в современном российском обществе в связи с ростом возможностей и свободы самоопределения личности. При этом в контексте социального поведения индивида принципиальное значение имеет, насколько он в стремлении к своему счастью готов учитывать интересы других людей, быть терпимым к ним, и способствует ли толерантность как личностное качество субъективному благополучию.

Идеи о наличии взаимосвязи толерантности и субъективного благополучия выдвигались В. Франклом, К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьевым, С. Л. Рубинштейном, Л. Е. Доценко, К. Муздыбаевым и др. Вместе с тем данный вопрос еще не достаточно исследован, особенно на эмпирическом уровне. Исследование взаимосвязи субъективного благополучия и толерантности на выборке лиц среднего и зрелого возраста проводилось Н. К. Бахаревой [2]. Определенные эмпирические данные получены в исследованиях Е. Е. Бочаровой [3], А. И. Алешиной [1], М. Е. Пермяковой [5], О. Vindeker [6] на выборках старших подростков и студентов. Однако эти данные касаются или субъективного благополучия, или

ЛЮБЯКИН Анатолий Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: a.lyubyakin@mail.ru).

ПАВЛОВА Татьяна Анатольевна — магистрант кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: pavlovatiana22@yandex.ru).

© Любякин А. А., Павлова Т. А., 2017

толерантности. Взаимосвязь этих явлений на студенческой выборке практически не исследовалась.

Понятие «субъективное благополучие» предложено в рамках позитивной психологии М. Селигманом и используется в современной научной литературе в качестве синонима понятия «счастье». Субъективное благополучие складывается под воздействием ряда факторов. Вместе с тем, как относительно стабильный психологический феномен, субъективное благополучие может быть представлено, прежде всего, как единство когнитивно-оценочного и аффективного компонентов. Когнитивно-оценочный компонент обуславливает степень удовлетворенности человеком событиями собственной жизни. Человек удовлетворен, когда реальные жизненные события соответствуют ожиданиям или превосходят их. Неудовлетворенность вызывается, соответственно, негативным разрывом экспектаций и реальности. Аффективный компонент представляет собой эмоциональный фон, эмоциональную реакцию — положительную или отрицательную — на удовлетворенность или неудовлетворенность собственной жизнью. В данной работе под субъективным благополучием понимается совокупность удовлетворенности жизнью и аффекта, т. е. положительных и отрицательных эмоций и состояний, связанных с отношением к личному жизненному опыту.

Понятие «толерантность» более многозначно. Это связано с широким спектром его использования. Вследствие многозначности термина исследователи используют разные его трактовки. Подробный анализ понятия «толерантность» и проблем его операционализации дан Д. А. Леонтьевым [4]. Важно подчеркнуть, что понятие «толерантность» является междисциплинарным понятием. Помимо психологии, оно используется также и в медицине, и в биологии, и во многих других науках, приобретая в каждом случае соответствующую смысловую нагрузку.

Базовое определение толерантности, принятое в медицине и гуманитарных науках, выглядит следующим образом: толерантность характеризует физиологическую, психологическую и социальную устойчивость человека к различным воздействиям [6, 6].

В данной работе мы понимаем толерантность как устойчивость, терпимость по отношению к различным объектам. Диапазон такой устойчивости очень широк: от нервно-психической до социально-психологической. Поэтому речь должна идти не только о «толерантности вообще», но и об отдельных видах толерантности, а именно нервно-психической устойчивости, личностной, социальной и этнической толерантности, коммуникативной толерантности и толерантности к неопределенности. Важен и вопрос о границах толерантности [7]. Рассматривать толерантность как однозначно положительное явление, а интолерантность — как отрицательное не совсем верно. Очевидно, что отсутствие толерантности ведет к ксенофобии, национальной, религиозной нетерпимости и фанатизму. При этом следствием безграничных терпимости и уважения, отсутствия границ толерантности могут стать потеря собственного мнения, отказ от защиты своих убеждений, слепое следование чужим интересам в ущерб собственным. Также чрезмерная толерантность может привести к невозможности вовремя понять, что некоторые идеи, например фашизм, могут быть опасны для общества в целом и к ним

не может и не должно быть никакой терпимости. Очевидно, что «излишняя» толерантность, терпимость, особенно в одностороннем порядке, может быть деструктивной. Весь вопрос в том, по отношению к каким явлениям человек может быть нетерпим, интолерантен.

Исследование. Данное исследование проводилось на базе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (далее — УрФУ). В нем приняли участие 77 студентов департаментов философии (44 чел.) и международных отношений (33 чел.), из них 52 девушки и 15 юношей. Возраст испытуемых от 17 до 22 лет включительно. Тот факт, что ощущение личного благополучия или неблагополучия человеком неразрывно связано с его взаимодействием с другими людьми и успешностью функционирования в социуме, позволяет нам сделать предположение о существовании тесной связи между такими свойствами личности, как уровень субъективного благополучия и толерантность.

В основу проведенного нами исследования легли следующие гипотезы: 1. Существует корреляция между уровнем субъективного благополучия и общим индексом толерантности у студентов; 2. Степень выраженности связи уровня субъективного благополучия и отдельных видов толерантности будет отличаться.

Для проверки гипотез были использованы следующие методики: опросник оценки нервно-психической устойчивости (Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова), экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова), методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В. В. Бойко), методика определения толерантности к неопределенности (С. Баднер), методика и диагностика самочувствия, активности и настроения (методика САН), методика «Шкала субъективного благополучия» (Perrudent-Badox, Mendelsohn, Chiche; адаптация методики к русской выборке проведена в НПЦ «Психодиагностика» Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова).

Полученные данные были обработаны при помощи корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона).

Результаты исследования. В соответствии с принятой нами интерпретацией понятия «субъективное благополучие» как совокупности когнитивно-оценочного (удовлетворенность жизнью) и аффективного компонентов проводилась его операционализация. Удовлетворенности жизнью соответствуют следующие показатели методики «Шкала социального благополучия» (далее — ШСБ): значимость социального окружения, самооценка здоровья, степень удовлетворенности повседневной деятельностью; и следующие шкалы методики САН: самочувствие и активность. Аффекту соответствуют напряженность и чувствительность, признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику, изменения настроения (ШСБ) и настроение (САН).

Результаты исследования субъективного благополучия показали, что в нашей выборке преобладают студенты с хорошим настроением (48 % студентов)

и хорошим самочувствием (43 %), с умеренным уровнем субъективного благополучия (70 %) и низкой активностью (45 %).

Установлено, что между данными различных методик, направленных на определение уровня субъективного благополучия, существуют высокие положительные корреляции и отсутствуют отрицательные. Это свидетельствует об однородности изучаемого феномена. Можно сделать вывод о том, что субъективно благополучный студент данной выборки (итоговый показатель ШСБ) обладает хорошим настроением ($r_{xy} = 0,72$) и самочувствием ($r_{xy} = 0,7$), высокой активностью ($r_{xy} = 0,51$).

Исследование толерантности показало, что это достаточно разнородный феномен. Так, между ее видами встречаются и значимые положительные корреляции (например, социальная толерантность — личностная толерантность; $r_{xy} = 0,5$), и значимая отрицательная корреляция (толерантность к новизне — толерантность к неразрешимости; $r_{xy} = -0,29$), и отсутствие значимых корреляций (например, между нервно-психической устойчивостью и общей толерантностью, толерантностью к новизне и личностной толерантностью и др.). Также было выявлено полное отсутствие взаимосвязи между терпимостью к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми, и толерантностью к сложности ($r_{xy} = 0,000$).

Для более полного понимания структуры такого феномена, как толерантность, нами при помощи программы SPSSStatistic был проведен факторный анализ на выборке студентов департамента философии (44 чел.). В результате факторного анализа были выделены следующие виды толерантности:

1. Общая толерантность (социальная и личностная как один вид).
2. Коммуникативная толерантность (и необходимая для нее нервно-психическая устойчивость).
3. Этническая толерантность (как способность «не видеть» отличия между различными этносами).
4. Толерантность к неопределенности (в основном к сложности).
5. Терпимость к дискомфорту, создаваемому другими людьми.
6. Толерантность к новизне.

На основании проведенного нами факторного анализа можно сделать вывод о том, что личностная и социальная толерантность могут быть объединены в один вид, а коммуникативная толерантность и толерантность к неопределенности, напротив, представляют собой объединение нескольких видов толерантности.

Анализ полученных данных показал, что среди испытуемых преобладают индивиды со средним уровнем нервно-психической устойчивости (69 %), толерантности к неопределенности (77 %), толерантности к новизне (84 %). Для респондентов характерен высокий уровень этнической толерантности (87 %), коммуникативной толерантности (77 %) и терпимости к физическому или психическому дискомфорту (78 %), создаваемому другими людьми.

Юноши-студенты нашей выборки обладают более высокими показателями толерантности к сложности, чем девушки-студентки (толерантность к сложности у девушек: 4 % — высокий уровень, 65 % — средний, 31 % — низкий; у юношей:

12 % — высокий, 76 % — средний, 18 % — низкий), а девушки-студентки более терпимы к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми (у девушек: 84 % — высокий уровень, 6 % — средний, 10 % — низкий; у юношей: 64 % — высокий, 12 % — средний, 24 % — низкий).

В качестве тенденции можно предположить, что студенты департамента международных отношений обладают более высокими показателями этнической толерантности, чем студенты департамента философии (высокий уровень по данному виду толерантности характерен для 91 % студентов-международников и 84 % студентов-философов).

Далее мы исследовали связь между субъективным благополучием и толерантностью. Значимых взаимосвязей между общей толерантностью и переменными, относящимися к субъективному благополучию, не выявлено. Это, по-видимому, связано с тем, что общая толерантность (по методике экспресс-опросника «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой) измеряется как совокупность трех видов толерантности: этнической, социальной и личностной; при этом этническая и социальная толерантность, по данным нашего исследования, не имеют значимых взаимосвязей с переменными, относящимися к субъективному благополучию.

Субъективно благополучный индивид обладает высокой нервно-психической устойчивостью и низкой личностной толерантностью. Можно также предположить, что высоким показателям субъективного благополучия будут соответствовать высокая коммуникативная толерантность и низкая толерантность к неопределенности.

Для хорошего настроения важна высокая нервно-психическая устойчивость, низкая толерантность к неопределенности и низкая личностная толерантность, для хорошего самочувствия — высокая нервно-психическая устойчивость. Для высокой активности также необходима высокая нервно-психическая устойчивость.

Важно отметить, что нервно-психическая устойчивость положительно коррелирует со всеми переменными, относящимися к субъективному благополучию.

Гипотеза о существовании корреляции между уровнем субъективного благополучия и общим индексом толерантности у студентов не подтвердилась (для уровня значимости 0,95).

Подтвердилась гипотеза о том, что степени выраженности связи уровня субъективного благополучия и отдельных видов толерантности будут отличаться (для уровня значимости 0,95).

Таким образом, было выявлено, что субъективное благополучие положительно взаимосвязано с нервно-психической устойчивостью и отрицательно — с личностной толерантностью. В качестве тенденции также можно предположить наличие положительной взаимосвязи субъективного благополучия с коммуникативной толерантностью и отрицательной его взаимосвязи с толерантностью к неопределенности. Между субъективным благополучием и этнической и социальной толерантностью значимых взаимосвязей не выявлено. Тот факт, что между субъективным благополучием и личностной толерантностью выявлена обратная корреляция, можно объяснять по-разному. Возможно, сказывается культурная традиция нашего общества, не отличающегося высоким уровнем толерантности.

Возможно, интолерантность как личностное качество позволяет больше концентрироваться на своих интересах. Возможно, это особенности выборки. Так или иначе, можно констатировать, что значительная часть студентов в стремлении к своему благополучию не готовы учитывать интересы других людей, быть терпимыми к ним. Может быть, мы сейчас живем в таких условиях, когда толерантность как личностное качество не способствует субъективному благополучию.

-
1. *Алешина А. И.* Исследование толерантности у студентов Оренбургского университета // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2007. № 10 (74). С. 11–17.
 2. *Бахарева Н. К.* Субъективное благополучие как системообразующий фактор толерантности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2004.
 3. *Бочаров Е. Е.* Психология субъективного благополучия молодежи. Саратов, 2012.
 4. *Леонтьев Д. А.* К операционализации понятия «толерантность» // Вопр. психологии. 2009. № 5. С. 3–16.
 5. *Пермякова М. Е., Муртазина М. А.* Субъективное ощущение счастья у матерей и их детей юношеского возраста // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 1 (147). С. 85–92.
 6. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М., 2008.
 7. *Хомяков М. Б.* Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал: От парадигмы конфликта к парадигме толерантности. 2011. № 2 (6). С. 25–33.
 8. *Vindeker O., Ershova I., Permyakova M. et al.* The relationship of hardiness, coping strategies and tolerance for uncertainty with academic achievement among russian secondary schools students [Electronic resource] // 9th annual International Conference of Education, Research and Innovation (ICERI2016), Seville, Spain, 2016 . 14–16 Nov. Proceedings. P. 1219–1225. URL.: <https://library.iated.org/view/VINDEKER2016REL> (accessed: 30.11.2016).

Статья поступила в редакцию 07.12.2016 г.

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

В статье представлены результаты исследования личностных предикторов профессиональной успешности специалистов ОАО «Уральский электрохимический комбинат». Проведен сравнительный анализ уровневых и структурных показателей диагностики по методикам 16 PF и ММРІ в двух контрастных группах: «успешные специалисты» и «неуспешные специалисты». Полученные данные свидетельствуют о том, что отдельные показатели личностных опросников не могут рассматриваться в качестве самодостаточных диагностических критериев, прогнозирующих успешность профессиональной деятельности. Предикторами профессионального успеха являются сочетания, или симптомокомплексы, личностных черт.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональная успешность; предикторы профессиональной успешности; показатели трудовой деятельности; успешные специалисты; неуспешные специалисты.

Феномен успешности все чаще становится предметом психологических исследований. Особое внимание традиционно уделяется изучению различных компонентов успешности [5] и факторов, ее определяющих [9]. Большинство авторов подчеркивают двойственность данного понятия: с одной стороны, успешность предполагает субъективно значимые достижения человека, а с другой — в ней обязательно присутствует социально одобряемый компонент [1, 10, 11]. То есть существуют критерии объективного успеха, заданные обществом, а также критерии личной, или субъективной, успешности, формируемые самим человеком в виде переживаний.

В условиях быстро изменяющейся экономической реальности возрастает потребность руководителей в профессионалах, способствующих достижению успеха предприятий. Проблема «человеческого фактора» конкретизируется в задаче поиска специалистов, обладающих комплексом профессиональных и личностных компетенций, способствующих росту эффективности организации в целом. Данная задача решается кадровыми службами и службами персонала на этапе профессионального отбора кадров [2].

Одной из актуальных задач современной психологии личности, акмеологии, психологии труда становится изучение тех личностных характеристик, которые могут рассматриваться в качестве предикторов профессионального успеха [3, 4, 7]. Специалисты кадровой службы традиционно нуждаются в четких прогностических параметрах, предсказывающих быстрое овладение профессиональными навыками на конкретном производстве и достижение необходимого уровня

успеха. В данном случае речь идет об объективных критериях успеха, заданных требованиями профессии и условиями самого предприятия.

Традиция исследовать психометрические параметры личности в качестве предикторов профессионального успеха является устоявшейся для практики психодиагностики, в первую очередь западной. Чаще всего для данной цели используются такие многоаспектные опросники, как 16 PF и ММРІ. Существует ряд эмпирических данных, подтверждающих целесообразность подобного подхода. Настоящее исследование выполнено по запросу кадровой службы предприятия ОАО «Уральский электрохимический комбинат» (далее — «УЭХК»), основным направлением деятельности которого является обеспечение производственных ресурсов ядерно-топливного комплекса России. Все технические специалисты при поступлении на работу проходят многоуровневую диагностику различных качеств личности с последующим мониторингом выявленных характеристик. Статистически достоверная информация относительно прогностических возможностей проводимых диагностических мероприятий на момент исследования отсутствовала, что и явилось исходной проблемой нашего исследования.

Исследование специалистов ОАО «УЭХК» проводилось в течение 2015 г. на базе лаборатории психофизиологического обследования (ЛПФО) г. Новоуральска. Общую выборку исследования составили 150 человек, прошедших тестирование при приеме на работу, а также работающие специалисты предприятия, принимающие участие в мониторинге с 2003 по 2015 г.

Исследование состояло из нескольких этапов.

На первом этапе совместно с представителями отдела кадров и службы безопасности ОАО «УЭХК» были выявлены критерии профессиональной успешности специалистов предприятия: 1. Выполнение работниками технических заданий в срок и на должном, качественном уровне. 2. Результаты ежегодных экзаменов по технике безопасности работы с оборудованием предприятия. 3. Участие в конкурсах мастерства и новаторства предприятий корпорации «Росатом». 4. Отсутствие дисциплинарных взысканий — нарушений трудовой дисциплины (опоздания на работу, невыполнение требований техники безопасности, неисполнение технических заданий или нарушение сроков исполнения, повреждение оборудования, утрата пропуска на режимный объект, приход на работу в нетрезвом состоянии и т. д.). 5. Успешная сдача квалификационных экзаменов с целью повышения «грейдов» или повышения в должности.

В качестве показателей «неуспешности» специалистов были обозначены следующие: 1. Ненадлежащее исполнение технических заданий либо исполнение с нарушениями сроков. 2. Несдача экзаменов по технике безопасности работы с оборудованием. 3. Неудовлетворительная сдача квалификационных экзаменов либо экзаменов. 4. Наличие дисциплинарных взысканий. 5. Отсутствие специалиста на рабочем месте более 6 месяцев в год (по больничным листам, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ).

На втором этапе нами был осуществлен анализ показателей трудовой деятельности согласно обозначенным критериям успешности представителей выборки исследования, в том числе на основании данных автоматизированной базы учета

достижений и нарушений в трудовой деятельности специалистов предприятия. В результате были сформированы две группы контрастного сравнения: «успешные специалисты» (группа 1) и «неуспешные специалисты» (группа 2).

На третьем этапе по диагностическим методикам 16 PF и ММРІ был проведен сравнительный анализ показателей, которые были получены на этапе приема на работу у представителей контрастных групп. Сравнение осуществлялось как по уровневым показателям методик (достоверность различий подтверждалась с помощью *U*-критерия Манна — Уитни), так и по данным корреляционного анализа диагностируемых параметров личности в группе «успешных» и «неуспешных», что позволяет определить оптимальные сочетания личностных черт, способствующих успеху или неудаче в профессиональной деятельности.

Сравнительный анализ средних показателей по методикам 16PF и ММРІ в двух подвыборках не выявил статистически достоверных различий между уровневыми показателями личности. Респонденты группы 1 и группы 2 практически не отличаются друг от друга: максимально высокие баллы получены по факторам С (контроль эмоций) и Н (смелость), L (доверчивость) и Q_4 (расслабленность) методики 16PF, по шкалам «Эмоциональная лабильность» и «Оптимистичность» методики ММРІ.

«Успешные» специалисты отличаются чуть более высокими интеллектуальными способностями (фактор В) и большей степенью организованности (фактор Q_3). В группе «неуспешных» чуть выше показатели по параметрам смелости (фактор Н) и рациональности (фактор N). Кроме того, представители данной подвыборки чуть более невротизированы (факторы О, L, Q_4), для них характерно состояние субъективного дискомфорта, в связи с чем могут возникнуть сложности с адаптацией.

Значения по шкалам методики ММРІ у представителей обеих групп находятся в пределах нормы. «Успешные» специалисты несколько более конформны, социально адаптированы, оптимистичны, уверены в себе, социально активны и жизнелюбивы, обладают высоким уровнем самоконтроля как в поведении, так и в трудовой деятельности. Группа «неуспешных» специалистов характеризуется чуть большей интравертированностью и тревожностью.

Отсутствие достоверных различий в уровневых показателях результатов диагностики зафиксировано в ряде других исследований, посвященных изучению личностных предикторов профессиональной успешности представителей различных профессий [6, 60]. Уровеньные показатели личности, как правило, значимо не различаются в подвыборках групп «успешных» и «неуспешных» [3, 27], что не позволяет использовать их в качестве прогностического критерия успешности деятельности.

На наш взгляд, в качестве предиктора успешности целесообразно рассматривать симптомокомплекс черт, выявленный на основании данных корреляционного анализа и свидетельствующий о наличии различных внутриличностных механизмов достижения успеха. В практике кадрового отбора симптомокомплекс определяется на основании сочетания отдельных параметров диагностических методик.

Результаты корреляционного анализа между показателями 16 PF и ММРІ в подвыборках «успешных» и «неуспешных» специалистов представлены на рис. 1 и 2. При интерпретации данных мы уделяли максимальное внимание тем чертам, которые образуют плеяды, т. е. имеют максимальное количество значимых корреляций ($p < 0,05$) с другими личностными характеристиками. Единичные корреляционные связи являются скорее артефактами.

Анализ корреляционных плеяд позволяет выделить в качестве симптомокомплексов следующие характеристики личности, которые могут быть рассмотрены в качестве предикторов успешности профессиональной деятельности исследуемой группы (рис. 1).

Первый предиктор профессиональной успешности — *смелость* — находит свое отражение в показателях по факторам А+, Н+, Е+, F+, Q₄- методики 16 PF и показателе шкалы 5- (*маскулинность*) методики ММРІ.

Смелость у «успешных» специалистов проявляется в способности самостоятельно принимать ответственные решения, касающиеся производства, и связана с желанием занимать более высокое, доминирующее положение (фактор Е), причем довольно естественно и легко (фактор F), в доброжелательной манере (фактор А). Отсутствие эмоционального напряжения подтверждается наличием отрицательной корреляционной связи с фактором Q₄ (фрустрированность).

Второй предиктор профессиональной успешности — *социализированность* — представлен симптомокомплексом показателей по факторам N+; Q₁- методики 16PF и шкалам 4+ (импульсивность) и 6- (индивидуалистичность) методики ММРІ. Высокий социальный интеллект успешных работников (N+) сочетается с тенденцией к консервативным суждениям (Q₁-), наряду со склонностью к риску и самостоятельностью в действиях и поступках.

Третьим предиктором успешности специалиста является симптомокомплекс *саморегуляции*, который включает в себя показатели по факторам G-; C+ методики 16 PF. То есть в сфере регуляции у «успешных» специалистов может наблюдаться некоторая смена механизмов: доминирует либо эмоциональная (С), либо нормативная (G) составляющая. Например, они склонны к нормативной регуляции поведения в случае сниженного контроля эмоций.

Четвертый предиктор — *эмоциональная устойчивость* — характеризуется показателями по факторам Н+; Q₄- методики 16 PF и шкале 7- (*тревожность*) методики ММРІ. Обращает на себя внимание то, что сниженная фрустрированность (Q₄) способствует получению более достоверных профилей ММРІ, о чем свидетельствуют отрицательные корреляционные связи данного фактора со шкалами L, F, K.

Обратимся к результатам корреляционного анализа показателей по личностным опросникам, полученным в группе «неуспешных» специалистов (рис. 2). Сочетания шкал в данной группе испытуемых можно рассматривать в качестве предикторов неуспешности профессиональной деятельности, что необходимо учитывать на этапе отбора кадров.

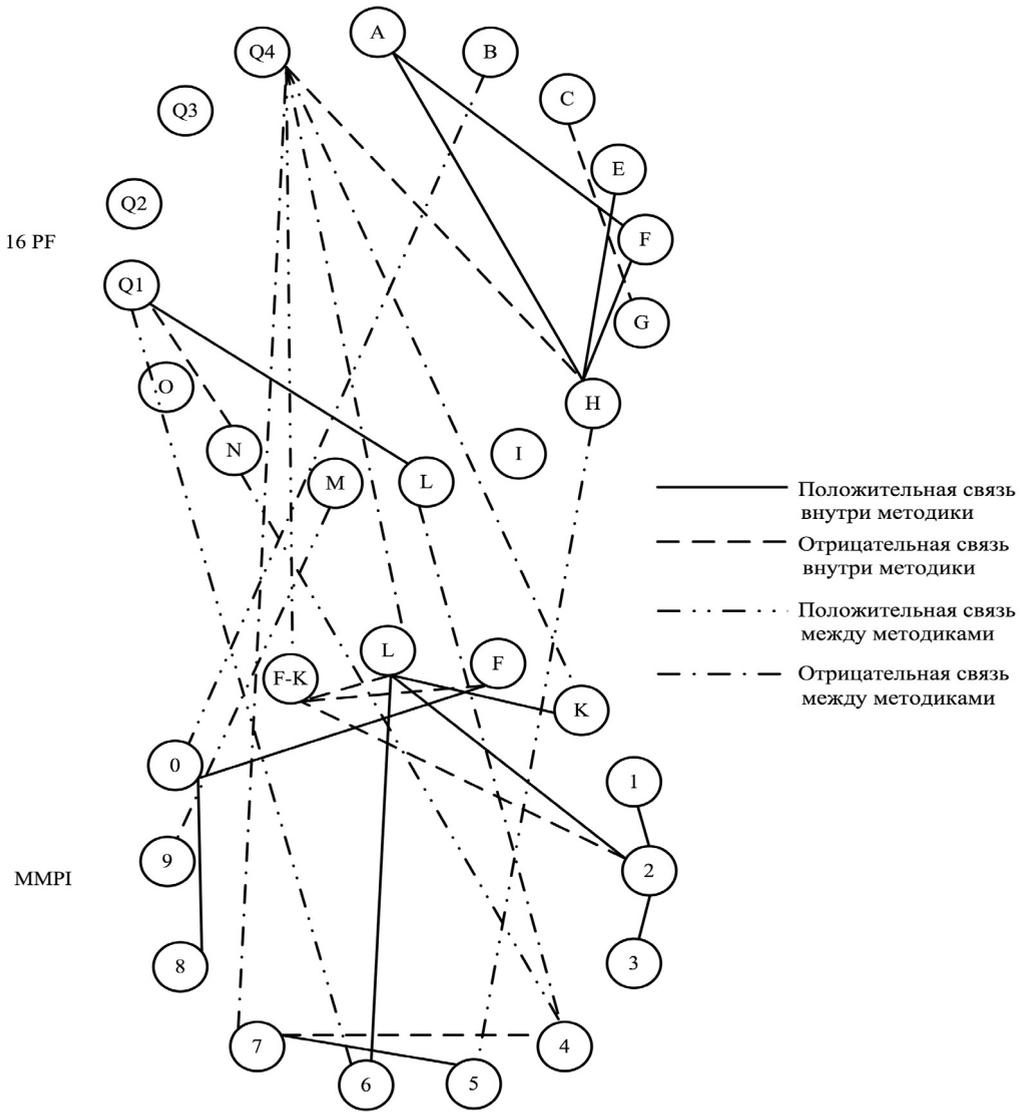

Рис. 1. Значимые связи между личностными факторами 16 PF и шкалами MMPI в группе «успешных» специалистов:

здесь и на рис. 2 — шкалы 16 PF: А — открытость—отчужденность; В — высокий—низкий интеллект; С — эмоциональная устойчивость—неустойчивость; Е — доминантность—покорность; F — беспечность—озабоченность; G — высокая моральность—недобросовестность; Н — смелость—робость; I — мягкосердечность—жесткость; L — подозрительность—доверчивость; М — мечтательность—практичность; N — расчетливость—наивность; O — склонность к чувству вины—самоуверенность; Q₁ — гибкость—ригидность; Q₂ — самодостаточность—социабельность; Q₃ — высокий—низкий самоконтроль желаний; Q₄ — фрустрированность—расслабленность; шкалы MMPI: F—K — индекс Уэлша; L — ложь; F — достоверность; K — коррекция; 1 — сверхконтроль; 2 — пессимистичность; 3 — эмоциональная лабильность; 4 — импульсивность; 5 — мужественность—женственность; 6 — ригидность; 7 — тревожность; 8 — индивидуалистичность; 9 — оптимистичность; 0 — социальная интроверсия

Набор черт, характеризующих предиктор *социализированность*, включающий факторы G+ N+; Q₂- методики 16 PF и шкалу 0- (*социальная интровертированность*) методики ММРІ, также отличается у представителей второй группы. «Неуспешные специалисты» демонстрируют социальную гибкость и правильность поведения за счет пониженной самостоятельности и высокой внушаемости (Q₂-), высокой моральной нормативности (G) и экстравертированности. При этом, чем выше активная жизненная позиция в данной подгруппе, тем выше проявления тревоги и тем в большей степени проявляется скорее феминное поведение.

Предиктор *саморегуляции* включает в себя показатели по факторам C+, L+, O-, Q₄- (16 PF) и шкалы 1 (*сверхконтроль*) (ММРІ). То есть невротический контроль и подозрительность способствуют подавлению признаков дискомфорта (O, Q₄), что увеличивает риски соматизации проблем.

Симптомокомплекс *эмоциональная устойчивость* характеризуется факторами C+ и F+ (16 PF), а также шкалами 3+ (*эмоциональная лабильность*) и 7+ (*тревожность*) (ММРІ). «Неуспешные специалисты» регулируют эмоциональный фон преимущественно за счет контроля, что сочетается с беспечностью и повышением напряженности.

Анализ корреляционных связей между показателями методик ММРІ и 16 PF в двух подвыборках исследования показал, что сочетание факторов в группе «успешных» в большей степени соответствуют параметрам психологического здоровья, описанным Л. Н. Собчик [8]. Выбранные диагностические методики действительно вскрывают глубинные внутриличностные механизмы, оказывающие влияние на эффективность трудовой деятельности.

1. Богатырева О. О., Марцинковская Т. Д. Профессиональная самореализация в пространстве личностного развития // Психологические исследования : [электрон. науч. журн.]. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru>.

2. Глухенькая Н. М. Обучение и развитие персонала: принципы, подходы, методы // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 1. С. 42–45.

3. Дружилов С. А. Критерии и уровни индивидуального профессионализма // Вопр. психологии. 2011. № 6. С. 26–34.

4. Дружилов С. А. Индивидуальный ресурс человека как основа становления профессионализма : монография. Воронеж, 2010.

5. Климов Е. А. Пути в профессионализм (психологический взгляд) : учеб. пособие. М., 2003.

6. Родина О. Н. О понятии «профессиональная успешность» // Вестн. Моск. ун-та. 1996. № 3. С. 60–67.

7. Семенов Д. С. Психологические предикторы прогнозирования профессиональной деятельности // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 4333–4335.

8. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2005.

9. Столяренко Л. Д., Самыгин С. И. Психология личности : учеб. пособие. 3-е изд. Ростов н/Д, 2014.

10. Толочек В. А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология : журн. Высш. школы экономики. 2009. Т. 6, № 3. С. 27–61.

11. Теплинских М. В. Концептуальные подходы к проблеме определения успешности профессиональной деятельности специалистов // Сиб. психол. журн. 2007. № 25. С. 92–97.

Статья поступила в редакцию 06.12.2016 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ УЧАЩИХСЯ О КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ УЧИТЕЛЯ

В статье проанализированы представления учащихся об уровнях коммуникативной культуры учителя; выявлено, что старшеклассники наиболее точно дифференцируют уровень коммуникативной безграмотности, в то время как определение других уровней коммуникативной культуры (грамотности, компетентности и креативности) вызывает затруднения. Изучены представления учащихся о типах коммуникативного поведения учителя; показано, что конструктивный и деструктивный типы поведения учителя представлены в сознании учащихся достаточно четко. Установлено, что деструктивные способы поведения учителя респонденты связывают с уровнем коммуникативной безграмотности, тогда как в отношении конструктивных способов поведения однозначной связи с более высокими уровнями коммуникативной культуры учителя не обнаружено.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коммуникативная культура учителя; типы коммуникативного поведения; представления учащихся об уровнях коммуникативной культуры учителя; представления учащихся о типах коммуникативного поведения учителя.

Современная система образования претерпевает значительные изменения, которые касаются в том числе характера взаимодействия между основными участниками образовательного процесса — учителем и учеником. Переход от декларации личностно-ориентированного подхода в образовании к его реализации [9] предполагает не только наличие предметных знаний у учителя, но и высокую степень развития его коммуникативной культуры. В то же время если изучению коммуникативной культуры учителя посвящено достаточно большое число работ [1, 4–8 и др.], то представления учащихся о данном феномене исследованы недостаточно. Наше исследование позволяет в определенной степени восполнить этот дефицит.

Коммуникативная культура учителя — достаточно сложное интегральное образование, включающее *внешнюю* (типы коммуникативного поведения) и *внутреннюю* (коммуникативные компетенции) составляющие, находящие отражение в уровнях коммуникативной культуры [2]. Под *типами* коммуникативного поведения мы понимаем обобщенные варианты поведения учителя в сложных педагогических ситуациях. *Конструктивный* тип поведения предполагает умение учителя реализовать стратегию сотрудничества за счет использования разумных аргументов, следования деловой этике взаимоотношений. *Деструктивный тип*

ВИЛЬГЕЛЬМ Анжелика Мартьяновна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: am.vilgelm@gmail.com).

ВИЛЬГЕЛЬМ Андрей Владимирович — старший преподаватель кафедры управления персоналом и психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: amenemheti@mail.ru).

© Вильгельм А. М., Вильгельм А. В., 2017

поведения означает, что учитель прибегает к методам воздействия, негативно влияющим на эмоциональное состояние и личность учащихся, что разрушает отношения с ними. *Амбивалентный (двойственный) тип* поведения занимает промежуточное положение и может иметь такие разновидности, как непоследовательный, противоречивый и др. [3]. В качестве основных *уровней* сформированности *коммуникативной культуры учителя* нами выделяются коммуникативная безграмотность, коммуникативная грамотность, коммуникативная компетентность и коммуникативная креативность. Эти уровни содержательно раскрываются на основе двух критериев — особенностей *коммуникативных задач* в типичных, нестандартных или экстраординарных коммуникативных ситуациях и *эффективности их решения* (справляется или не справляется учитель с конкретной коммуникативной ситуацией в плане достижения педагогической цели и обеспечения эмоционально-психологического благополучия учащихся) [2].

Данное исследование было посвящено изучению представлений учащихся о *типах коммуникативного поведения* (конструктивном, деструктивном и амбивалентном) и *уровнях коммуникативной культуры* (коммуникативной безграмотности, грамотности, компетентности и креативности) учителя. В исследовании приняли участие 65 учащихся 10-х классов школ г. Екатеринбурга — 31 юноша и 34 девушки.

Испытуемым было предложено 10 сложных педагогических ситуаций и возможные способы поведения учителя в них. Учащимся нужно было в каждой из ситуаций отнести тот или иной способ поведения учителя к определенному уровню коммуникативной культуры (вариант *A*) и к определенному типу коммуникативного поведения (вариант *B*). Для оценки достоверности различий между представлениями учащихся о том, к каким уровням коммуникативной культуры (вариант *A*) и типам коммуникативного поведения (вариант *B*) относятся те или иные способы поведения учителя в сложных педагогических ситуациях, был использован критерий ϕ^* — угловое преобразование Фишера.

Обратимся к анализу полученных в ходе исследования данных.

Ситуация 1. При выведении химической формулы учитель допускает ошибку. Ученик указал на нее. Учитель обеспокоен тем, что о нем подумают ученики.

По варианту *A* были получены достоверные различия по 4 способам поведения учителя из 10. Наиболее представленным в сознании учащихся оказался уровень коммуникативной *безграмотности*. К нему учащиеся отнесли 3 варианта поведения учителя: «оправдание» (64,6 %), «насмешка» (60,0 %), «переключение внимания» (46,1 %). К уровню коммуникативной *компетентности* учащиеся отнесли такие варианты, как «извинение» (50,7 %) и «признание ошибки» (47,6 %). Вариант «предложение исправить ошибку ученику» (46,1 %) связывается в сознании учащихся с наивысшим уровнем — коммуникативной *креативностью* учителя.

По варианту *B* было получено 6 достоверных различий из 10 возможных. К *конструктивному* типу коммуникативного поведения учителя учащимися были отнесены такие варианты, как «признание ошибки» (95,3 %), «похвала, благодарит за внимательность» (90,7 %), «исправление ошибки» (81,5 %) и др.

К *деструктивному* типу коммуникативного поведения учителя однозначно было отнесен лишь один способ его поведения — «насмешка» (50,8 %). Особо необходимо отметить, что при дифференциации некоторых способов поведения учителя учащиеся испытывали сложности. Например, такие способы поведения, как «уловка» и «внутренний пересмотр позиции», они склонны считать либо конструктивными либо амбивалентными, а «оправдание» и «переключение внимания» часть испытуемых относит к деструктивному, а часть — к амбивалентному типу коммуникативного поведения учителя.

Ситуация 2. Во время урока один из учеников задает учителю сложный вопрос. Ответ на него выходит за рамки компетентности учителя. Он не может дать на него правильный ответ.

По варианту *А* было получено 5 достоверных различий из 8 предложенных вариантов. Интересно, что в данной ситуации в сознании учащихся нашли отражение все уровни коммуникативной культуры. Так, к уровню коммуникативной *безграмотности* они отнесли «попросит не отвлекать учителя на уроке» (78,5 %), «переключает внимание (уход от ответа)» (69,2 %); к уровню коммуникативной *грамотности* — «внутренний пересмотр позиции (признание незнания, право на незнание)» (44,6 %); к уровню коммуникативной *компетентности* — «похвала» (44,6 %), а к уровню коммуникативной *креативности* — «сотрудничество (вместе найдем ответ)» (60,0 %). Возможно, данная ситуация достаточно часто встречается в школьной практике, что позволило учащимся сформировать четкие представления в отношении тех или иных способов поведения учителя. Интерес представляет и оценка респондентами такого варианта поведения учителя, как «предлагает ученику самостоятельно разобраться в данном вопросе»: учащиеся считают, что данный способ поведения свидетельствует о креативности учителя (26,2 %), о его компетентности (20,0 %), грамотности (26,2), в то же время 27,6 % респондентов утверждают, что это показатель безграмотности педагога.

По варианту *В* были получены достоверные различия по 6 способам поведения из 8 возможных. Так, к *конструктивному* типу коммуникативного поведения учителя учащиеся отнесли такие способы поведения, как «сотрудничество (вместе найдем ответ)» (87,7 %), «ответ позже» (76,9 %), «объясняет максимально возможно на данный момент» (64,6 %), «похвала» (63,1 %); к *деструктивному* — «попросит не отвлекать учителя на уроке» (83,1 %), «переключает внимание (уход от ответа)» (66,2 %). Интересно отметить, что наибольшие сложности при дифференциации вызвал такой способ поведения учителя, как «предлагает ученику самостоятельно разобраться в данном вопросе (отсылает в библиотеку, подскажет, где найти)»: ответы испытуемых распределились почти в равной степени между тремя типами коммуникативного поведения учителя — конструктивным (23,1 %), деструктивным (35,4 %) и амбивалентным (41,5 %). Данный вариант поведения учителя связан с активизацией поисковой активности учащихся, с формированием у учащегося самостоятельности в приобретении знаний, что может вызывать у некоторой части старшеклассников сопротивление и желание получать знания в готовом виде, не прилагая к этому собственных усилий.

Ситуация 3. В девятом классе запланирован поход в театр. И тут в дверях образовалась пробка. Уставший после длительного рабочего дня классный руководитель сорвался на крик: «Вы что, с ума сошли?! Никаких театров! Вернитесь и дневники на стол!!!» Как выйти из этой ситуации?

По варианту *А* было получено 7 достоверных различий из 12 возможных. В данной ситуации в представлениях учащихся дифференцируются лишь крайние уровни коммуникативной культуры – коммуникативная креативность и коммуникативная безграмотность. Причем к уровню коммуникативной *безграмотности* учащиеся отнесли 4 способа поведения учителя, а именно «возвращение в класс и крик» (83,1 %), «отказ от похода» (78,5 %), «угроза» (75,4 %), «запись в дневник» (53,9 %), а к уровню коммуникативной *креативности* лишь один способ – «шутка» (47,7 %). Очевидно, что использование учителем юмора в ситуации взаимодействия со старшеклассниками воспринимается ими как проявление высшего уровня его коммуникативной культуры.

Следует отметить, что данная ситуация по варианту *В* не вызвала у учащихся сложностей в дифференциации: по всем 12 способам поведения учителя были получены достоверные различия. Большинство способов поведения было отнесено к *конструктивному* типу коммуникативного поведения (7 из 12) – «успокоить учеников» (92,3 %), «извинение за крик» (84,6 %), «идти в театр» (76,9 %) и др. К *деструктивному типу* поведения учителя учащиеся отнесли такие варианты, как «возвращение в класс и крик» (89,2 %), «угроза» (86,2 %), «отказ от похода» (83,1 %), «запись в дневник» (76,9 %), а к *амбивалентному* – «пойдет в театр, но без настроения» (66,2 %).

Ситуация 4. Отзвенел звонок. Коридор опустел. Но вот появляется запыхавшийся ученик. Оглянулся и шмыгнул в класс. За ним еще двое рвутся в класс. И так повторяется не первый день...

По варианту *А* было получено 8 достоверных различий из 16. Наиболее четко дифференцируется в сознании учащихся уровень коммуникативной *безграмотности* (5 способов), который связывается с различными формами наказания, такими как «крик, гнев» (81,5 %), «не пустит на урок» (80,0 %), «отправит к директору» (60,0 %) и др. В то же время необходимо отметить, что в данной ситуации представлены все уровни коммуникативной культуры учителя. Так, к уровню коммуникативной *грамотности* учащиеся отнесли «запись в дневник» (47,7 %), коммуникативной *компетентности* – «пустит на занятие» (47,7 %), коммуникативной *креативности* – «заговорит на интересную тему» (44,6 %).

По варианту *В* достоверные различия были получены по 12 способам поведения учителя из 16 возможных. Наибольшее число способов поведения учителя было отнесено к *деструктивному типу* (7 из 16), например, «крик, гнев» (81,5 %), «не пустит на урок» (81,5 %), «оставит стоять у входа» (80,1 %), «отправит к директору» (67,7 %) и др. При этом к *конструктивному типу* коммуникативного поведения большинство учащихся отнесли такие варианты, как «пустит на занятие» (73,8 %), «выяснение причин опоздания» (70,8 %), «проводит беседу после урока» (63,1 %) и др. Такой достаточно распространенный в системе школьного

образования способ воздействия на ученика, как «запись в дневник», почти равное количество испытуемых считает либо конструктивным (36,9 %), либо деструктивным (41,5 %). Способы поведения «назначит “шефство” над опоздавшими» и «вводит санкции и контроль за опоздание» примерно пропорционально были отнесены испытуемыми к деструктивному, конструктивному и амбивалентному типам поведения.

Ситуация 5. Учитель вызывает ученика к доске. Ученик затрудняется с ответом. В это время его товарищ пытается ему подсказать. Реакция учителя на действия «подсказчика»?

По варианту А было получено 8 достоверных различий из 10. Наибольшее число достоверных различий было отнесено к уровню коммуникативной *безграмотности* — «оценка на двоих» (75,4 %), «замечание и угроза» (69,2 %), «запись в дневник» (63,1 %) и «снижение оценки отвечающему» (61,5 %). К уровню коммуникативной *креативности* учащиеся отнесли 2 способа поведения учителя — «предложит подсказчику ответить на вопрос» (63,1 %) и «шутка» (47,7 %). Такой вариант, как «попросит подождать подсказчика, дать возможность ответить товарищу» (52,3 %), был отнесен к уровню коммуникативной *компетентности*, а «вызов подсказчика к доске» (49,2 %) — к уровню коммуникативной *грамотности*. Вызывают особый интерес способы поведения учителя, в отношении которых учащиеся испытывали сложности. Причем один вариант связан скорее с негативным воздействием на подсказчика («задание подсказчику во время ответа товарища»), а другой вариант окрашен позитивно — «похвалит подсказчика». Возможно, эти варианты не очень часто встречаются в реальном поведении учителя, что затрудняет их дифференциацию.

По варианту В было получено 8 достоверных различий из 10 возможных. К *конструктивному* типу коммуникативного поведения учителя учащиеся отнесли такие способы поведения, как «попросит подождать подсказчика, дать возможность ответить товарищу» (84,6 %), «предложит подсказчику ответить на вопрос» (81,5 %) и «шутка» (50,8 %); к *деструктивному* — «оценка на двоих» (84,6%), «снижение оценки отвечающему» (80,0%), «запись в дневник» (78,5 %), «замечание и угроза» (76,9 %). Такой способ поведения, как «похвалит подсказчика» (47,7 %), они отнесли к *амбивалентному* типу поведения учителя, что согласуется с данными, полученными по варианту А.

Ситуация 6. Урок истории в пятом классе. Учитель излагает материал. Один из учеников, увлекающийся данным предметом и читающий дополнительную литературу, задает вопрос: «Я не согласен с Вами. В какой книге Вы это прочитали?»

По варианту А достоверные различия были получены только по 3 способам поведения учителя из 8, что говорит о наличии трудностей при дифференциации уровней коммуникативной культуры учителя в предложенной ситуации. Однозначно были выделены лишь уровень коммуникативной *безграмотности* («не даст высказаться ученику» — 81,5 %, «ответит на вопрос возмущенно,

недовольно» — 67,7 %) и уровень коммуникативной *грамотности* («попросит подождать до перемены» — 46,2 %).

Обращаясь к данным по варианту *B*, необходимо отметить, что достоверные различия получены почти по всем способам поведения учителя (7 из 8 возможных), что предполагает отсутствие трудностей у учащихся при дифференциации типов коммуникативного поведения учителя. Так, например, такие способы поведения учителя, как «аргументирует свою точку зрения» (93,8 %), «даст возможность высказаться ученику» (92,3 %), «назовет источник» (87,7 %), были отнесены учащимися к *конструктивному* типу поведения учителя, а «не даст высказаться ученику» (89,2 %) и «ответит на вопрос возмущенно, недовольно» (80,0 %) — к *деструктивному* типу коммуникативного поведения учителя. Затруднения вызвал лишь такой способ, как «попросит подождать до перемены». Учащиеся не смогли его однозначно отнести ни к одному из предложенных типов, что возможно связано с тем, что в представлениях учащихся учитель должен ответить на вопрос непосредственно на уроке, а отсрочка с ответом (ответ на перемене) может восприниматься как некомпетентность (к деструктивному данный способ поведения отнесли 21,5 % респондентов); те же, кто считал данный способ конструктивным (32,3 %), возможно, полагают, что, отвечая на данный вопрос, учитель вступает в дискуссию и отвлекается от темы урока.

Ситуация 7. Учитель пишет на доске. В это время тишину нарушает шум падающей книги. Учитель говорит тому, кто ее уронил: «Еще раз — и ты выйдешь из класса». Оценив ситуацию, уже другой ученик специально бросает книгу.

По варианту *A* было получено 5 достоверных различий из 12. При этом были дифференцированы лишь крайние уровни. Так, к уровню коммуникативной *креативности* (высший уровень) был отнесен лишь один вариант — «эмоционально разряжает обстановку» (58,5 %), в то время как к уровню коммуникативной *безграмотности* (низший уровень) было отнесено 4 варианта поведения учителя, такие как «угроза, крик» (75,4 %), «удаление из класса» (70,8 %), «наказание обоих» (63,1 %) и «забирает книгу» (44,6 %).

По варианту *B* было получено 9 достоверных различий из 12 возможных. При этом к *конструктивному* типу коммуникативного поведения испытуемые отнесли 4 способа: «включение ученика в работу» (75,4 %), «эмоционально разряжает обстановку» (72,3 %), «взгляд, устное замечание» (58,5 %), «беседа с учениками» (53,8 %). К *деструктивному* типу было отнесено 5 способов, например, такие как «угроза, крик» (84,6 %), «наказание обоих» (81,5 %) и др. Следует обратить внимание, что способ «запись в дневник», как и в ситуации 5, однозначно был отнесен к деструктивному типу поведения учителя, тогда как в ситуации 4 учащиеся затруднились с его дифференциацией, что, возможно, говорит не об оценке способа поведения, а о том, в какой именно ситуации он используется.

Ситуация 8. Урок математики. Учитель пытается написать на доске формулу, но мел не пишет. Он догадывается, что кто-то испачкал доску воском.

По варианту *A* было получено 6 достоверных различий из 10 возможных. Это говорит о том, что наиболее четко в сознании учащихся представлен уровень

коммуникативной *безграмотности* (4 способа поведения учителя): «крик, чтение нотаций» (75,4 %), «наказание всех» (75,4 %), «отказ от занятий» (73,9 %), «приглашение директора» (52,3 %). К уровню коммуникативной *грамотности* учащиеся отнесли такой вариант, как «самостоятельно изучают материал» (46,2 %), а к уровню коммуникативной *креативности* — «использует другие формы работы (без доски, устная работа)» (58,5 %).

По варианту *В* было получено 6 достоверных различий из 10. К *конструктивному* типу коммуникативного поведения учителя были отнесены только 2 способа поведения учителя — «использует другие формы работы (без доски, устная работа)» (83,1 %) и «“виновник” готовит доску к следующему уроку» (67,7 %). К *деструктивному* типу коммуникативного поведения учителя были отнесены такие способы поведения, как «крик, чтение нотаций» (86,2 %), «отказ от занятий» (83,1 %), «наказывает всех» (81,5 %) и «приглашение директора» (56,9 %). Затруднения у учащихся вызвали такие способы поведения, как «поиск виновных», «объяснит непонятно, а затем обсудит ситуацию», «оттирают доску дежурные». Учащиеся склонны считать их либо деструктивными, либо амбивалентными. Возможно, это объясняется тем, что учащиеся считают несправедливым, когда по вине отдельных учеников нарушается учебный процесс, а при этом наказанным оказывается весь класс. Такой способ поведения, как «самостоятельно изучают материал», был отнесен учащимися почти в равной степени либо к конструктивному (40,0 %), либо к амбивалентному (33,8 %) типу поведения учителя. Возможно, это связано с тем, что некоторые учащиеся полагают несправедливым наказание невиновных.

Ситуация 9. Учитель начинает урок, но как только он отворачивается к доске, в классе возникает шум. Поворачивается — все нормально. И так несколько раз.

По варианту *А* было получено 7 достоверных различий из 12. В данной ситуации учащиеся не испытывали сложностей при дифференциации уровней коммуникативной культуры учителя: в сознании учащихся оказались представлены все 4 уровня. Возможно, это связано с тем, что данная ситуация является типичной, часто встречающейся в школьной практике. К уровню коммуникативной *креативности* учащиеся отнесли 2 способа поведения учителя — «шутка» (50,8 %) и «переключение на другую форму работы» (49,2 %); к уровню коммуникативной *компетентности* — «беседа с учениками» (55,4 %); к уровню коммуникативной *грамотности* — «самостоятельное изучение материала» (49,2 %). Наибольшее количество вариантов было отнесено к уровню коммуникативной *безграмотности* — это «крик» (83,1 %), «прекращение урока» (73,9 %) и «наказание» (67,7 %).

По варианту *В* были получены достоверные различия по 9 способам поведения из 12. В данной ситуации 4 способа поведения были отнесены к *конструктивному* типу поведения учителя, а именно «переключение на другую форму работы» (80,0 %), «беседа с учениками» (75,4 %), «переключение на другие формы работы (опрос учеников, вызов к доске)» (66,2 %) и «шутка» (49,2 %). Четыре способа поведения были отнесены к *деструктивному* типу: «крик» (89,2 %), «прекращение урока» (83,0 %), «наказание» (70,8 %), «угроза самостоятельной работы» (64,6 %). А также один способ поведения был отнесен к *амбивалентному* типу

коммуникативного поведения учителя — «самостоятельное изучение материала» (52,3 %). Интересно отметить, что те способы поведения учителя, которые предполагают активность учащихся, самостоятельность в приобретении знаний, воспринимаются ими неоднозначно: они не могут отнести их ни к конструктивным, ни к деструктивным.

Ситуация 10. Учитель ведет урок. На его вопрос к классу один из учеников отвечает в очередной раз едкой шуткой. В классе раздается дружный смех. За этим учеником среди учителей прочно закрепилась репутация «шута».

По варианту А было получено 10 достоверных различий из 11. Это говорит о том, что учащиеся не испытывают сложностей при разграничении данных уровней, все они в той или иной мере представлены в сознании учащихся. Наибольшее число вариантов было отнесено к уровню коммуникативной *безграмотности* (5 способов). Например, «крик и нервность» (80,0 %), «обидеть “шута”» (72,3 %), «угроза» (63,1 %). Также достаточно четко обозначился уровень коммуникативной *креативности* («шутка в ответ» — 50,8 %, «посмеяться вместе с классом» — 41,5 %) и коммуникативной *компетентности* («беседа после урока» — 44,6 %, «взгляд» — 41,5 %). Данные способы поведения позволяют учителю наладить конструктивное взаимодействие с классом, способствуют реализации стратегии сотрудничества, не унижая достоинство учащихся и демонстрируя понимание их потребностей. Такой способ поведения учителя, как «задание, которое проверит после урока» (46,2 %), был отнесен к уровню коммуникативной *грамотности*.

По варианту В были получены 9 достоверных отличий из 11. К *конструктивному* типу коммуникативного поведения учителя учащимися были отнесены такие способы, как «шутка в ответ» (78,5 %), «посмеяться вместе с классом» (52,3 %), «замечание “шуту”» (50,8 %) и «взгляд» (46,2 %). Как мы видим, наиболее конструктивными учащиеся считают такие способы поведения учителя, которые предполагают наличие у него чувства юмора и умение сгладить ситуацию без конфронтации с учениками. К *деструктивному* типу были отнесены те способы, которые предполагали различные варианты наказания и демонстрировали неумение учителя справиться с собственным эмоциональным состоянием — «крик и нервность» (84,6 %), «обидеть “шута”» (80,0 %), «наказание “шута”» (66,2 %) и др.

В целом по ответам респондентов, оценивающих поведение учителя в 10 сложных педагогических ситуациях, можно сделать следующие выводы:

1. При оценке уровней коммуникативной культуры учителя (вариант А) было получено всего 60 достоверных отличий из 109 возможных. Наиболее точно учащиеся дифференцировали уровень коммуникативной *безграмотности* учителя (33 способа поведения), что позволяет сделать вывод о том, что учащиеся достаточно хорошо представляют, как не должен вести себя педагог в ситуации конфликта. В то же время для учащихся сложно выделить и квалифицировать предпочтительные способы поведения учителя, относящиеся к более высоким уровням коммуникативной культуры.

2. При оценке типов коммуникативного поведения учителя (вариант В) было получено 76 достоверных различий из 109 возможных. В целом учащиеся

не испытывали затруднений при дифференциации конструктивного (37 способов) и деструктивного (36 способов) типа коммуникативного поведения учителя.

3. Сравнение результатов показывает, что деструктивные способы поведения учителя связываются в сознании учащихся с уровнем коммуникативной безграмотности, в то время как конструктивные способы поведения не соотносятся с высоким уровнем коммуникативной культуры. Вероятно, это можно объяснить возрастными особенностями учащихся: 1) негативным мышлением подростка, когда легче и проще воспринимается плохое, нежели хорошее; 2) проявлением негативизма по отношению к взрослым «родительским» фигурам, в роли которых в данном случае выступает педагог.

1. Аухадеева Л. А. Коммуникативная культура педагога как фактор повышения качества образования // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 226–230.

2. Вильгельм А. М. Содержание и динамика представлений учителей о коммуникативной культуре : дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2013. 190 с.

3. Вильгельм А. М. Экспертная оценка коммуникативной культуры педагога // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 4 (81). С. 74–81.

4. Волкова Е. Н. Формирование коммуникативной культуры будущих учителей-логопедов в педагогическом вузе : дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2009. 179 с.

5. Ершова И. А. Школьный учитель и преподаватель вуза: гендерное сравнение // Гендерные отношения и гендерная политика в вузе : сб. ст. / под ред. Е. Г. Трубиной, М. А. Литовской. Екатеринбург, 2003. С. 264–271.

6. Максимова Г. П. Коммуникативная культура преподавателя и ее развитие в профессиональной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2000. 179 с.

7. Мычко Е. И. Практико-ориентированные технологии формирования коммуникативной культуры педагога : дис. ... д-ра пед. наук. Калининград, 2002. 421 с.

8. Соболев Н. В. Коммуникативная культура будущего специалиста: понятие, структура, особенности формирования // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 1 (32). С. 84–91.

9. Фельдштейн Д. И. Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века : (докл. на общ. собр.), 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: www.smolin.ru/actual/public/pdf/feldchteyn.pdf (дата обращения: 18.08. 2013).

Статья поступила в редакцию 06.12.2016 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 304.5 + 316.74:7

Л. С. Лихачева
Е. В. Нестеровская

ОТНОШЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ К НОРМАТИВНЫМ ГРАНИЦАМ И ГЕНДЕРНЫМ АСПЕКТАМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА (по материалам социологического исследования)

Рассматривается проблема объективности оценивания произведений искусства экспертным сообществом; доказывается, что на восприятие произведений искусства экспертами существенное влияние оказывают нормативные конвенции. На материале социологического исследования анализируются каналы восприятия и критерии оценивания произведений искусства экспертным сообществом г. Екатеринбурга, раскрывается отношение экспертов к нормативным границам и гендерным аспектам в произведениях современного профессионального искусства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспертиза; экспертное сообщество; нормативность; нормативные границы; гендерная нормативность; современное профессиональное искусство.

Специфика экспертных сообществ в нашей стране изучена еще недостаточно, в основном исследования ограничиваются анализом экспертных сообществ в сфере политики и права. Также встречается ряд работ, дающих оценку экспертных сообществ в сфере науки, образовательной и воспитательной деятельности. Обозначить же специфические характеристики, границы и особенности социально-культурной группы «экспертное сообщество в сфере культуры и искусства» по-прежнему представляет большую сложность.

ЛИХАЧЕВА Лилия Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Likhacheva08@rambler.ru).

НЕСТЕРОВСКАЯ Елизавета Владимировна — магистрант кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: nst.semper@gmail.com).

© Лихачева Л. С., Нестеровская Е. В., 2016

Значительный вклад в постановку и обсуждение этой проблемы был внесен авторами двух коллективных монографий: «Философия и культурология в современной экспертной деятельности» (СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 508 с.); «Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт» (СПб. : Астерион, 2011. 384 с.).

В этих работах проведена концептуализация экспертных возможностей культурологии, определена миссия экспертной деятельности культуролога, обозначены функции культурологической экспертизы, ее стратегические и тактические задачи, методы экспертизы и др. Но вместе с тем целый ряд проблем, связанных как с теоретическими вопросами экспертной деятельности в сфере культуры, так и практикой ее осуществления, еще требуют теоретического и эмпирического исследования и осмысления.

Авторы отмеченных работ дают развернутое определение культурологической экспертизы, относя к ней: экспертную практику, которая своим предметом полагает культуру и регулируется культурной политикой; сам факт участия специалистов-культурологов в этой деятельности и концептуальный аппарат культурологии (приемы и методы) [4]. Но вопросы о том, что представляет собой само экспертное культурологическое сообщество, каковы основания и критерии эффективности его деятельности, остаются открытыми.

Понятие «эксперт» можно толковать различными способами. В общем смысле экспертом может быть назван человек, обладающий специальными знаниями в какой-либо области. В более узком смысле эксперт — это человек, приглашаемый или нанимаемый за вознаграждение для вынесения заключения или суждения по вопросу, рассматриваемому или решаемому другими людьми, менее компетентными в этой области [3, 11]. Соответственно, в общем смысле экспертным сообществом можно назвать группу лиц, обладающих специальными знаниями для решения какой-либо задачи. В более узком смысле экспертное сообщество представляет собой среду, в которой генерируются экспертные заключения и идеи по направлениям какой-либо сферы человеческой деятельности [Там же, 11–12]. Согласно другим определениям, под экспертным сообществом стоит понимать «часть интеллектуальной элиты, включающую в себя относительно небольшую группу людей, обладающих высокими интеллектуальными способностями, проявляющих социальную активность в сфере умственного труда и использующих свой интеллект и эрудицию в качестве ресурса как для обеспечения жизненного успеха, так и для решения общественных проблем» [1, 5].

Таким образом, *экспертное сообщество в сфере культуры и искусства* можно охарактеризовать как группу специалистов, обладающих глубокими знаниями и широкой эрудицией в сфере культуры и искусства, привлекаемых для проведения экспертизы культурных продуктов и художественных артефактов в масштабе определенной территории.

Для экспертного сообщества, по мнению В. П. Бабинцева, И. Э. Надуткиной и В. А. Сапрыки, типичен специфический способ освоения социальной реальности, в основе которого лежит освоение ее преимущественно в форме

понятийно-логических конструкций [1, 6]. Иными словами, экспертное сообщество в своей деятельности руководствуется пониманием сути правил, законов, формул, видит зоны их применения и может действовать в соответствии с заложенным в них алгоритмом.

В связи с этим проблемой экспертных сообществ в сфере культуры и искусства является сущностное несоответствие чувственного, наглядно-образного восприятия, характерного для оценивания произведений искусства с позиции эстетического восприятия, и необходимости действий по правилам, схемам и алгоритмам.

Данное несоответствие актуализирует проблему объективного, справедливого оценивания произведений искусства экспертным сообществом, анализа приоритетных критериев оценивания и каналов восприятия произведений профессионального искусства экспертным сообществом.

Однако помимо естественно возникающего эстетического восприятия и необходимости выстраивания оценки по схемам и шаблонам, на восприятие произведений искусства экспертами существенное влияние оказывают и нормативные конвенции, являющиеся субъективным, но неустранимым фактором восприятия произведения искусства. Каждый эксперт — носитель комплекса норм, стереотипов, ценностных ориентаций в отношении различных сфер жизни, и данные установки неизбежно влияют на восприятие субъектом произведения искусства.

Одной из таких нормативных конвенций является гендерная нормативность экспертов, под которой мы понимаем «совокупностью норм, принципов и ценностных ориентаций в отношении психологических, моральных и поведенческих характеристик, приписываемых обществом мужчинам и женщинам и их гендерным отношениям» [5, 67].

Отношение эксперта к произведению искусства формируется в том числе за счет соотнесения гендерной нормативности оценивающего с нормативностью, заложенной в произведении. Стыковка или несостыковка данных нормативных систем определяет степень принятия и понимания того или иного произведения искусства. Кроме того, ввиду возникновения интенсивных процессов перестройки гендерной нормативности в современном обществе, важно понять и проанализировать не только нормы и ценностные установки экспертов в сфере культуры и искусства, но и мотивы, которые ими движут.

Результаты анализа влияния гендерной нормативности экспертного сообщества г. Екатеринбурга на восприятие произведений профессионального искусства были исследованы нами с использованием методов включенного наблюдения и полуструктурированного интервью.

В рамках данного исследования были опрошены 18 представителей экспертных советов, комиссий, иных совещательных органов, с определенной периодичностью сталкивающихся с ситуацией оценивания произведений профессионального искусства в г. Екатеринбурге. В частности, среди респондентов были представители комиссии по премиям губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства, комиссии по назначению стипендий ведущим деятелям культуры и искусства и талантливой молодежи, профессионально работающей в сфере искусства (комиссией

оцениваются творческие проекты конкурсантов), представители жюри и конкурсных комиссий фестивалей, конкурсов в сфере профессионального искусства в г. Екатеринбурге.

Вышеперечисленные совещательные органы состоят, как правило, из представителей творческих союзов Свердловской области, представителей органов исполнительной власти в сфере культуры и образования, ведущих деятелей культуры и искусства Екатеринбурга (ректоры, профессора высших учебных заведений, представители творческих профессий, добившиеся больших профессиональных успехов в своей деятельности).

Все опрошенные респонденты были условно разделены на «критиков» и «творцов». Под «критиками» нами понимаются профессионалы, ныне не занимающиеся непосредственно творением, но знающие особенности определенного вида искусства либо общие вопросы эстетики и теории искусства на высочайшем профессиональном уровне. Под «творцами» понимаются наиболее успешные практикующие деятели искусства.

Стоит оговориться, что каждое почти из двух десятков развернутых интервью представляет собой абсолютно самобытную, самодостаточную, глубоко индивидуальную систему взглядов на вопросы существования норм и границ в современном искусстве, что осложнило процесс обработки данных — пришлось прибегнуть к предельному сокращению и систематизации полученной информации.

Для проведения социологического исследования был разработан гайд, помогающий проанализировать специфику гендерной нормативности экспертного сообщества по двум основным параметрам:

1. Представление информантов о сущности и границах искусства. Ответы на вопросы интервью позволили выявить особенности отношения экспертов к нормативным границам в искусстве, обозначить наиболее приоритетные критерии оценивания ими произведений искусства.

2. Представление информантов о проявлениях гендерной проблематики в современном искусстве. Анализ ответов респондентов позволил выявить ряд противоречий.

В начале интервью респондентам было предложено, абстрагируясь от конкретных представлений и исторических периодов, ответить на вопрос: в чем, по их мнению, заключается миссия искусства и имеет ли современная миссия искусства какие-либо особенности? Результаты показали, что среди экспертов не существует какого-либо преобладающего мнения по данному вопросу. Ряд из них указали на то, что миссия искусства заключается в освоении мира с помощью художественного языка и в попытке понять, кто есть человек. Другие респонденты обозначили искусство как воспитывающий, образывающий и формирующий личность фактор. Так или иначе, в ответах респондентов прослеживалась зависимость миссии искусства от цели творца.

Каждый творец создает произведение искусства для чего-то: чтобы достичь каких-то внутренних глубин, высказаться, разбогатеть, прославиться. Любое произведение искусства — это всегда компромисс между несколькими целями, которые, кстати, не всегда противоречат друг другу (*эксперт-«творец», 38 лет*).

В части характеристики современной миссии искусства подавляющее большинство экспертов обозначили, что в общем смысле миссия искусства всегда была одинакова и кардинально поменяться не может. Однако несколько экспертов отметили, что сегодня искусству присваивается в большей степени функция релаксирующая: люди стремятся к искусству, чтобы отдохнуть, расслабиться, в то время как внутренняя, духовная работа зрителя уходит на второй план и является невостребованной.

Любопытны ответы экспертов на вопрос о том, является ли искусство «зеркалом» социума и реагирует ли оно на общественные настроения, нормы и обычаи. Ответы респондентов вновь показали некоторые существенные различия в онтологическом понимании искусства. Треть экспертов (по большей части «творцов») указали, что искусство по своей сути внесоциально и, ориентируясь в основном на связь с абсолютным, трансцендентальной реальностью, не может существовать в рамках какого-либо социума и зависеть от него. Однако большая часть экспертов полагала, что искусство, безусловно, существует в социуме и являет собой отражение общественных настроений — поддерживая или не поддерживая их.

В связи с этим показательны ответы респондентов на следующий по порядку вопрос: «Сегодня искусство чаще выступает защитником или оппонентом общественных настроений?» (Далее примем обозначения «искусство-защитник» и «искусство-оппонент».) Вопрос оказался одним из самых непростых для ответа и анализа. Проанализировав все ответы экспертов, можно заключить, что преобладающей точкой зрения является все же понимание искусства как защитника общественных настроений.

Большинство экспертов тем или иным образом обозначили, что по ощущениям наиболее интересным и наиболее достойным сегодня для них видится «искусство-оппонент». Но при этом в большей части ответов прослеживалось понимание того, что в случае преобладания радикального искусства (не укладывающегося в восприятие большинства) учреждения культуры потеряют своего зрителя, потому как современный зритель зачастую более консервативен, чем творец. Искусство сегодня — это в основном продукт государственных учреждений культуры, что не может не влиять на традиционность и консервативность тематики и образного ряда. И оказываясь в ситуации оценивания, эксперт не может не учитывать тот факт, что в произведении искусства вынужденно выдержан баланс радикального и традиционного «в угоду» среднестатистическому зрителю.

Таким образом, уже на данном этапе исследования оказалось возможным заключить, что оценивание произведений искусства современным экспертным сообществом происходит в ситуации некоей заведомой запрограммированности эксперта на восприятие искусства, вызывающего к традиционным ценностям, не идущего вразрез с современными общественными настроениями. Иными словами, экспертное сообщество на уровне художественного понимания может признавать колоссальную художественную ценность какого-либо произведения искусства, но при этом, пропуская его через фильтр нормативных конвенций, предрекать его обреченность ввиду несоответствия его внутреннего содержания бытующим в социально-культурной среде правилам и установкам.

Далее респондентам было предложено описать свое отношение к существованию «поощряемых» и «табуированных» тем в современном искусстве. Под поощряемыми темами в данном случае понимались темы, обращение к которым приветствуется социумом, вызывает более позитивную оценку, имеет больше шансов на успех. Под табуированными — негласно запрещаемые членами социума темы, которые нежелательно поднимать в произведениях искусства, которые отторгаются обществом и находятся за пределами традиционной нормативности. В рамках этого же вопроса экспертам предлагалось ответить, можно ли современного творца назвать свободным в самовыражении. Результаты выявили следующее.

В целом эксперты согласились с наличием и поощряемых, и табуированных образов в современном искусстве, обозначив данное обстоятельство как естественный результат бытия произведения искусства в социуме. В ответах экспертов к числу табуированных тем чаще всего относились темы религии, политики, насилия, сексуальных отношений. Непоощряемость подобных тем обществом объяснялась в одном случае невозможностью преодоления внутренних границ членами социума и их консерватизмом, в другом — невостребованностью подобных образов. При этом невостребованность табуированных образов чаще обозначалась с позиции самих экспертов.

Меня не способно взволновать искусство, являющееся политическим жестом. Это неуместно и неинтересно (*эксперт-«творец», 55 лет*);

Сегодня уже столько сказано и показано о сексе, что концентрироваться на сексуальных образах — это моветон. Я не ханжа и ничего не имею против такой тематики, но если мы соберемся это оценить, то художнику придется очень постараться, чтобы представить свою работу достойно (*эксперт-«критик», 40 лет*).

В рамках интервью респондентам были представлены две точки зрения на проблему запрещаемого в искусстве. Согласно первой пространство художественного образа является более приемлемой и открытой системой для табуированных тем, нежели реальный мир (иными словами, на «сцене» дозволено больше, чем в жизни). Другая точка зрения базируется на том, что на сцену не должны выноситься запрещаемые и табуированные темы, пространство художественного образа не может быть ненормативным, аморальным. Экспертам был задан вопрос о том, какая точка зрения им наиболее близка. В итоге ответы респондентов разошлись по нескольким позициям. Эксперты-«творцы» разделились на две группы: на тех, кто, понимая искусство как связь с Абсолютом, не поддерживали присутствие ненормативных дискурсов в художественном образе, объясняя это непричастностью подобных тем к сфере сакрального, трансцендентного, а потому — отсутствием надобности в их демонстрации; и тех, кто считает, что в искусстве должно показываться все, потому как человеческой природе не чуждо ничего, и наложение запрета на какие-либо темы является самообманом и актом неприятия в себе общечеловеческих свойств.

Эксперты-«критики» выступили единой группой, высказавшись в пользу того, что у современного творца должно быть четкое понимание целевой аудитории.

Вопрос возможности присутствия ненормативного на сцене — это скорее вопрос культурного выбора и предоставления возможности выбора.

Зритель всегда должен отдавать себе отчет, куда он идет и что он хочет увидеть. На рок-концерте глупо хотеть услышать Баха, и это не должно быть претензией (*эксперт-«критик», 35 лет*).

Любопытны ответы респондентов на вопрос о том, должен ли творец нести ответственность за затрагиваемые в произведении искусства темы и проблемы и последствия их влияния на общество. В целом эксперты обозначили невозможность современного искусства оказывать какое-либо непоправимое влияние (за исключением вопросов защиты детей от нежелательной информации, когда за возможность обладания информацией несут ответственность родители). В ситуации же осознанного взаимодействия взрослого человека с произведением искусства опять же встает вопрос культурного выбора и последствий этого выбора.

Однако ряд критиков указали на то, что ответственность творца — это необходимое условие реализации произведения искусства.

Безусловно, художник должен нести ответственность за последствия своего произведения. Порывы души могут быть разными, но, к сожалению, это не всегда можно всем показывать. Мы никогда не сможем отфильтровать тех, кто приходит смотреть на произведение искусства, но имеем возможность фильтровать хотя бы то, что производится (*эксперт-«критик», 52 года*).

В завершении первого блока интервью респондентам был задан вопрос о критериях оценивания ими произведений искусства с целью выяснить, какой канал восприятия произведений искусства наиболее часто используется экспертами. Результаты позволяют говорить о том, что экспертное сообщество г. Екатеринбурга в ситуации оценивания произведений искусства руководствуется по большей части эстетическими критериями и художественным пониманием, не придавая особого значения соответствию нормативности произведения собственным нормам, принципам и ценностным ориентациям. Однако следующий блок вопросов позволил выявить тот факт, что нормативные критерии, в частности гендерная нормативность, оказывают существенное влияние на оценку экспертами произведения искусства.

Блок вопросов об отношении респондентов к гендерной проблематике в сфере культуры и искусства содержал 6 вопросов, позволивших на этапе обработки полученных данных выявить наиболее общие закономерности влияния гендерного дискурса на восприятие экспертами произведений современного искусства.

Прежде всего, экспертам был задан вопрос, согласны ли они с тем, что в современных произведениях искусства часто выносятся на первый план темы гендерных отношений, и сегодня общество стало более чувствительным к такой тематике. Результаты позволили выявить ряд любопытных фактов.

Во-первых, под «гендерными отношениями» многие респонденты понимали исключительно сферу нетрадиционных проявлений мужского и женского в сфере культуры и искусства. Вопрос о степени обострения гендерного дискурса

в современном искусстве автоматически рассматривался ими как вопрос о целесообразности и допустимости демонстрации образов, отклоняющихся от традиционных гендерных ролей. Другая часть опрошенных дала понять, что тема гендерных отношений так или иначе присутствует в любом произведении искусства, так как представления о поле — это одна из основ понимания человеком мира и своего места в нем. Любое произведение искусства, в пространстве которого демонстрируются фигуры или образы людей, будет обладать гендерной проблематикой, так как понимание человеком себя или отношения его с другими людьми опираются в том числе на концепт гендера.

Во-вторых, все эксперты обозначили, что темы гендерных отношений, даже не будучи чем-то новым, приобрели сегодня гораздо большую скандальность и общественный резонанс, являющиеся естественной реакцией искусства на то, что происходит в мире. По мнению респондентов, сегодня искусству дозволено гораздо больше, чем 10, 20, 30 лет назад, и, пользуясь такой свободой, на первый план действительно стало возможным выносить те сферы гендерных отношений, которые раньше были строго табуированы. Вдобавок подавляющая часть экспертов отметила, что и сегодня скандальную гендерную тематику нужно отнести скорее к сфере табу, потому как социум не готов окунуться в ненормативный дискурс, который непосредственно связан с институтом семьи, брака, материнства, который поддерживается современной государственной политикой.

Вопрос об отношении респондентов к гендерным стереотипам в современном искусстве позволил сделать следующие выводы. Треть экспертов продемонстрировала понимание гендерного стереотипа как единственно существующей «правильной» модели гендерных отношений. Данная категория респондентов воспринимает гендерный стереотип, по сути, как «нормальный», «обычный» расклад гендерных ролей. Однако большая часть экспертов показала свою осведомленность в данном вопросе. Респонденты подчеркнули, что такие стереотипы существуют и достаточно сильны, и их присутствие в художественном произведении обусловлено причинами охранения социумом традиционных гендерных ролей.

Рядом экспертов-«критиков» была высказана мысль о том, что присутствие в произведении искусства нестереотипизированных феминных и маскулинных образов наравне с традиционными на данном этапе социокультурного развития общества невозможно. Иначе говоря, присутствие ненормативного образа не может являться фоном для развертывания какой-либо другой проблемы, он автоматически становится эпицентром внимания и главной проблемой произведения.

Вы можете представить, чтобы, скажем, в спектакле как бы между прочим у второстепенных героев была гомосексуальная любовь, а при этом сюжет их практически не касался? Вряд ли. Что бы там не хотел показать автор, на первый план все равно вылезет тема однополых отношений и все будут говорить только об этом. Современный зритель не готов воспринимать такой расклад как естественный и имеющий место быть (*эксперт-«критик», 35 лет*).

Также большая часть экспертов согласилась с мнением, что сегодня существует определенным образом культивируемая тенденция отказа от гендерных

стереотипов, т. е. формируется своего рода «стереотип против стереотипов». Это наблюдение перекликается с результатами социологического исследования, проведенного нами в 2013–2014 гг. Исследование гендерной нормативности студенческой молодежи показало, что современная молодежь, внутренне не одобряя те или иные аспекты гендерных отношений, старается принять их как гендерную норму. Данная тенденция хорошо объяснима желанием «идти в ногу со временем», быть прогрессивным, поддерживать «моду» на толерантные и свободные общественные отношения [5]. В этом случае возникает вопрос: не противоречит ли желание быть прогрессивным и толерантным личным внутренним убеждениям, которые зачастую не совпадают с внешними проявлениями? Не вызывает ли это несовпадение психологический дискомфорт? Так или иначе, «свобода» от стереотипов, противоречащая внутренним убеждениям, не дает право говорить о стабильности такой тенденции.

Интересные результаты показал анализ ответов респондентов на вопрос, касающийся темы эротических и интимных переживаний в рамках художественного образа. Вообще, в нынешней социокультурной ситуации данную тематику, при всей кажущейся раскрепощенности современного общества, все же целесообразно относить к сфере табуированного. Экспертам был задан вопрос об их отношении к наличию эротических, «откровенных» образов в произведениях современного искусства. Анализ ответов респондентов позволят заключить следующее.

По мнению большинства экспертов, темы эротических и интимных переживаний так же не являются чем-то новым в культуре и искусстве, как и гендерная проблематика вообще. Подавляющая часть экспертов не выражала какого-либо протеста против присутствия данной тематики в произведениях искусства. Претензии экспертов скорее были вызваны неприятием средств художественной выразительности, к которым прибегают творцы, демонстрируя эротические и откровенные образы. И эксперты-«творцы», и эксперты-«критики» отметили реально существующую проблему качества демонстрации данных образов в современном искусстве.

Если в произведении искусства есть доля эротики, которая показана умело, красиво, эстетично, то противится такому искусству не имеет смысла. Хотя, надо признать, что мы еще только начинаем осваивать эту область — хорошие попытки есть, но их меньшинство (*эксперт-«творец», 48 лет*).

Встречались и более «радикальные» позиции.

Если анализировать то, что мы имеем возможность видеть сегодня, то откровенные образы и сцены мне, скорее, неприятны. Это слишком интимные вещи, чтобы выносить их на сцену. Тем более что в большинстве случаев это получается убого, коряво и ничего кроме отвращения не вызывает (*эксперт-«критик», 45 лет*).

Интервью завершал ряд вопросов об отношении экспертов к нетрадиционным проявлениям гендерной и сексуальной идентичности в произведении искусства и допустимости данных тем в рамках художественного образа (гомосексуальный, транссексуальный дискурс).

Эти темы, еще до недавнего времени тщательно скрываемые и умалчиваемые, долгое время оставались невидимыми, и таким образом создавалась иллюзия их отсутствия или крайне редкого проявления. Исследования в данной области были также малочисленны. Такое положение вещей послужило причиной образования информационного вакуума, который и до сих пор существует в нашем обществе в отношении проблем гомосексуальности и транссексуальности [2].

В ходе анализа данных были получены следующие результаты. В целом к нетрадиционным проявлениям в сфере гендерной и сексуальной идентичности эксперты относятся нейтрально: ответов, содержащих негативное и резко негативное отношение к гендерным меньшинствам, было крайне мало. В ответах респондентов не упоминались традиционно называемые причины недопустимости подобных явлений, такие как негативное влияние нетрадиционных отношений на психику детей, распространение заболеваний. Ироничного, комичного, несерьезного либо предвзято агрессивного отношения экспертов к сексуальным меньшинствам не наблюдалось.

Две трети экспертов готовы допустить присутствие нетрадиционной тематики в рамках художественного образа. Оставшаяся треть высказалась за то, что данные темы противоречат сущности и миссии искусства (опять же объясняя это непричастностью подобных тем к сфере сакрального, трансцендентного). Вообще, ответы на данный вопрос практически продублировали отношение респондентов к возможности вынесения табуированных тем в пространство художественного образа.

Таким образом, анализ отношения экспертного сообщества г. Екатеринбурга к нормативным границам и гендерным аспектам в культуре и искусстве позволил сделать **следующие выводы**.

В своем понимании границ и сущности искусства экспертное сообщество разделилось на две полярные категории.

Первая группа экспертов понимает искусство как исключительно внесоциальную, трансцендентную реальность, относящуюся к сфере сакрального, духовного, возвышенного, как сопричастность к некоему Абсолюту. Приверженцы такого подхода «позволяют» искусству и художественным средствам очень немногое, выступают за чистоту искусства, считая невозможным и ненужным включение табуированных и непоощряемых тем в структуру художественного образа. Данная позиция чаще встречается у экспертов-«творцов». Они аргументируют ее тем, что обращение к ненормативной тематике свидетельствует о некой недобросовестности, упрощении задачи творца, который через эпатаж привлекает повышенное внимание к своему произведению.

Другая категория экспертов (чуть более многочисленная) рассматривает искусство как трансформируемый социокультурный феномен, находящийся в постоянной зависимости от условий среды, исторической ситуации и других факторов. Такому искусству, подверженному постоянным изменениям и приспособляющемуся под условия окружающей реальности, позволено гораздо больше: оно открыто для новых тем, в том числе ненормативных, для экспертов с художественными средствами.

Можно заключить, что данное противоречие лежит в корне многих последующих расхождений в позициях экспертов.

Экспертное сообщество г. Екатеринбурга признает, что в современных произведениях искусства встречаются и поощряемые, и табуированные темы. Сама «табуированность» ряда тем (религия, политика, сексуальные отношения, насилие) при этом объясняется не ущербностью тематики, а ее невостребованностью ввиду неумелого использования авторами средств художественной выразительности.

Экспертное сообщество понимает запросы целевой аудитории, необходимость защиты детей от несоответствующей их возрасту информации, важность недопущения открытой пропаганды каких-либо моделей поведения. Современное произведение искусства на сегодняшнем этапе развития общества не способно вызвать какие-либо серьезные последствия, поэтому необходимость понимания целевой аудитории эксперты считают приоритетным условием гармоничного сосуществования зрителя и произведения искусства. При этом ответственность за возможные последствия восприятия произведения искусства возлагается на зрителя, делающего осознанный культурный выбор, а не на творца.

Экспертное сообщество г. Екатеринбурга в качестве главного критерия оценивания произведений искусства определяет художественное понимание канонов того или иного вида искусства, а также эстетическое восприятие художественного образа. Критерий нормативной фильтрации экспертным обществом воспринимается как несущественный. Однако данное утверждение легко опровергается в ходе анализа влияния гендерной нормативности экспертов на оценивание ими произведений искусства.

Глубина понимания экспертами исследуемой проблематики (понимание сути вопросов, логичность и последовательность ответов) позволяет констатировать проблему гендерной непросвещенности определенных слоев экспертного сообщества. Понимание гендерного дискурса исключительно как сферы ненормативного, нетрадиционного является предельно поверхностным и не охватывает всю широту данной проблематики. Гендерная непросвещенность может создавать угрозу статусу и компетентности экспертного сообщества, должно уметь осуществлять глубокий анализ произведений искусства с разных позиций, и понимание сферы гендерных отношений и всей широты данной проблематики не является исключением.

Также к числу проблемных областей стоит отнести запрограммированность экспертного сообщества на восприятие исключительно нормативного искусства, не противоречащего современным общественным настроениям. На уровне художественного понимания эксперты признают, что сфера ненормативного, радикального искусства представляет для них большой интерес, и сегодня в этой области появляется довольно много качественных и интересных произведений. Но, пропуская подобное произведение через фильтр нормативных конвенций, эксперты «в угоду зрителю» предрекают его обреченность ввиду несоответствия социальным нормам и установкам. Может быть, стоит, напротив, «поднимать планку» для современного зрителя? Ведь именно высокая экспертная оценка зачастую пробуждает интерес публики к произведению искусства, заставляет

более глубоко анализировать его содержание, пытаться понять не только внешнее содержание художественного образа, но и его смысловую нагрузку.

В целом экспертное сообщество г. Екатеринбурга демонстрирует понимание несостоятельности и опасности гендерной стереотипизации. Эксперты открыты к восприятию как нормативных и традиционных, так и ненормативных феминных и маскулинных образов в произведении искусства. Тенденции преобладания традиционных ролей грамотно трактуются экспертами как механизм самосохранения социума.

К сфере же нетрадиционной гендерной проблематики эксперты Екатеринбурга относятся неоднозначно. В общем и целом экспертное сообщество не дает резко негативной оценки подобных явлений, но относится к ним с осторожностью. В рамках художественного образа данные темы могут быть применимы при условии правильной подачи, грамотного подбора средств художественной выразительности, отсутствия открытой пропаганды нетрадиционных отношений.

В заключение стоит отметить, что наше исследование является лишь первым шагом на пути специального социолого-культурологического анализа особенностей гендерной нормативности в восприятии произведений профессионального искусства экспертами. Затронутые в исследовании проблемы и вопросы требуют дальнейшего детального и основательного изучения на более обширном материале.

1. *Бабинцев В. П., Надуткина И. Э., Сапрыка В. А.* Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // *Власть*. 2014. № 7. С. 5–9.

2. *Гидденс Э.* Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. 208 с.

3. *Казакова Е. В.* Роль экспертных сообществ России в политической модернизации // *Власть*. 2011. № 3. С. 11–14.

4. *Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт.* СПб., 2011. 384 с.

5. *Лихачева Л. С., Нестеровская Е. В.* Особенности гендерной нормативности в культуре повседневности современных российских студентов (по материалам социологического исследования) // *Человек в мире культуры*. 2014. № 3. С. 62–74.

6. *Философия и культурология в современной экспертной деятельности.* СПб., 2011. 508 с.

Статья поступила в редакцию 04.10.2016 г.

УДК 791.622:304(571.1/.5) + 7.038.11

**Е. В. Головнева
И. А. Головнев****ОБРАЗ СИБИРИ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ:
КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД***

В статье с конструктивистских позиций рассматривается формирование образа Сибири средствами отечественного кинематографа. Авторы приходят к выводу, что создание образа Сибири на экране требовало от кинематографистов разработки специальных средств и выбора определенных сюжетов и типов характера. В качестве несущих конструктов, помогающих сформировать этот образ, рассматриваются идеи природных богатств Сибири, особого сибирского характера, репрезентации Сибири как «страны холодов» и «страны пассионариев», пространства реализации героического начала и общего, коллективного дела.

Ключевые слова: образ Сибири; советский кинематограф; конструирование; сибирская идентичность; Сибирь; нарратив.

Целью данной статьи является формулирование ключевых положений к постановке проблемы рассмотрения образа Сибири (и сопряженного с ним образа сибиряков) в качестве кинематографического конструкта. Абстрагируясь от экранных особенностей фильмов о Сибири, обратимся к методологии конструктивизма. Конструктивизм является в современных эпистемологических и культурологических исследованиях актуальной программой, с одной стороны, способной предложить достаточно разработанный спектр способов изучения объекта [6], с другой — позволяющей осуществить экстраполяцию изначально определенных методологических принципов на новые проблемы. Поскольку образ сибирского региона в кинематографе еще не становился предметом исследования с конструктивистских позиций, то рассмотрение этой проблемы в данном ключе представляет, с нашей точки зрения, особый интерес. Кроме того, расширение исследований в направлении изучения конструирования образов Сибири средствами кинематографа в дальнейшем может стать основой для нового поворота в исследовании сибирской идентичности и сибирского характера.

Сибирь, как известно, — одно из самых заметных социокультурных пространств на современной карте России. На всех уровнях общественного сознания Сибирь представляется устойчивым регионом, имеющим отличительные черты, определяемые в первую очередь природными факторами ее формирования

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-33-01038 «Образ региона в культурфильме (на примере творчества А. Литвинова)».

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: golovneva.elena@gmail.com).

ГОЛОВНЕВ Иван Андреевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (e-mail: golovnev.ivan@gmail.com).

© Головнева Е. В., Головнев И. А., 2017

и сложившимися пространственными характеристиками (от Урала до Тихого океана).

Особенностью пространственного восприятия Сибири на современном этапе становится признание того, что обозначение границы этого региона не столько физико-, сколько историко- или культурно-географическое, поскольку сибирскому региону свойственно несовпадение географических рубежей, экономических зон и административных центров, появившихся в советскую эпоху и в результате проводимой федеральным центром в 1990-е гг. политики асимметричного развития регионов. Административные практики всегда играли значительную роль в «воображаемой географии» Сибири [19]. В географическом плане современная территория Сибири все чаще рассматривается без Дальнего Востока, как пространство, простирающееся от Уральских гор до водораздела рек, текущих в Северный Ледовитый и Тихий океан. При этом из региона «Сибирь» могут исключаться в силу особых природно-климатических характеристик Заполярье и вся зона тундры, Забайкалье и Алтайский край. Современное федеральное разделение округов также привело к тому, что Сибирь оказалась срединной территорией между Уральскими горами и Якутией. Учитывая характер этой территории, сформировавшийся в особом ландшафте (Сибирь — зона тайги, Дальний Восток — значимость Тихого океана) и под влиянием определенных видов экономической и хозяйственной деятельности, многие современные исследователи сходятся на том, что логично все-таки рассматривать Сибирь как отдельный внутриматериковый регион, «среднюю землю» (*middle ground*) [28, 108], «геополитическую конструкцию внутреннего пространства Российской империи» [9, 152].

При изучении регионов в культурологических исследованиях в настоящее время происходит новый поворот, связанный с усилением субъективной составляющей, когда говорится не о самих реальных пространствах/регионах, а о функционировании географических образов регионов в сознании людей [25] и ставится вопрос о механизмах конструирования этих образов. Так, конструирование образа Сибири (как и любого другого региона) в общественном сознании может осуществляться с помощью различных средств (индивидуальных ощущений и личных впечатлений, научного описания, исторических и мифологических нарративов, СМИ, художественного творчества).

В данной работе предлагается обратиться именно к художественному дискурсу, поскольку для внешнего наблюдателя (с ограниченным эмпирическим опытом знакомства с сибирской культурой и природой) художественные произведения — зачастую единственный источник информации о регионе, они же позволяют получить представление о том, насколько у местных жителей развито региональное самосознание. Без художественного творчества и его освоения массовым сознанием практически невозможно конструирование гносеологических образов Сибири, имеющих эмоциональную составляющую, поскольку эмоции транслируются в первую очередь художественными средствами. Художественный дискурс, помимо прочего, оказывает влияние на изменение в общественном сознании образа Сибири и сибиряков, вплоть до его общей позитивной или негативной окраски.

Известно, к примеру, какую большую роль для формирования образа Сибири сыграли литературно-художественные описания природно-ландшафтного разнообразия Сибири и развитие сибирского пейзажа в живописи [5]. Благодаря восприятию уникальных природных объектов в Сибири в русской культуре появился особый «сибирский текст» [4, 14]. Именно в этой разновидности национального художественного дискурса происходило «изобретение» сибирского региона как важного момента производства нарративов (визуальных и вербальных) с определенной фабулой и символическим кодом, в которых артикулировались относительно стабильные элементы сибирских образов и сюжетов.

Например, в литературных репрезентациях Сибирь выглядела, прежде всего, как пространство освоения и обновления, а также пространство испытаний и борьбы с суровой природой, с климатическими обстоятельствами, со стихиями, местной фауной. В таком образе Сибирь выступает уже в ранних литературных и исторических описаниях — летописях о походе Ермака 1582 г. с Волги в Сибирь, в житии Аввакума и др. Дальнейшее развитие литературной традиции было связано с тем, что в экзотическую суровую среду Сибири органично включались выносливые, трудолюбивые, патриотичные и мужественные люди. Не случайно в региональной литературной традиции получили развитие исторический (типичный сюжет — история покорения Сибири), приключенческий, криминально-детективный жанры, а также социальные драмы о людях труда (геологах, нефтяниках, строителях и т. д.). Сибирской природе при этом давались (в соответствии с художественным дискурсом) не только этические характеристики (сибирская природа помогает выжить человеку, рождает сильных духом людей, но может быть опасной и непредсказуемой), но и эстетические: природа в Сибири характеризуется как нетронутая, первозданная, вековая, великая, богатая уникальными объектами и т. п.

При характеристике художественного дискурса о Сибири, по сравнению с литературным творчеством, как правило, меньше внимания обращается на роль кинематографа (также являющегося частью сибирского текста) как важного средства конструирования образа Сибири. Между тем кинематографические нарративы вполне могут конкурировать с художественной литературой по степени своего влияния на конструирование образа той или иной территории. По сравнению с политической риторикой и литературным творчеством кинематографические образы имеют ряд выраженных преимуществ: обладают метафорическим языком, большей выразительностью, являются более точными в формулировании ключевых посланий и формировании соответствующего смыслового ряда. Игровой способ репрезентации реальности зачастую оказывается более массовым, действенным и эффективным инструментом доставки и распространения идей, представлений и ожиданий. Через кинематограф, пожалуй, наиболее очевидно раскрывается способ, каким сочетаются, налагаются, исчезают и вновь соединяются ритмы региональной среды, создавая определенный синтез образов региона. Позволяя ощущать и реконструировать внутри себя сначала невербальные смыслы и значения, кинематографические образы затем переводят их в вербальный формат.

В истории отечественного кинематографа Сибирь в качестве места развития событий на экране довольно часто привлекала внимание кинематографистов, особенно в советскую эпоху. Так, художественные фильмы о Сибири советского периода — 1930–1980-х гг. (часто построенные по схожей сценарной матрице) транслировали целый спектр концептуальных представлений о богатых природных и человеческих ресурсах Сибири на многочисленную зрительскую аудиторию. Например, в фильме «Сибиряки» Л. Кулешова (1940) Сибирь показывается как своеобразный, отличный от других регион, а сибиряки гипостазированы как отдельная региональная группа, как особое сообщество, семья. В фильме «Сказание о земле Сибирской» И. Пырьева (1947) Сибирь изображалась, прежде всего, как «романтическое место, позволяющее избежать ограничений норм “цивилизованного мира”, познать жизнь через столкновение с суровой природой, через эмоции и переживания обычных людей, которые не прячутся за социальными нормами и правилами» [27, 686–687]. По замечанию Е. Н. Савельевой, Сибирь в произведениях А. Кончаловского («Сибириада»), В. Шукшина («Печки-лавочки», «Калина красная»), С. Герасимова («У озера») являлась «не просто географическим фоном неких событий, но топосом, конституирующим их идейную основу развития. Образы Сибири, созданные в отечественном кинематографе в 1960-е гг., становились особенно запоминающимися и привлекательными для зрителя. В них обнаруживается художественная ценность естественной фактуры предметов, подлинность человеческого поведения (не театрально-сценического), фрагментарность мизансцен, выхваченных из естественного течения жизни (сибирские пейзажи, снятые не как экзотика, а изнутри; привлечение непрофессиональных актеров и т. п.). Эти образы обладали дискурсивной убедительностью, поскольку в них «связываются в тугой узел этнографические признаки сибирских земель и их жителей с возложенной на данный топос миссией духовного истока» [11, 64].

Безусловно, конструирование образов Сибири осуществлялось не только средствами художественного, но и документального кино [17]. До настоящего времени документальные фильмы представляют собою особый, малоизученный пласт информации об образах Сибири и вызывают особый интерес, поскольку их воздействие на эмоциональную сферу позволяло усилить закрепление идентификационных признаков: зрителя интересовали, прежде всего, явления повседневности своего культурного мира (природные объекты, культурные, политические, производственные аспекты жизни и т. п.). Как отмечает Е. Н. Савельева, именно в области документального кино о Сибири появляются тенденции, указывающие на повышенный интерес к своеобразию собственной региональной культуры [12, 15].

Из всего многообразия документальных фильмов о Сибири мы проанализировали те фильмы, которые были сняты на Западно-Сибирской киностудии научных и учебно-технических фильмов «Сибтехфильм» в 1930-х гг.¹ Речь идет о фильмах: «Восточная Сибирь» (1935, реж. А. И. Гайдуль), «Горная страна Алтай» (1937,

¹ Показательно, что эти фильмы были сняты сибирской кинофабрикой, что позволяет взглянуть на кинодискурс о Сибири с позиции «изнутри».

реж. А. И. Гайдуль), «Западная Сибирь» (1937, реж. З. М. Калик), «В тайге Западной Сибири» (1939, реж. Д. И. Васысь), «Горная Шория» (1939, реж. Г. М. Бобров); «Байкал» (1939, реж. Н. Г. Соколов). В структуре советского кинематографического производства эти документальные фильмы получили особое название — *культурфильмы* [18, 26]. Для советского и зарубежного зрителя они были одним из основных источников представлений об отдаленных регионах страны.

С одной стороны, эти фильмы являлись вкладом в научное описание Сибири, будучи одними из самых ранних кинодокументов по этнографии коренных народов, природных объектов и культурному наследию Сибири, позволяющих увидеть «свое и чужое», «знакомое и далекое», «центр и периферию» [21]. К созданию культурфильмов, в частности, активно привлекались научные консультанты. С другой стороны, в данных кинокартинах просматриваются и свидетельства государственной национальной политики [23], выражавшиеся в запечатленных на пленке мероприятиях, проводимых советскими организациями в Сибири на рубеже 1920–1930-х гг. (создание туземных советов, культбаз, кооперативов, школ, медпунктов и т. д.). Кроме того, культурфильмы отрабатывали возложенную на них государственную миссию создания эмоционально привлекательного образа Сибири через показ уникальных природных объектов для успеха переселенческой политики (в частности, в мероприятиях по заселению районов Сибири и Дальнего Востока выходцами из Белоруссии и Украины). Можно сказать, что культурфильмы о Сибири являлись своеобразной формой *cultural governance* (управление посредством культурных образов) [24, 203].

Сценарии культурфильмов были насыщены материалами о географическом положении Сибири, ее природных ресурсах, полезных ископаемых, растительном и животном мире. Отдельное внимание уделялось кинематографической репрезентации культуры коренных народов, проживающих в сибирском регионе и ведущих, с точки зрения внешнего наблюдателя, «экзотичный» образ жизни. В рамках культурфильмов, в ранний период развития кинематографа, происходило создание и апробация стереотипного сюжетно-образного инструментария, который в дальнейшем будет использоваться кинематографистами при работе с «сибирской темой».

Как правило, данные фильмы начинались с показа карты местности с прилегающими к ней территориями. В целях лучшего представления о размерах показываемой территории, с одной стороны, и об ее широтном географическом положении — с другой, на экране присутствовали мультипликационные карты, которые часто являлись связующим звеном на всем протяжении фильма и служили наглядным визионерским инструментом. Далее режиссер показывал природные объекты Сибири, часто с упором на хозяйственную сторону, демонстрировал разнообразие географических ландшафтов, культуры и быта населения. При этом в показе природных объектов Сибири кинематографисты следовали установке стремиться к большей наглядности, доступности, популярности и занимательности изложения. Особое внимание уделялось дикторскому тексту, который помогал не просто создать какое-то альтернативное (дополнительное) творческо-информационное измерение, а заставить зрителя лучше почувствовать изображаемое

на экране. Таким образом, в зрительском восприятии культурфильмы формировали образ отдаленного, неизведанного и богатого природными и человеческими ресурсами (в плане этнокультурного многообразия) края.

Анализ документальных и художественных фильмов о Сибири позволяет нам выделить несколько несущих конструктов, важных для формирования кинематографического образа Сибири.

Прежде всего, важным средством конструирования образа Сибири на экране являлась ее репрезентация как «страны холодов». По мнению Е. А. Дегальцевой, метафора холода вообще является основным символом для маркирования пространства сибирского региона [3, 85, 87]. Это неудивительно: Сибирь — это Северная Азия, территория, очень удаленная от теплых морей, большое воздействие на формирование климата здесь оказывает Северный Ледовитый океан. Для Средней Сибири характерно почти повсеместное распространение многолетней мерзлоты. Визуальный образ Сибири как «страны холодов» оказывается довольно устойчивым: сугробы, не до конца расчищенные улицы, метель и пронизывающий ветер, прохожие с поднятыми воротниками, «белые склоны с траурной каймой», тянущиеся без конца холодные туманы, «снежной глади целина». По выражению филолога К. В. Анисимова, концепт «сибирский мороз» имеет длинный исторический шлейф и «способен включаться в симметричные, а порой и асимметричные концептуальные пары с образами ссыльнокаторжного и аборигена, других важнейших “участников” сибирского колониального мифа русской словесности и политической полемики» [1]. Не случайно и в настоящее время концепт бренда Сибири, *I am Siberian*, разработанный предпринимателями из Новокузнецка, составляет графическая снежинка в бело-синей цветовой гамме.

Вместе с тем можно говорить о том, что при создании образа Сибири на экране активно задействуется и мотив ее изображения как региона со слабо тронутой человеком природой, пугающе суровой и в то же время поразительной своим размахом и таящей в себе неизведанные богатства («Сказание о земле Сибирской»). В этом контексте изображение Сибири на экране часто было связано с показом тайги и таежных мест (художественные фильмы «Парень из тайги», «Случай в тайге», «Злой дух Ямбуя», «Костер в белой ночи»). Не только визуальный образ, но и само слово *Сибирь*, по данным лингвистики, давно ассоциируется со словом *тайга*. Так, В. И. Даль в 1863–1866 гг. сопровождает слово *тайга* пометой «сиб., фин. [?]» и описывает ее так: «Обширные, сплошные леса, непроходимая, исконная глушь, где неть никакого жилья, на огромномъ просторе, кой-где зимовка лесовальщиковъ, или кушника, поселяемого нарочно для приюта приезжимъ» [13, 710–711]; а *чернь* — «густой, непроходимый лесъ» — снабжает пометой «зап.-сиб.» [Там же, 1320]. Не случайно тайга, как воплощение *иного* пространства, локализованного где-то за Уралом, надолго становится маркером сибирских территорий как в кинематографическом дискурсе, так и в обыденном сознании.

Вместе с тем природно-климатические условия Сибири показываются в кинематографе как неравномерные, что способствует созданию особого нарратива о продолжительной сибирской зиме, коротком лете, длительных морозах, продолжительной полярной ночи. Примечательно, что неравномерность

климатических условий в Сибири, резкий переход от жаркого лета к морозной зиме, парадоксальным образом сочетается и с демонстрацией в документальных и художественных фильмах крайностей в поведенческих стратегиях сибиряков, у которых «безудержная щедрость соседствует с крайней скупостью, грубые манеры с душевной простотой, гостеприимство с осторожностью, замкнутый индивидуализм с необходимостью жить в “мире”» [3, 89].

В числе несущих конструктов, формирующих исторический образ Сибири и сибиряков на экране, можно выделить несколько идей: пафос свершений — вместе с Русью за Урал пришло могущество; в Сибирь шли и попадали лучшие — самые отважные и стойкие; жизнь в Сибири формировала лучшие человеческие качества; сибирский человек приходил на выручку стране, когда нужна была стойкость, выдержка, решительность [10, 51]. В воображаемую историю Сибири, создаваемую на экране, органично включались также образы Ермака («русского Колумба Сибири»²) и его экспедиций к сибирским рекам (х/ф «Ермак»), ссыльных декабристов и их жен (х/ф «Во глубине сибирских руд...»), строительство Транссибирской магистрали. Эти ценностно нагруженные конструкты, создаваемые и усиливаемые кинематографическим дискурсом, в терминологии французского историка П. Нора, оказались своеобразной «памятью-архивом» [7], обросли мифологическими сюжетами и устойчиво продолжают воспроизводиться в современном массовом сознании.

При конструировании образа региона и «сибирского характера» кинематографисты также часто акцентируют внимание на идее «героического» — преодолении персонажами фильмов мороза, расстояния, различных сложностей (х/ф «Новая Москва», «Сказание о земле Сибирской», «Разные судьбы», «Пятый океан»). На эту особенность сибирского характера указывал еще областник Г. Н. Потанин, согласно которому, сибиряк, преодолевая препятствия, отвыкал от всяческих общественных и семейных обязанностей, приучался надеяться только на собственные силы [8, 233]. В этом контексте преодоление сибиряками трудностей является ключевой чертой фронтирного сибирского этоса. И в прошлом, и в настоящем «сибирскость» означает консолидацию региональной идентичности вокруг таких аспектов жизни, которые при других условиях могли бы выглядеть как «неудобные», но превратились в предмет гордости. В свое время В. М. Флоринский указывал на невзгоды сибиряков, вынужденных отправляться в те места, «куда зимой можно попасть только на оленях или собаках, а летом на почтовых лодках по безлюдной реке» [15, 130–131]. Режиссерами, снимавшими фильмы на «сибирскую тематику», этот прием был взят на вооружение. К примеру, визуальными маркерами сибиряков, неоднократно воспроизводимыми в отечественном кино, оказывается их нахождение в числе ожидающих рейсы на длительные расстояния, наличие большого количества тяжелых чемоданов. Мощным маркером «сибирскости» является также одежда, которая должна была хорошо защищать человека от ветра и мороза и которая стала внешним отличительным признаком

² Так Ермака представляют Алексей Иванов и Леонид Парфенов в документальном сериале «Хребет России».

сибиряка (валенки, унты, шапки-ушанки, тулупы, шубы и т. п.), индикатором его аутентичности.

Необходимо также отметить востребованность для отечественного кинематографа мотива обретения «сибирскости», конструирования сибиряков, их становления как отличительного регионального типа через общее дело [2]. В кинематографическом сценарии это могли быть ситуации, связанные с грандиозным строительством, «стройкой» (х/ф «Парень из тайги», «Поезд идет на Восток», «Медовый месяц», «Рядом с нами», «Все начинается с дороги», «Ждите писем»), обороной границ (х/ф «На границе», «Человек без паспорта», «Нейтральные воды»), приключениями в духе инициационных испытаний (х/ф «Сибиряки», «Следы на снегу», «Карьера Димы Горина», «Пропавшая экспедиция», «Неотправленное письмо»), впрочем, понимаемых самими героями опять же как большое и важное дело. Как отмечает И. П. Басалаева, покидание этой территории, сознательный отъезд из Сибири (московский карьеризм), как правило, осуждались в кинематографическом дискурсе как этически неправильная поведенческая стратегия и являлись важными штрихами к образу антисибиряка (х/ф «Партийный билет», «В добрый час», «Печки-лавочки»). Неправильный образ сибиряка в литературе и кино периода «оттепели» дополнялся также «полуфабриканным типом» бездельного, беззаботного, негероического персонажа³, чья жизнь не соответствовала «сибирскому» стилю жизни [2].

В кинематографе Сибирь репрезентируется часто как «страна *пассионариев*» с выраженными чертами активности, предприимчивости, настойчивости, смелости и целеустремленности (х/ф «Парень из тайги», «В добрый час», «Ждите писем», «Люди на мосту»). Сибирский стиль жизни вообще некоторыми исследователями характеризуется как «маскулинное пространство» [16, 20], что находит выражение в связанных с «сибирскостью» кинематографических образах (каторга, прииск, заимка, золотодобыча, золотопромышленник, старатель, скупщик (золота, мехов), шаман, охотник, старовер, партизан, геолог). Социальный статус у мужчин-сибиряков на экране достигается, как правило, постоянной демонстрацией в поведении твердости и силы. На уровне обыденного сознания это может, к примеру, воспроизводиться в представлении о героизме «сибирских дивизий» во время Великой Отечественной войны, а в советском кинематографе режиссерами постоянно подчеркивалась твердость и храбрость сибиряков, чей образ оказался тесно связанным с образом полярников (в том числе летчиков-полярников), пограничников, партизан, дальневосточников, таежников и других «коллективных персонажей» того времени.

Этот образ до известной степени распространялся и на женщин, напоминаяших колонисток Нового Света. Сибирячки в советском кино часто выступают проводниками, выносливыми и неприхотливыми, которые в тайге ориентируются как в своем доме и ловко обращаются с моторными лодками, с оружием и топором [2]. Черты сибирского характера даже способствовали формированию особого

³ Яркий пример такого типажа — Пашка Пирамидон из фильма «Живет такой парень» (реж. В. Шукшин, 1964).

«этоса» сибиряков как комплекса идей морального и физического превосходства над «изнеженными» жителями Европейской России. П. Лонгуорт указывает на стойкость, жесткость и общинность сибиряков как результат столкновения с суровостью климата и огромного расстояния [22]. Не случайно идеологический потенциал концепта «сибиряк» был таким востребованным в художественном дискурсе советского периода, для которого, как пишет И. П. Басалаева, стали актуальными типажии правильного, сильного, целеустремленного, негибаемого, занятого коллективным делом и т. п. человека, т. е. *нового* человека новой страны [2], а сибирская тема оказалась в первом ряду, вместе с биографическими полотнами о непобедимых полководцах.

Резюмируя сказанное, отметим, что создание образа Сибири на экране, его содержательное наполнение требовали от кинематографистов разработки специальных средств и выбора определенных сюжетов и типов характера. Несущими конструктами, помогающими сформировать этот образ, на наш взгляд, оказывались идеи природных богатств Сибири, особого сибирского характера, репрезентации Сибири как «страны холодов» и «страны пассионариев», пространства реализации героического начала и общего, коллективного дела. Как представляется, эти сюжеты способствовали формированию гетеростереотипов и автостереотипов, связанных с Сибирью и «сибирской тематикой», стали эффективным средством конструирования образа Сибири у зрительской аудитории разных поколений и продолжают воспроизводиться до сих пор в современном массовом сознании.

1. *Анисимов К.* Климат как «закоснелый сепаратист». Символические и политические метаморфозы сибирского мороза [Электронный ресурс]. URL: <http://astafiev.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/05/3Anisimov-K.V.-statya-v-NLO.pdf> (дата обращения: 16.12. 2016).

2. *Басалаева И. П.* Между *быть* и *становиться*: «сибиряки» в советском кинематографе 1930–1940-х гг. // Сибирь: контексты настоящего : сб. материалов междунар. конф. молодых исследователей Сибири в рамках проекта «Сибирь вне границ» (2013–2015 гг.) / науч. ред. М. Я. Рожанский. Иркутск, 2016. С. 26–56.

3. *Дегальцева Е. А.* Холод как метафора Сибири (на примере репрезентаций XIX века) // Рос. гуманитар. журн. 2012. Т. 1, № 1. С. 84–94.

4. *Ковтун Н. В.* «Сибирский текст» в прозе второй половины XX века (на материале романа С. Залыгина «Комиссия») // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Екатеринбург, 2008. Вып. 4. С. 102–110.

5. *Курдина Н. Н.* У истоков поэтики сибирского пейзажа в русском романтизме // Литература Сибири: история и современность. Новосибирск, 1984. С. 19–41.

6. *Мартишина Н. И.* Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании // Гуманитар. исслед. 2015. № 2 (6). С. 19–23.

7. *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

8. *Потанин Г. Н.* Роман и рассказ в Сибири // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 233–234.

9. *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Азиатской империи // Полития. 2010. № 3–4 (58–59). С. 150–191.

10. *Рожанский М. Я.* Сибирь как пространство памяти. Иркутск, 2013. 180 с.

11. Савельева Е. Н. Жанровые и стилистические особенности фильмов сибирской тематики в российском кинематографе 1960-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 305. С. 62–66.
12. Савельева Е. Н. Художественно-образная модель Сибири и «сибирская идентичность» в отечественном кино XX века // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. : Культурология и искусствоведение. 2015. № 4 (20). С. 14–24.
13. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб., 1909. Т. 4.
14. Тюна В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сиб. филол. журн. 2002. № 1. С. 27–35.
15. Флоринский В. М. Заметки и воспоминания // Рус. старина. 1906. № 4. С. 109–156.
16. Хабек О. Й. Гендер, «культура», северные просторы // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 59–68.
17. Хилько Н. Ф. Кинематограф Сибири: коммуникация, язык, творчество. Омск, 2010. 101 с.
18. Шлегель Х. Немецкие импульсы для советских культурфильмов 1920-х годов // Киноведческие записки (М.). 2002. № 58. С. 368–380.
19. Burbank J., Hagen M. Coming into Territory: Uncertainty and Empire // J. Burbank & M. v. Hagen & A. Remnev (eds.). Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington and Indianapolis, 2007. P. 1–32.
20. Collins D. Sexual Imbalance in Frontier Communities: Siberia and New France to 1760 // Sibirica. 2004. Vol. 4, № 2. P. 162–185.
21. Kivelson V., Neuberger J (eds.). Picturing Russia: Explorations in Visual Culture. New Haven, CT, 2010.
22. Longworth P. Russia: the once and future empire from pre-history to Putin. N. Y., 2005.
23. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, NY, 2001.
24. Muller B. Securing the Political Imagination: Popular Culture, the Security Dispositif and the Biometric State // Security Dialogue. 2008. Vol. 39, № 2–3 (April–June).
25. Paasi A. Place and Region: Regional worlds and words // Progress in Human Geography. 2002. Vol. 26, № 6. P. 802–811.
26. Sarkisova O. Screening Soviet Nationalities: kulturfilms from the Far North to Central Asia. L. ; N. Y., 2016.
27. Sitnikova A. The image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2015. Vol. 8, № 4. P. 677–706.
28. Znamenski A. The «ethic of empire» on the Siberian borderland: The peculiar case of the «rock people», 1791–1878 // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / Ed. by Nicholas B. Breyfogle, Abby Schrader, and Willard Sunderland. L. ; N. Y., 2007.

Статья поступила в редакцию 19.12.2016 г.

УДК 821.161.1-1 Лермонтов + 141.32 + 316.74

Н. М. Улитина

ТАЙНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье литературное творчество М. Ю. Лермонтова рассматривается в культурологическом ключе, анализируются его нравственно-философские воззрения, вопросы, традиционно волнующие человечество, такие как уникальность человеческой личности, трансцендентное познание мира, незащищенность и конечность существования, одиночество, граница свободы и вседозволенности, самоанализ, отношения «человек и Бог», жизнь и смерть, добро и зло и др.

Ключевые слова: культура XIX в.; социокультурный контекст; литературное творчество; тайны человеческого бытия; философия творчества; экзистенциальные проблемы человека.

Совсем недавно творческий мир отметил две важные юбилейные даты, связанные с именем одного из величайших деятелей отечественной художественной культуры, поэта, писателя, драматурга, художника — Михаила Юрьевича Лермонтова: 2014 г. был ознаменован 200-летием со дня его рождения, а в 2016-м исполнилось 175 лет со дня его трагической гибели. За этот сравнительно небольшой период (менее двух лет) заметно усилился интерес к творчеству Лермонтова со стороны не только филологов, но и культурологов, историков, философов, психологов — представителей самых разных областей гуманитарного знания. В связи с этим интересно рассмотреть в социокультурном контексте творчества Лермонтова недостаточно изученную проблему, связанную с тайнами человеческого бытия. Именно эта тема стала объектом исследования в данной статье, целью которой является теоретический анализ экзистенциальных аспектов литературного творчества Лермонтова как уникального явления отечественной художественной культуры XIX в.

Актуальность такого подхода заключается в современном звучании данных вопросов. В настоящее время в лермонтоведении идет дискуссия об особом миропонимании Лермонтова, о малоизученных эпизодах его биографии, учеными представляются новые трактовки известных произведений поэта. Нам же хочется обратить внимание именно на тайны человеческого бытия, осмысленные Лермонтовым философски, сквозь призму своего собственного мироощущения и миропонимания. Поэтому на авансцене исследования оказываются важнейшие проблемы экзистенции, связанные с вневременными ценностями и теми вопросами, которые мы привыкли называть вечными. Одним из таких основополагающих вопросов является ценность и уникальность человеческой личности.

УЛИТИНА Наталья Михайловна — аспирант кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: fortunato90@mail.ru).

© Улитина Н. М., 2017

Доминанта творчества поэта — жизнелюбие, ничего прекраснее, интереснее жизни он не знает. Его герои жаждут счастья, за которое борются; их любовь должна, по замыслу автора, нести добро людям. Д. Е. Максимов говорил, что общими идеями, лежащими в основе поэзии Лермонтова, были идеи личности и свободы, которые поэт утверждает как самые высшие ценности и критерии [6]. Нравственно-философская проблематика лермонтовского творчества во многом определяет перспективу развития русского романа. Смысл жизни человека, его идеалы и цели, чувства и мысли, желания и устремления — вот темы, которые глубоко волновали поэта. Можно сказать, что все лермонтовское творчество — единый гимн Человеку, способ проникнуть в тайны его души, чтобы найти ответ: почему он — прекрасное, уникальное творение Вселенной — зачастую бывает так несчастен, разочарован и одинок.

Человек познает мир через себя, это экзистенциальная особенность его личности, поэтому мировоззрение всегда априори субъективно, понимание тех или иных жизненных проблем и законов мироздания неотделимо от личных переживаний героя. Осознавая свое «я», лермонтовский герой стремится к мобилизации творческих сил, не отрываясь от своего земного источника — жизни. Жизнь для него — это самоутверждение себя через движение, борьбу, труд, творчество. Именно творчество, по мнению Лермонтова, помогает преодолеть сомнения, страхи, тревоги, раскрыть тайну человеческого предназначения, найти смысл его земного бытия. Так, в стихотворении «Поток» жизнь сравнивается с ключом, из которого можно напиться чистой воды, необходимой для жизни:

...Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений...

Избирая для судьбы того, в ком «источник страсти» могуч, поэт принимает «блаженства и мучения», т. е. жизнь со всеми ее превратностями. В жизни много противоречий (добро и зло, радость и горе, богатство и бедность, господа и рабы и т. д.). Настоящая жизнь в понимании лермонтовского героя — это движение, прогресс (но не только в узком смысле этого слова, в первую очередь, прогресс потенциала человеческой личности, ее постоянное развитие, трансформация). Так вечно мятежный Парус, символ лермонтовского романтического героя, «ищет бури, как будто в бурях есть покой», а сам поэт восклицает:

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию на зло;
<...>
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?..

(«Я жить хочу!...»)

Мятежные лермонтовские образы (Демон, Мцыри, боярин Орша и др.) утверждают самоценность личности, неотъемлемой особенностью которой должна стать возможность выбора в мыслях, действиях. Человек может делать себя сам, быть кем хочет. С бытием человека Лермонтов связывает чувства, сознание, движение, волю и свободу, разум, духовную жизнь — все то лучшее, что есть в его жизни.

Человек скован границами своего «я», но он может выйти за границы своего сознания, чтобы познать мир трансцендентально. «Мир Лермонтова — “трансцендентальный”, людям Лермонтов противопоставлял “огонь, горящий в душе”, огонь “нездешнего” происхождения», — отмечает Е. Винокуров [4, 32].

Удивительная способность видеть недоступное обычному человеку позволила Лермонтову сформировать замечательные поэтические образы: «дух раскаяния...» летит «узреть небесный вид» («Черкешенка»); или:

И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

(«Ночь»)

А. Л. Рубанович подтверждает, что Лермонтов воспринимал мир субъективно, через себя, как «святое вечности зерно» [8, 55].

Одновременно можно и нужно говорить о дополнении этих образов элементами трансцендентности: выход за пределы себя, своего бытия, за рамки эмпирического познания, то, что мы видим у Лермонтова неоднократно:

...Верить я готов,
Что наш безлучный мир — лишь прах могильный
Другого — горсть земли, в борьбе веков
Случайно уцелевшая и сильно
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного платья,
И по сродству имеют в добрый час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится каша, —
В кулачки, и... прощай, планета наша.

(«Сашка»)

Одной из главных тайн бытия, занимавших юного гения, была трагедия конечности человеческого «я», хрупкость экзистенции. Датский теолог, мыслитель Сёрен Кьеркегор, стоящий у истоков философской концепции экзистенциализма, считал тревогу школой, которая приучает человека встречать смерть лицом к лицу и адекватно воспринимать положение, в котором он оказался, невозможная, если

этого требуют обстоятельства, страх смерти. Но если страх смерти благодаря усилиям духа можно преодолеть, то остается более глубокий страх, отличающий человека от всего животного мира, истинно экзистенциальный — страх перед Ничто. Человек боится не самого момента смерти, а неизвестности после его перехода в мир иной: «А вдруг там ничего нет? Что будет, если от меня ничего не останется?». Религия дает человеку надежду на продолжение бытия души после физической смерти. Экзистенциальный страх перед Ничто испытывает и Лермонтов:

Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно...
(«1830, Майя, 16 числа»)

Однако свою трактовку темы жизни и смерти Лермонтов дает уже в зрелом творчестве: его героев не столько страшит полное исчезновение своего «я», сколько невозможность продлить короткую, но такую прекрасную, полную душевных сил и движения жизнь:

...Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
(«Мцыри»)

Главное в жизни, по Лермонтову, — это любовь, которая возвышает душу человека, но она связана также со страстью, которая может испепелить сердце, погубить его («Демон»). Среди множества тайн бытия особой значимостью наполняется вопрос не только о наличии загробного мира как такового, но и о возможности продолжения в нем любви, всего того, что было дорого сердцу в мире земном. Экзистенциальный страх перед Ничто, возможно, ожидающим людей в загробном мире, также со всей очевидностью присутствует в стихах Лермонтова. Жутким холодом веет от такой истории любви:

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной!
<...>
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.
(«Они любили друг друга...»)

Стихотворение «Сон» — предсказание смерти во сне, где душа умершего возвращается на землю, пытается оживить тело. Поэт грустит о бренности бытия, рисует страшные картины распада живой материи («Ночь», «Дары Терека»). Мотивы смерти, образы мистических существ (русалок, бесов, духов) можно встретить уже в ранних произведениях. По утверждению П. Уляшова, бесспорно, интерес Лермонтова к проблемам жизни и смерти, мистическим явлениям объяснялся складом его характера, мировоззрением [12, 34–38].

Один из часто встречающихся лермонтовских сюжетов: лирический герой жалуется, что умирает, а возлюбленная не приходит к нему. Может быть, он навестит ее «оттуда» в ее счастливой жизни с новым возлюбленным и смутит ее радость своей призрачной тенью? Та же тема прослеживается в стихотворениях «Гость» и «Любовь мертвеца». Любовь последнего дышит ревностью, и сила этого, казалось бы, ирреального чувства заставляет ужасаться: «Я перенес земные страсти туда с собой... Желая, плачу и ревную, как в старину...» («Любовь мертвеца»). Это смакование ужасов? Нет, это — гимн подлинному, глубокому, истинному чувству, перед которым бессильна даже смерть. Смерть и любовь связаны роковой цепью («Демон», «Маскарад», «Герой нашего времени», «Тамара» и т. д.). С неба душа смотрит на землю и знает все. Если жизнь абсурдна во всем, то надо придумать, как преодолеть страх. Тогда бунт и борьба против абсурда и будут этим искомым смыслом. Лермонтов не боится смерти, просто боится не успеть сделать все то, что хотелось в жизни. Данная тема неразрывно связана у поэта с религиозными воззрениями и верой в бессмертие души, несмотря на боль и страдания человека при жизни.

Еще одной темой, неотступно сопровождающей эволюцию лермонтовских нравственно-философских исканий, были отношения человека с Богом. Некоторые лермонтоведы (деятельность которых приходилась в основном на советский период) считают, что богоборческие мотивы в поэзии Лермонтова свидетельствуют о его неприятии религии. Нам кажется, что взгляды поэта по данному вопросу претерпевали изменения на протяжении всей его короткой жизни. В раннем творчестве религиозность, несомненно, присутствовала, так стихотворец был воспитан. Поэт признает Бога и даже просит защиты — лермонтовский герой говорит с Творцом на равных. Лермонтов, отстаивая исключительное право человека на свободу мысли и поступков, призывает Бога к ответу, возводит человека на пьедестал Бога (богочеловек), а Бога приравнивает к человеку, требует ответа за зло, допущенное им, бунтует и не надеется на него. Многие считают такое видение «мостиком» от религиозности к атеизму, однако это не так. Лермонтов на протяжении всей своей жизни был глубоко верующим человеком, воспитанным в канонах православия. Эта тема интересна и является еще одной «тайной» Лермонтова, требующей дополнительных исследований, но стоит подчеркнуть, что Лермонтов никогда не отрицал Бога, он лишь возвышал человека как уникальное существо, давая ему возможность стать с Творцом рядом, чтобы ответить на мучающие вопросы и изменить себя и мир к лучшему. Сам факт такого спора Бога и человека подтверждает наличие в лермонтовской концепции религиозности.

В раннем творчестве четко просматривается признание поэтом Бога: с детства соприкасаясь с религиозным образом жизни в доме бабушки, поэт говорит о Боге как о «Создателе мира» («Кладбище») или «Творце природы» (ранний «Демон»). Бог представлен «всесильным», он может, но не хочет «благословлять» человека («Княгиня Лиговская»). Тем не менее величие человека сродни величию Бога, поскольку человек создан по его образу и подобию. Поэт беседует с Богом, даже ставит условия, не страшась Божьей кары.

...Мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь.
(«Молитва»)

Это одновременно и покаяние, и ропот, но уже — трагическое противостояние Богу [1].

Вопросы религии в 20–30-е гг. XIX в. органически были связаны с вопросами общественного бытия, проблемой морали. Нищета крепостной России, беды и несчастья людей разрушали представления о благодати Божьей. Герои Лермонтова вопрошают Бога: «Почему так, а не иначе устроен мир?» Ангел выступает против Бога («Демон»): его мечты о приобщении к добру, единении с миром заканчиваются трагично, что свидетельствует о несовершенстве мироздания. Гибнет Тамара, и вина адресована Богу. Жестоким обвинением творцу Вселенной служит им же созданная Земля, где «преступленья лишь да казни». Демон наказан за бунт, Бог своим страшным проклятием опустошил его душу, превратив в орудие зла. Поэт и оправдывается перед Богом, и одновременно обвиняет его. Его «с небом гордая вражда» связана с неприятием этого мира.

...Есть рай небесный! звезды говорят;
Но где же? вот вопрос — и в нем-то яд...
(«Я видел тень блаженства...»)

В. А. Архипов утверждает, что к драматическому пониманию несправедливости мироустройства и отражению этой несправедливости в религии Лермонтов пришел не умозрительно, он заплатил за это кровью своего любящего сердца, его Бог — отражение земных противоречий [1]. «Я, Боже, не тебе молюсь», — одна из лермонтовских граней позиции человека, борющегося за счастье не на небе, а на земле, ведь величие Человека в его праве на свободу. Ни один поэт до Лермонтова так смело не поднимал вопросы взаимоотношений личного и сакрального, диалога человеческой души с Богом.

Особый подход Лермонтова к человеку проявляется в описании его повседневной жизни. «Просить он неба не желал», — поэт надеется только на себя. «Какая изумительная философия и поэзия! Какой человек! — восхищается В. А. Архипов. — Непобедимая судьба не покоряет человека, а лишь “бунтует” его! — это гимн человеку, это могучий взлет лермонтовской мысли к недосягаемым вершинам человеческого» [1, 145].

Но если человек может на равных общаться с Богом, то каковы границы его свободы, и когда свобода грозит перейти во вседозволенность? В своих стихах Лермонтов настойчиво ищет ответ на этот вопрос. Человек свободен в своих поступках, и для Лермонтова личное, сознательное, разумное в человеке составляло «лучший цвет» его жизни», — говорит В. П. Трушкин [10, 96].

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой —
Далекий путь...

(«Мой дом»)

Экзистенциальное понимание свободы Лермонтовым наиболее емко выразил А. Любинский в своей работе «На перекрестье»: «Лермонтов постоянно занят анализом ситуации выхода рефлексирующего индивида за рамки общепринятой морали. И действительно, если нет абсолютной истины, если мораль — условна, то в какой ситуации оказывается обретшая неограниченную свободу воля?.. Пограничность ситуации в том и заключается, что демон рефлексии мечется между несвободой человеческого бытия и абсолютной божественной свободой» [5, 119].

В произведениях Лермонтова герои испытывают постоянные страдания, их воля сломлена, гибель становится неизбежной (драмы «Люди и страсти», «Странный человек», «Два брата»). Лермонтовские герои с возвышенными чувствами, любящим сердцем погибают, автор делает вывод, что в их трагедиях виновато окружение, в котором человек просто не может выжить, он не имеет возможности свободно вершить свою судьбу из-за роковой череды обстоятельств и несовершенства общественных отношений.

С одной стороны, ценя свободу превыше всего, Печорин жестоко относится к людям, находя удовольствие в том, чтобы наблюдать за результатами своих экспериментов над человеческими чувствами и эмоциями. Н. К. Михайловский отмечает, что «Печорин сам говорит о жажде власти, и первое его удовольствие — подчинить себе все, что его окружает: преданность, любовь, а возбуждать страх — это торжество власти» [7, 268]. Не видя смысла существования, Печорин давно живет «не сердцем, а головою». Слабость и самолюбие толкают его на обман и предательство. Преступления не дают ему длительного удовлетворения, да и вину герой не чувствует, просто кратковременную тяжесть, как «камень на груди». От скуки он развернул свой эксперимент над Грушницким, стремясь поставить его в крайне сложное в моральном отношении положение. Печорин разработал целую дуэльную программу, чтобы самому не погибнуть и вселить страх в своего соперника во время поединка.

Лермонтов показывает, что страдания и преступления, продиктованные вседозволенностью, происходят от разочарований и чувства тотального одиночества, присущего человеческой экзистенции изначально. Человек приходит в этот мир одиноким и один уходит в час прощания с жизнью. У него может быть много родных, друзей, но уверенность в собственной исключительности, заброшенности в этот мир и неизбежной конечности бытия, полного одиночества способна довести до отчаяния. «Выхожу один я на дорогу», — проявление созерцательного спокойствия и гармонии с миром, но также и светлой, мудрой печали.

Что же таит в себе внутренний мир человека? По мнению Б. М. Эйхенбаума, в романе Лермонтова «Герой нашего времени» идейным и сюжетным центром служит не внешняя биография героя, а именно личность человека — его душевная и умственная жизнь, взятая изнутри как процесс [15]. Заявив, что «жизнь скучна, когда боренья нет», — поэт дал понять, что его идеалы основаны на активном

вторжении во внутреннюю жизнь человека. Это означало борьбу внутреннюю («самость»), борьбу сил добра и зла внутри человека [8, 64].

...Мои дела
Немного пользы вам узнать;
А душу можно ль рассказать?
(«Мцыри»)

А. Л. Рубанович, определяя психологию творчества Лермонтова, подчеркнул необходимое условие его поэтического состояния — когда «и ум, и сердце полны», когда «душе от чувств высоких станет тесно», когда «страсти юные и вдохновение» охватят дух, и «на мысли, дышащие силой, как жемчуг нижутся слова» [9, 55].

Внутреннее беспокойство, ощущение необходимости непрерывного анализа своих чувств свойственно многим героям произведений Лермонтова («Демон», «Мцыри», «Герой нашего времени», «Люди и страсти» и др.). Е. М. Пульхритудова отмечает: «Философская картина мира проявляется через внутреннюю жизнь героя: столкновение противоположных начал, чувств, страстей, мыслей» [8, 60].

Лермонтова интересует дисгармония, как результат взаимодействия «внешнего и внутреннего человека», расчлененность чувств, которая выражается в одновременности стремления как к истинной, чистой любви и верности, так и к страданию, ненависти, печали.

Духовный трагический разлад ведет к рефлексии и самоанализу. По наблюдению Чернышевского, Лермонтов «берет определенное... чувство и разлагает его на... части, — дает нам... аналитическую таблицу с переходом одного чувства в другое...» [12, 50]. Лермонтова интересуют таинственная сфера смутных ощущений, подсознательных психических процессов. Так, Печорин говорит: «Я чувствую, что мы когда-нибудь с ним [Грушницким] столкнемся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать». Или: «Как быть, у меня предчувствие» и т. п. [11, 81]. В. Г. Белинский отмечал: «Если человек чувствует хоть сколько-нибудь свое родство с человечеством... он не может быть чужд рефлексии» [2, 236].

Проблемы, рассмотренные М. Ю. Лермонтовым в его произведениях, актуальны и в наше время. Обращение к поэзии этого великого художника, системный анализ новых аспектов его творчества, и экзистенциальных в том числе, обусловлены не только формальной причиной прошедшего юбилея.

Лермонтов сумел соединить в своем творчестве обостренное чувство правды и мучительные поиски нравственного идеала. Достоинство, независимость, гуманизм, нравственная чистота и справедливость — эти качества личности представлялись ему самыми ценными. «Я жить хочу! Хочу любить!..» — говорит своему читателю поэт («1831, июня, 11 дня»). И. И. Виноградов утверждал, что история души человеческой, созданная Лермонтовым, — не просто исторический источник. «Шедевры, как известно, не умирают... если роман или повесть, написанные сто, двести, триста лет назад, читаются и сейчас с живейшим интересом и сердечным волнением, — значит, есть в них нечто такое, что не ушло в прошлое с историей, значит, какой-то стороной своей отшумевшей жизни они живут

и сегодня, участвуют в сегодняшних наших спорах и поисках...» [3, 641]. Вот почему и М. Ю. Лермонтов, и созданные им образы — «герои нашего времени».

1. *Архипов В. А.* Духовная драма Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М., 1965. С. 155–200.
2. *Белинский В. Г.* Статьи и рецензии (1834–1841) : в 3 т. / ред. Ф. М. Головенченко. М., 1948. Т. 1. 800 с.
3. *Виноградов И. И.* Философский роман Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб., 2002. С. 634–657.
4. *Винокуров Е.* Аргументы о Лермонтове. М., 1984. 37 с.
5. *Любинский А.* На перекрестье. СПб., 2007. С. 114–126.
6. *Максимов Д. Е.* Проблематика и символика поэмы Лермонтова «Мцыри» // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб., 2002. С. 666–693.
7. *Михайловский Н. К.* Герой безвременья // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб., 2002. С. 265–294.
8. *Пульхритудова Е. М.* «Демон» как философская поэма // Творчество М. Ю. Лермонтова. 150 лет со дня рождения (1814–1964) : сб. ст. / ред. У. Р. Фохт. М., 1964. 76 с.
9. *Рубанович А. Л.* Эстетические идеалы М. Ю. Лермонтова. Иркутск, 1968. 202 с.
10. *Трушкин В. П.* Проблемы мировоззрения и мастерства М. Ю. Лермонтова. Иркутск, 1973. 115 с.
11. *Удодов Б. Т.* Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М., 1989. 192 с.
12. *Ульяшов П. С.* Загадка гения (М. Ю. Лермонтов). М., 1989. 64 с.
13. *Уразаева Т. Т.* Философско-эстетические проблемы художественного развития М. Ю. Лермонтова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1995. 34 с.
14. *Чернышевский Н. Г.* Статьи о литературе. М., 1980. 80 с.
15. *Эйхенбаум Б. М.* Лермонтов как историко-литературная проблема // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб., 2002. С. 475–505.

Статья поступила в редакцию 11.12.2016 г.

УДК 76.01 + 7.04 + 7.01

Т. М. Степанова
А. В. Степанов

ИКОНИКА: ЗАКОНЫ КОМПОЗИЦИИ

В статье предлагается новый аспект рассмотрения законов визуально-образного продуктивного моделирования и выделяются естественные и предписывающие законы композиции, а также обозначается ряд понятий, дополняющих известные в теории визуального творчества законы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иконика; естественные и предписывающие законы композиции; аттрактивность; структурная равновесность; разнообразие и новизна.

Позиционируя иконнику как учебную дисциплину интегрирующего (методологического, методического, технологического) характера [7], ведущим принципом формирования содержания текста статьи мы определяем педагогический *принцип научности*. С принципом научности связана основная проблема статьи, которая заключается в том, что научный подход не в полной мере отражен в теории композиции, связанной с обучением изобразительной деятельности в области искусства, архитектуры, дизайна, визуальной составляющей инженерного творчества (в нашей трактовке — с иконикой как системой визуально-образного продуктивного моделирования). Данный принцип особенно важен для соблюдения логики и языка изучаемой иконики как явления научного характера; изложения основ теории иконики и ее базовых понятий в максимально возможном приближении к уровню современного понимания изучаемых вопросов; использования объектов иконики в развитии, диалектике, сущностном и целостном рассмотрении. Педагогическая составляющая в рассмотрении вопросов композиции для иконики играет ведущую роль, так как в ней присутствует необходимость раскрытия первичных, изначальных (примордиальных) идей, векторов, структурно-содержательных подходов и целей формирования объектов окружающего мира в творческих актах и процессах. Педагогическая направленность является начальной точкой отчета, способствующей приобщению субъекта обучения к когнитивным ценностям в интегральном, «глобальном образе» [9].

Исходя из этих установок, авторы предлагают *иконический подход* к рассмотрению такого сложного и многоаспектного понятия системы визуально-образного продуктивного моделирования, как *законы композиции*.

Чтобы дать представление о степени разработанности данного вопроса, сошлемся на трактовку *законов композиции* академиком Е. А. Кибриком [4, 105–110].

СТЕПАНОВА Татьяна Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: S49@list.ru).

СТЕПАНОВ Александр Владимирович — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дизайна интерьера Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: S49@list.ru).

© Степанова Т. М., Степанов А. В., 2017

Первым законом композиции Кибрик определяет закон цельности, главной чертой которого является неделимость композиции, т. е. создание центра внимания и подчинения ему всего второстепенного. В рамки закона цельности Кибрик включает понятие неповторимости элементов композиции, утверждая, что в композиции ничто не должно повторяться: ни величины, ни пятна, ни интервалы («паузы»), ни типы, ни жесты.

Следующим законом композиции Кибрик считает *закон типизации*. Этот закон характеризуется следующими чертами: типичностью характеров и типичностью обстоятельств, в которых развивается действие композиции; передачей в одном кульминационном движении предыдущего и последующего состояний; неожиданностью впервые созданного образа, т. е. наличием новизны.

Еще один закон композиции, выделяемый Кибриком, — *закон контрастов*, как сочетания противоположного в зрительном восприятии (контрасты величин, построения сюжета — положений, психологических состояний, жестов и др.). Особо Кибрик подчеркивает универсальность контрастов в композиции — от идеи до построения сюжета.

Завершает систему законов композиции у Кибрика *закон подчиненности всех закономерностей и средств композиции идейному замыслу*, который требует подчинения всех компонентов произведения идейному замыслу и содержанию [4, 105–110].

Если кратко перечислить другие версии законов композиции, встречающиеся в разных исследованиях, то наряду с определениями, в чем-то аналогичными формулировкам Кибрика, можно найти и другие: закон жизненности, закон воздействия, закон равновесия (уравновешенности), закон воздействия «рамы» на композицию изображения на плоскости и т. д.

В целом степень теоретической разработанности законов композиции следует, на наш взгляд, охарактеризовать как находящуюся в стадии «погружения в проблему» и «поиска базовых идей», что тем не менее не дает оснований отрицать отдельные выявленные и оформленные в понятия элементы темы [15, 65–116]. Это позволяет продолжить работу над теорией законов композиции, используя позитивные аспекты уже разработанного исследовательского материала.

Отсюда вытекает проблематика статьи, которая направлена как на обобщение предыдущих теоретических положений по теме законы композиции, так и выявление новых аспектов темы, систематизацию материала в целом.

Если начинать с новых аспектов темы, то в первую очередь следует обозначить, что мы понимаем под определениями *композиция* и *закон* в рамках теории визуально-моделирующей продуктивной образной деятельности (иконики).

Композиция (от лат. *compositio* — сочинение, составление, соединение, связь) в переводе буквально означает «расположение». Данные и другие смыслы термина «композиция» в рамках так называемого изобразительного искусства применимы как во всех встречающихся значениях, так и отдельно взятых. Наиболее активно проявляющими себя в композиционной деятельности художника стали понятия «сочинение», «составление», «построение». Так, в изобразительном искусстве принято под композицией в самом общем виде понимать построение произведения

с ориентацией на соотношение отдельных частей в рамках единого целого [10, 145–154, 163–165].

В подтверждении этого сошлемся на Большую советскую энциклопедию, где композиция рассматривается как «...построение художественного произведения, обусловленное его содержанием, характером и назначением и во многом определяющее его восприятие.

Композиция — важнейший, организующий компонент художественной формы, придающий произведению единство и цельность, соподчиняющий его элементы друг другу и целому. Законы композиции, складывающиеся в процессе художественной практики, эстетического познания действительности, служат в той или иной мере отражением и обобщением объективных закономерностей и взаимосвязей явлений реального мира. Эти закономерности и взаимосвязи проявляются в художественно претворенном виде. Причем степень и характер их претворения и обобщения связаны с видом искусства, идеей и материалом произведения и др.

В пластических искусствах композиция объединяет частные моменты построения художественной формы (реальное или иллюзорное формирование пространства и объема, симметрия и асимметрия, масштаб, ритм и пропорции, нюанс и контраст, перспектива, группировка, цветовое решение и т. д.). Композиция организует как внутреннее построение произведения, так и соотношение с окружающей средой и зрителем» [15, 6–7].

Учитывая энциклопедическую трактовку, мы при определении понятия *композиция* будем также опираться на известную дефиницию Н. Н. Волкова: «Композиция произведения искусства есть замкнутая структура с фиксированными элементами, связанная единством смысла» [14, 192]. Данное определение подчеркивает целостный результирующий целевой смысл композиции и одновременно не исключает видение ее как деятельностного процесса.

Акцентирование структурно-содержательного аспекта композиции имеет ключевое значение для иконического подхода к ее законам, так как позволяет видеть в качестве ориентира достаточно отчетливо выраженный и конфигурированный объект — *целостную композиционную структуру*. Это дает возможность связывать с композиционной структурой понятие «закон» также в отчетливой форме, а именно: закон — это есть *данное понятие*.

Установление отчетливой конфигурации понятия закона применительно к *иконике*, а конкретно — к *композиции* есть необходимое условие для формирования научного взгляда на законы композиции.

Если обратиться к философской мысли, целостно рассматривающей понятие закона, то мы можем выделить следующие актуальные для законов композиции аспекты. Во-первых, в системе естественно-научных взглядов на функционирование законов закон является в поле причинно-следственных связей всегда именно *причиной*. Явления происходят не вследствие того, что их вызывает тот или иной закон, они не вызываются законом, а конфигурируются как следствие соответствующих законов [10, 270–273]. Человек, как звено естественного процесса, сам подчинен естественным законам, которые для него являются неизменяемыми

факторами. Человек ничего изменить в данном случае не может, а способен лишь внутри известных границ знания природы подчинить себе природную закономерность, создать условия, при которых в соответствии с тем или иным естественным законом следует определенное явление [6, 162].

Если данное философское положение экстраполировать в область иконоки (которая теоретически представляет совокупное визуально-образное продуктивное моделирование), то можно сделать вывод о существовании в композиционной деятельности и ее продукте факторного отражения определенных естественно проявляющих себя законов, которые находят выход абсолютно во всех композиционных объектах.

Этот вывод имеет существенное значение для выявления *органических законов композиции*, которые являются непреложными для каждого произведения визуально-образного моделирующего творчества. То есть в данном случае мы встречаемся с научным законом как знанием, имеющим свое основание в природе.

Еще один аспект функционирования понятия «закон» надо связать с эмпирическим опытом человека, в том числе и в области визуально-образного моделирования [11, 252–273]. Эмпирические законы, исходящие из процессов приобретения того или иного опыта, имеют также существенное значение, так как выявляются и реализуются при определенных условиях и в результате воздействия конкретных предпосылок. Относительность значения подобных законов определяется значимостью, актуальностью и аксиологией того вида продуктивной деятельности, в рамках которого эти законы формируются и предписываются.

В иконике как продуктивной деятельности человека законы подобного рода имеют значение в силу того, что действуют они в социально значимых процессах, сферах деятельности — искусстве, дизайне, архитектуре, инженерии.

Таким образом, можно выделить и разграничить два типа законов композиции:

- 1) *законы естественные*, проявляющиеся органично, природно-факторно, определяющие композиционные процессы и результаты в том или ином продукте;
- 2) *законы предписывающие*, связанные с эмпирикой, конкретикой деятельности процессов в сфере визуально-образного продуктивного моделирования, детерминирующие и обусловленные социальными факторами — нормативной потребностью и установками, спецификой вида (жанра) продуктивной деятельности и др.

Терминологически можно обозначить их как *органические законы композиции* и *предписывающие законы композиции*.

Включение в систему композиционных понятий субъекта обучения иконике данных двух типологизированных законосообразных факторов даст возможность познания и освоения закономерностей объективного композиционного формообразования. Это, безусловно, расширит целостное творческое сознание субъекта, не только включит его в общеэстетическую и продуктивно-образную деятельность, но и раскроет гносеологические перспективы освоения действительности.

Если обратиться к выявлению конкретных *органических законов композиции*, то здесь следует пояснить, что проблема эта чрезвычайно сложна и не получила на данный момент своего теоретического осмысления и раскрытия. Поэтому наши

предложения в определенной степени носят гипотетический характер, который тем не менее основан на усмотрениях, связанных с наблюдением, изучением и анализом как практических форм результатов композиционной деятельности, так и теоретических положений.

На наш взгляд, прежде всего к органическим композиционным законам следует отнести те, которые проявляют себя в таких известных науке понятиях, как *аттрактивность, новизна, разнообразие, фрагментаризация (рамочность), структурирование, равновесность, целостность*. Уже одно только перечисление этих понятий дает представление о сложности задач выявления и тем более обоснования органических композиционных законов. Предложенный нами ряд понятий в той или иной степени фигурировал или нашел отражение в существующих научных, методологических, технологических текстах и практике визуально-образной моделирующей деятельности, что дает основания рассматривать их как возможно объективные категории.

Аттрактивность как понятие, несмотря на свое широкое применение в научной теории (синергетике), не нашла своего адекватного отражения в теории визуальной композиции. Между тем в истории существуют факты, прямо указывающие на огромное, определяющее значение аттрактивности именно как базовой композиционной категории. Сошлемся, например, на позицию выдающегося кинорежиссера С. Эйзенштейна, который определял структурно-содержательную основу кинофильма и театрального действия как «монтаж аттракционов» [16, 269–272].

Аттрактивность (притягательность) вообще является сущностной категорией любого вида искусства, а также фактором, определяющим коммуникативное взаимодействие автора (художника) и объекта (окружающая действительность — природа, объекты культуры, люди и др.), художественного текста и зрителя.

Например, художник, пишущий пейзажи (портреты и т. д.), вначале ищет в природе притягательный (аттрактивный) мотив, который образно моделирует и интерпретирует, а затем этой информацией аттрактивно «заражает» зрителя. Представить произведение искусства, не обладающее аттрактивными качествами, невозможно, так как это противоречит задачам искусства — быть притягательным, оказывать эмоциональное воздействие, вызывать интерес и т. д.

Сущностно присутствующая в произведениях искусства аттракция дает основания для формулирования *композиционного закона аттрактивности*. Этому закону подчиняются все композиционные объекты и процессы, что позволяет рассматривать аттрактивность как закон композиции. Добавим, что аттрактивность в соотношении с целью и содержанием произведения может носить самый разный характер — позитивный, негативный, гармоничный, дисгармоничный и т. д. и т. п.

Следующим понятием, которое имеет основания претендовать на статус закона композиции, может быть так называемая «рамочность композиции». Данное понятие еще формулируют как «знак воздействия рамы на композицию» и т. п.

Этот закон связан с объективно существующей реальностью определенных взаимосвязей текста произведения и его ограничения какими-либо пределами — жанровыми, форматными, пространственными, временными и др.

В искусстве (как области виртуального вообще, т. е. существующего при определенных условиях) эта «ограниченность» текста произведения связана с пространственными понятиями (рама, плоскость, объем).

Двухмерность (живопись, графика) и трехмерность (скульптура, архитектура) композиции «ограничивают» текст произведения визуального искусства, выполняя роль «объекта» (аналога понятия «объект» в науке). А функцию «предмета» (также аналога) выполняет рама (в живописи, графике) или конфигурация объемной формы (в скульптуре). Рама «предметно ограничивает» материал визуальной композиции, позволяет видеть его в необходимой выделенности, которая сама по себе является фрагментом пространственно-временного континуума. То, что данная «рамочность» как предметная выделенность — это закон композиции, подтверждается наличием такой характеристики в любой композиционной форме.

В свое время французский художник Ф. Леже высказался, что современная композиция тяготеет к фрагменту, постулировав в одной из своих лекций: «Прогресс пойдет в направлении персонификации увеличенной детали, индивидуализации фрагмента» [3, 39]. И тем самым подтвердил наличие важной характеристики не только современной композиции, но и композиции вообще — ее *фрагментарности*.

Если терминологически обозначить закономерную обязательность выделения композиционного текста «рамой», то можно назвать данный закон композиции *законом рамочного фрагментирования*. В пользу того, что этот закон композиции является объективным, свидетельствует также его аналогия с научным понятием объекта-предмета. В композиции рама выполняет функцию предметного ограничения, что подтверждает еще и гносеологическую направленность визуальной композиции.

Одна из константных характеристик, присутствующая во всех произведениях визуального творчества (изобразительного искусства и др.) и обусловленная органикой образного моделирования, — это *равновесность* (равновесие, уравновешенность) окончательно сформированной любой композиционной структуры. Стремление к равновесности композиционная структура проявляет на уровне безусловного органически выраженного норматива, отсутствие равновесности в композиционном продукте свидетельствует о незавершенности как процесса образного моделирования, так и самого продукта (произведения) [1, 45–48].

Композиционная структура может быть наполнена самыми разными формообразующими характеристиками — симметрией, асимметрией, статикой, динамикой, моноцентричностью, полицентричностью, центробежностью, центростремительностью, контрастностью, нюансированностью и т. д. Но то самое «завершающее мгновение», зафиксированное в окончательном композиционном результате, должно давать визуальное восприятие композиции как структуры, находящейся в равновесном состоянии.

Ни одна из завершенных композиций, известных в истории искусства, не лишена этой характеристики, что свидетельствует о том, что мы имеем дело с неким органично проявляющим себя законом композиции. Логичнее всего дать ему наименование *закон композиционной структурной равновесности*, или *закон*

равновесности композиционной структуры; если в кратком варианте, то *закон равновесности*. Легко заметить сходство проявления равновесности в образной визуальной структуре с раскрытым в теории синергетики процессом движения материальной субстанции к состоянию структурной равновесности [1, 11, 12].

Объяснением данному, закономерно проявляющему себя стремлению формы к равновесному состоянию может быть наличие в мире гравитационного поля, его воздействие на находящиеся внутри него объекты. Что также отражается и в визуальных моделях — образных, технических и др. Любое выведение структуры из зоны психологически воспринимаемого визуального равновесия дает нам сигнал о незавершенности процесса композиционного формообразования, требует установления именно *равновесности*. И это, безусловно, является органически выраженным композиционным законом.

В статусе закона композиции есть основания позиционировать также *закон структурирования компонентов визуального образа*. Еще философы древности (Демокрит и др.) теоретически усматривали существование неких первоэлементов мироздания, обладающих неделимостью как основной сущностной характеристикой (у Демокрита — это атомы). Отсюда предполагается, что весь процесс «мирообразования» есть система непрерывных процессов пространственно-временных «материализованных структурообразований из неделимых первоэлементов» — объектов окружающего мира, включая также и самого человека.

Композиция является отчетливо выраженным структурообразующим процессом, а также реализацией этих процессов в том или ином объекте. Отсюда естественно усмотреть, что композиционное структурирование — это непреложный закон естественного формообразования, т. е. формообразования, обусловленного движением элементов к состоянию структурной упорядоченности, устойчивости, что закономерно связано с завершенностью, целостностью структуры [10, 91, 148, 227]. Поэтому данный закон композиции, характеризуемый вектором структурной целостности (под которым подразумевается структурно-содержательный образ целостности), можно обозначить как *закон структурно-содержательной целостности композиции*.

Аналоговое понимание этого закона композиции мы встречаем у Кибрика (закон цельности), а также подобные (аналоговые) процессы отражены в теории синергии как движение материальной субстанции к состоянию структурной равновесности [12].

К естественным, органичным законам композиции, бесспорно, надо отнести такие явления, как *разнообразие* и *новизна*, которые характеризуют все сколь угодно значимые произведения. Новизна уже фигурирует в перечне понятий, которые исследователи относят именно к законам композиции. Трудно вообще представить интересное и художественно ценное произведение без такой характеристики (качества), как новизна. Также и разнообразие — это неперменный атрибут любого представляющего творчество объекта (произведения). Выделение данных законов — новизны и разнообразия — дает возможность более глубокого видения окружающего мира в его философской и визуально-образной модальностях [8].

В то же время следует учитывать, что самодовлеющее следование законам новизны, разнообразия (как, впрочем, и другим композиционным законам) не решает проблемы содержательности и качества композиционного продукта, поэтому все должно быть подчинено системному подходу ко всем законам композиции, их взаимодействию. Следовательно, и сам системный подход может претендовать на роль композиционного закона.

К естественным законам, отражающимся в композиционных структурах, следует отнести и объективные законы восприятия человеком окружающей действительности: законы перспективы, законы контрастов, законы цветового восприятия пространства (теплохолодность, плановость, воздушная перспектива и др.) [1, 52, 53, 70].

Все естественные законы в том или ином комбинаторном сочетании входят в композиционный продукт (и процессы), а также взаимодействуют друг с другом. Например, закон контрастов определяет аттрактивность композиции (здесь вспомним Леонардо с его общеизвестным советом, как сделать картину выразительной: необходимо рядом «с человеком высоким и в атласной одежде поставить маленького человека и в бархатной одежде»).

Наряду с естественными законами композиции в реальной образно-моделирующей деятельности проявляют себя законы, которые обусловлены теми или иными нормативными категориями, законы, предписывающие и устанавливающие определенные правила при формировании (создании) композиционного продукта.

Выделение подобных законов в отдельный тип композиционных законов — это необходимое для понимания сущности и особенности композиции условие. Существование законов данного типа связано с функционированием стилевых подходов разного рода — определяемых или *историческим стилем* (готическим, ренессансным, барочным, рококо, классицизмом, модерном и др.), или *стилем индивидуальным* (авторским).

В первом случае (в рамках того или иного исторического стиля) предписывающие законы проявляют себя нормативно в самых разных аспектах. Например, закон единства места и времени действия, связанный с эпохой классицизма; закон пространственно-семиотических отношений, который исследователь С. М. Даниэль относит к *универсалиям* живописной композиции и формулирует как «регулярное поле изображения» [2, 13]; закон использования в композиции S-образной линии [13]; законы вписывания компонентов композиции в геометрические фигуры (треугольник, круг и т. д.); законы освещенности и т. д.

Предписывающие законы могут, как упоминалось, проявлять себя не только в исторических стилях, но и в так называемых стилях современных и индивидуальных (авторских). Характерны такие примеры: художники группы «Де стейл» (Мондриан и др.) исключили из своих композиций диагональ, ограничившись вертикалью и горизонталью; Ренуар узаконил для себя следование изображению только позитивных, оптимистических мотивов [5] и т. д. и т. п.

Вообще функционирование предписывающих законов композиции — это область эмпирическая, обширная, исторически и ситуационно складывающаяся, динамичная и разнообразная, проявляющая себя и в творческой,

и в образовательной сферах деятельности человека в виде тех или иных нормативных установок.

В заключение представим изложенные нами взгляды на законы композиции в виде следующих тезисов:

1. Фигурирующие в теории композиции *законы* и само понятие *законы композиции* требуют дальнейшего теоретического научного рассмотрения.

2. Нами предлагается выделение двух типов законов композиции: *законы естественные* и *законы предписывающие*.

3. Предлагаемое видовое наполнение естественных (законы аттрактивности, рамочности, равновесности, структурно-содержательной целостности, разнообразия и новизны и др.) и предписывающих (стилесобразных, авторских) законов может быть расширено в процессе дальнейшего исследования.

4. Материал статьи направлен на формирование методологического знания в рамках иконика как интегральной метадисциплины и адресован архитекторам, дизайнерам, художникам, инженерам, педагогам, работающим в области визуального творчества, а также обучающимся в данных сферах.

-
1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие : пер. с англ. М., 2007. 392 с. : ил.
 2. Даниэль С. М. Картина классической эпохи: Проблема композиции в западноевропейской живописи XVII века. Л., 1986. 99 с. : ил.
 3. Диль Г. Фернан Леже / пер. с франц. А. Гудименко. Будапешт, 1985. 96 с. : ил.
 4. Кибрик Е. А. Объективные законы композиции в изобразительном искусстве // Вопр. философии. 1966. № 10. С. 105–110.
 5. Перрюшо А. Жизнь Ренуара. М., 2013. 416 с. : ил.
 6. Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. проф. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. 864 с.
 7. Степанов А. В., Степанова Т. М. Иконика: проектная концепция новой, интегральной дисциплины // Альманах современной науки и образования (Тамбов). 2013. № 12 (79). С. 160–164.
 8. Степанов А. В., Степанова Т. М. Иконика. Мотивирующие факторы иконической деятельности: собирательство, разнообразие, новизна // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141) С. 125–134.
 9. Федоров В. А., Степанов А. В., Степанова Т. М. Глобальный дизайн: профессионально-педагогическая перспектива... // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 1 (44). С. 86–91.
 10. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева). М., 2000. 446 с.
 11. Флоренский П. А. Иконостаc : избр. тр. по искусству. СПб., 1993. 336 с.
 12. Хакен Г. Синергетика: Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985. 423 с.
 13. Хогарт У. Анализ красоты. Л., 1987. 256 с.
 14. Художественно-педагогический словарь / сост. Н. К. Шабанов и др. М., 2005. 480 с.
 15. Шорохов Е. В. Основы композиции : учеб. пособие для студентов пед. институтов. М., 1979. 303 с.
 16. Эйзенштейн С. М. Избранные произведения : в 6 т. / редкол.: П. А. Аташев и др. М., 1964. Т. 2. 566 с.

**МЕТОДИКА СБОРА МАТЕРИАЛА ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ
НАСЛЕДИЮ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРИТОМЬЯ:
КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XXI в. ***

В статье проанализирована методика формирования музейных собраний по историко-культурному наследию коренных малочисленных народов Притомья. На основе собранных автором статьи данных впервые выявлены маршруты экспедиционных сборов, исследована история формирования музейных собраний по культуре шорцев и телеутов в более чем двадцати музеях России: Санкт-Петербурга, Томска, Омска, Новосибирска, городов Кузбасса. Раскрываются причины активности и спада собирательской деятельности в различные хронологические периоды — с конца XIX по начало XXI в. Определены методы формирования музейных собраний в различные исторические периоды — с конца XIX в. до современности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: музей; коллекция; собрание; традиционная культура; художественное наследие.

Художественное наследие коренных народов Притомья имеет тесную связь с декоративно-прикладным народным искусством, его специфика заключается в особой семантике предметов художественного наследия, аккумулирующих в себе единство материального и нематериального (см. об этом: [19]). В настоящем исследовании впервые обосновывается методика сбора материала по историко-культурному наследию коренных малочисленных народов Притомья в музеях России.

В условиях проникновения иных культурных традиций, связанных с заселением Сибири русскими и формированием новых социально-экономических условий, объекты, характеризующие особенности художественного наследия, в последние три четверти XX в. практически перестают воспроизводиться в естественной среде бытования, а с середины XX в. уже считаются руинированными или полностью утраченными. Подобные предметы, отражающие культуру коренных тюркоязычных народов Притомья, в музейных собраниях, сформированных с конца XIX до середины XX в., могут быть отнесены к уникамам, которые в современном музееведении являются единственными в своем роде «объектами культурного... наследия, отличающимися своеобразием и неповторимостью, особой художественной, научной, исторической ценностью... к уникамам относят также сохранившиеся в единственном экземпляре предметы, отражающие типичное явление» [19]. Объекты культурного наследия коренных народов Притомья, отвечающие данным критериям, находятся в ряде музейных собраний страны, в том числе

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-11-42003.

в крупнейших музеях Европейской России. По этой причине рассматриваемое историко-культурное наследие следует признать рассредоточенным, что затрудняет его комплексное изучение.

Автором статьи в течение более чем двадцати лет обследованы музейные собрания двадцати пяти музеев страны: Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), Российского этнографического музея, Омского историко-краеведческого музея, Томского областного краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Томского государственного университета, Горноалтайского краеведческого музея им. А. В. Анохина, Алтайского государственного краеведческого музея, Новосибирского государственного краеведческого музея, Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), Омского краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Омского государственного университета, музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета, Музея этнографии и природы Горной Шории г. Таштагол, краеведческих музеев Кемеровской области — Новокузнецкого, Кемеровского, Междуреченского, Гурьевского, Историко-этнографического музея «Чолкой» с. Беково Беловского района и музеев под открытым небом — экомузея «Тазгол», этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» и музея-заповедника «Томская Писаница». Эти собрания включают коллекции, фотоархивы и письменные архивы.

Исследовались не только сами предметы, но и история их комплектования, начиная с конца XIX в. Можно считать, что с этого времени положено основание формированию методики сбора музейных собраний. Под музейным собранием понимается «совокупность музейных предметов, их коллекций и научно-вспомогательных материалов» [19]. К последним относятся этнографические описания, полевые записи исследователей, выполненные ими зарисовки и фотоматериалы. Таким образом, исторически было предопределено применение методов экспедиционных сборов, наблюдения, опроса, фиксации в виде описания и зарисовок. С первой четверти XX в. активно начинает применяться метод фотофиксации. В совокупности все эти методы представляют собой методику комплектования музейного собрания, в результате применения которой собираются полноценные данные об объектах культурного наследия, получившие в деятельности современного музея название «критерии атрибуции» музейных предметов и включающие данные о наименовании предмета на русском языке и языке народа-носителя, материале, из которого он изготовлен, технике изготовления и декорирования, месте изготовления и месте приобретения.

Исследование коллекционных описей музеев показало, что начало первых целенаправленно организованных коллекционных сборов по культуре шорцев и телеутов (телеутов длительное время включали в состав алтайцев) имеет отношение к деятельности музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО). Отдел основан в Омске в 1877 г. на базе Общества изучения Сибиряка по инициативе Н. Г. Казнакова — генерал-губернатора Западной Сибири. Уже на следующий год сотрудниками ЗСО ИРГО

были организованы экспедиции в районы Западной Сибири, включая южную часть Томской губернии. Руководил экспедициями известный исследователь Сибири Н. М. Ядринцев [17]. В планах исследований было обозначено изучение сотрудником ЗСО ИРГО А. В. Адриановым культуры северных (шорцев) и южных (телеутов) алтайцев. Хотя основной целью поездок было обследование геологических особенностей края, чего требовало развитие промышленности страны, уже в экспедиции 1881 г. А. В. Адрианов посетил улус Куздеевский и поселения по Кондоме [21, 90], где собрал и впоследствии передал в фонды музея Санкт-Петербурга предметы родовых культов шорцев, отражающих нематериальное культурное наследие этого народа — верования и технологии изготовления скульптурной деревянной резьбы [5, 149]. Отдельные материалы были переданы и в музей ЗСО ИРГО в Омске. Согласно данным каталога Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИКМ), «...часть экспонатов для музея приобрел в начале 1880 г. А. В. Адрианов в своих поездках в Шорию» [16, 8]. К сожалению, в архиве музея об этих предметах имеются только письменные данные, без их зарисовок.

В составе собрания ОГИКМ на сегодняшний день представлены только шорские материалы, собранные в 1900 г. в экспедициях С. П. Швецова — ученого и общественного деятеля Сибири, почетного члена ЗСО ИРГО, который в 1987 г. по поручению Главного управления Алтайского округа возглавил экспедицию по статистико-экономическому обследованию районов Горного Алтая. Вместе с коллегами М. В. Швецовою, Н. Я. Никифоровым и П. М. Юхневым он обследовал и улусы Кузнецкого уезда Томской губернии. Район исследования традиционной культуры шорцев и телеутов включал бассейны рек Кондомы, Мрассу, Лебеди, Томи и их притоков [16, 42–43]. Конкретные места приобретения предметов, характеризующих традиционные занятия, а также элементов костюма, предметов религиозных культов и народного искусства в период передачи коллекции сотрудниками музея не были зафиксированы.

В начале XX в., в 1907 г., Г. Э. Иоганзенем в музей Томского университета были переданы три шорских шаманских бубна из закрывшегося Музея Алтайского горного округа при Барнаульском реальном училище [15, 292], но описания места их бытования, принадлежности конкретным лицам и технологических приемов изготовления отсутствовали.

По культуре одного из самых ярких коренных народов Кузбасского Притомья — шорцев, сохранявших в начале XX в. архаические формы охотничье-собирательской хозяйственной деятельности, с 1912 г. начинает формироваться коллекция в крупнейшем музее страны — Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого — Кунсткамере (МАЭ). В его фонды А. В. Анохиным переданы не только предметы культа, но и элементы охотничьего снаряжения с орнаментированными в технике гравировки мерками для пороха из рога. Местом сбора материалов на территории Кузнецкого уезда Томской губернии являлись улусы в бассейнах рек Томи, Кондомы, Мрассу. Но только в отдельных случаях в коллекционных описях указаны конкретные места сбора предметов, например, культовая маска «Кочо» приобретена в улусе Тайлеп [5, 149].

В этом же 1912 г. А. В. Анохин передает в МАЭ и материалы по телеутам, привезенные им из экспедиции по Южной Сибири, по результатам которой им была опубликована научная статья [3]. Это уникальные на сегодняшний день предметы — два бубна из улуса Чолухой Томской губернии Кузнецкого уезда. Согласно коллекционным описям, бубны попали к А. В. Анохину в 1911 г. при жизни шаманов — телеута Канакая и телеутской шаманки Пёдок, которым они принадлежали [6, 107]. Судя по коллекционным описям музея, Анохиным широко применялись методы наблюдения и опроса, сочетаемые с зарисовкой предметов, благодаря чему музейные собрания страны имеют бесценный архивный материал, способствующий изучению особенностей историко-культурного наследия коренных народов Притомья, включая художественное наследие [1, 2].

Значительная часть собраний сибирских и ленинградских музеев по рассматриваемой в данной статье тематике формируется в 1920-е — начале 1930-х гг. Активная исследовательская деятельность в 1920-е гг. связана с проблемой отделения от Томской губернии части Кузнецкого уезда с Томской, Кондомской, Верхне-Кондомской и Мрасской волостями [20, 165]. По распоряжению Томского совета национальных меньшинств и Томского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы в 1923 г. в Горную Шорию направляется З. С. Гайсин. В свою первую поездку ему удается посетить только окрестности Кузнецка. Однако уже в следующем году он собирает и передает в Томский краевой музей материалы из улусов, расположенных вдоль Мрассу (Мыски, Ключи, Усть-Мрасский, Средний Челей, Усть-Анзас, Усть-Сыркаш, Усть-Кабырза) и по Кондоме (Осинники) [5, 148–150]. Среди коллекций этого музея, носящего сегодня название Томского областного краеведческого музея, имеются уникальные предметы художественного наследия шорцев, например, изготовленный из кожи, раковин каури, медных колец и бусин женский накосник [13, 151, 153, 271].

В 1920-е гг. комплектуется этнографическая коллекция Томского университета. Одним из способов формирования шорского собрания являлось дарение. Среди предметов — подаренная А. В. Шупфером женская шапка с вышитым околышем, переданный А. К. Шапошниковым шаманский бубен с частично сохранившимися прорисованными изображениями на кожаной поверхности и орнаментированной в технике резьбы деревянной рукоятью. С 1925 г. начинается систематическое пополнение шорской коллекции исполняющим обязанности заведующего Этнологоархеологическим музеем Томского университета А. К. Ивановым. Именно в это время им совершается первая поездка в Горную Шорию, в результате которой в музей поступили материалы по традиционной культуре шорцев из улусов, расположенных в районах современных городов Междуреченска (Чульжан, Сыркаш, Косой Порог), Осинников, а также из поселений по реке Мрассу (Кызыл-Суг, Усть-Кабырза, Сибирга и Мыски) [5, 150]. Кроме изъятия из среды бытования предметов музейного значения, А. К. Ивановым применялся метод фотофиксации, в результате чего в музейное собрание поступили фотографии, отражающие традиционные занятия шорцев, что представляется интересным в плане настоящего исследования. Один

из трех хранящихся в музее фотоальбомов имеет пометку, что снимки сделаны в Кузедеево [15, 294].

Телеутские материалы в 1920-е гг. переданы в МАЭ Л. Э. Каруновской, посетившей в ходе экспедиций 1924, 1928 гг. телеутский улус Усть-Черга [10]. Методами сбора Каруновской являлись наблюдение, опрос и зарисовки. Среди ее зарисовок имеется телеутский календарь годового цикла, в ее записях отражены обряды, связанные с народной педагогикой, и предметный материал по данной теме.

Формирование шорской коллекции в музее Кузнецка в 1920-е гг. связано с именами Д. Т. Ярославцева, Г. С. Блынского и К. А. Евреинова. Предметы из наиболее ранних сборов Д. Т. Ярославцева 1910–1920 гг. представлены в музее единично, так как основная их часть была отправлена в 1922 г. на Выставку достижений народного хозяйства в Москву и не вернулась в музей. В 1926 г. музеем был приобретен шаманский бубен XIX в., особенностью которого является не только прорисовка антропоморфных, зооморфных и предметных изображений по кожаной поверхности, но и их тиснение. В 1927 г. после смерти Д. Т. Ярославцева его сподвижником Г. С. Блынским коллекция передана в дар городу и положила начало созданию краеведческого музея Кузнецка [5, 150]. В этом же году К. А. Евреинов, получивший назначение на службу и переехавший с Алтая в Кузнецк, совершает поездку в улус Верхние Кичи бассейна Мрассу, откуда привозит предметы орудий промыслов шорцев и передает их в только что основанный музей. Телеутская коллекция Новокузнецкого краеведческого музея немногочисленна, но представляет интерес в плане изучения таких женских ремесел, как плетение декоративных шнуров, тканьё поясов и вышивка элементов женской рубахи «кунек», нагрудника «тöштöк», мужских — кузнечества, связанного с изготовлением серебряных украшений. Предметы датированы концом XIX — началом XX в.

В целом 1926–1927 гг. были активным периодом исследования культуры шорцев и телеутов. Это объясняется развитием в Сибири научно-краеведческого направления. 1926 г. отмечен проведением I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда, оказавшего влияние на становление науки в Сибири. В 1927 г. для поддержки научных исследований создаются специальные бюро в Омске, Томске, Щегловске, Иркутске, Красноярске. В связи с этим возрастает активность сотрудников музеев по комплектованию своих коллекций. Так, например, 1927 г. был намного плодотворнее в плане экспедиционных исследований, чем 1925-й, руководитель музея Томского университета А. К. Иванов значительно расширяет ареал обследований шорских поселков, углубляясь в черневую тайгу — от поселений верховьев Мрассу до улусов по ее притокам (Усть-Анзас, Усть-Кезек, Чилису-Анзас, Суета, Нижние Кичи, Усть-Пызас, Верх-Алзак, Каргыш, Таяя и др.) [5, 150–152].

В 1927 г. состоялась Горно-Шорская экспедиция в Кузнецкий район Сибкрая, членами которой были ленинградские ученые, сотрудники Кунсткамеры — Н. П. Дыренкова и И. Д. Старынкевич. Перед ними стояла задача изучения района с целью получения результатов для выделения Горно-Шорского района в национально-административную единицу. Выехав в апреле 1927 г., Н. П. Дыренкова

планировала исследование ежегодно проводимого мрасскими шорцами обряда жертвоприношения, посвященного горе и реке в период весеннего ледохода. По пути следования от низовьев Мрассу (улус Камзас) и верховий Томи (улус Чульжан) ею собраны этнографические предметы и произведена фотофиксация отдельных элементов обрядов. В целях расширения охвата территории обследования И. Д. Старынкевич намечен свой маршрут, позволивший им с Дыренковой встретиться в Усть-Кабырзе [7]. География коллекционных сборов Н. П. Дыренковой и И. Д. Старынкевич включает улусы, расположенные поблизости от современного Междуреченска (Сыркаш), улус Мыски, поселения бассейна Кондомы (Чулеш, Лабыш), улусы по Мрассу и ее притокам — Кондоме и Пызасу (Улус Адоры, Усть-Кабырза, Колхозный Карчит, Чилису-Анзас, Усть-Пызас). В результате экспедиционных сборов коллекцию МАЭ дополнили 200 предметов шорского культа, традиционных занятий и быта, среди которых образцы деревянной резьбы, декорирования текстиля, художественной обработки металла, кости и рога. Наряду с методами экспедиционного сбора предметов, Н. П. Дыренкова активно применяла метод фотофиксации. Ее фотоматериалы составили архив Кунсткамеры, их фрагментарные копии хранятся в архиве музея «Археология, этнография и экология Сибири» [8]. В коллекцию МАЭ вошли и предметы, относящиеся к разряду народной педагогики, — игрушки из текстиля и дерева [9, 36–43].

1929 г. ознаменовался основанием по инициативе местного краеведческого общества музея в Щегловске. Предметы, экспонируемые на открытии первой выставки и собранные путем дарения, представляли «богатейшую коллекцию по быту и верованиям шорцев» [4]. К сожалению, в конце того же года в здании Дворца труда г. Щегловска произошел пожар, и часть предметов пострадала, видимо, вместе с данными о сборе и поступлении материалов начала XX в. В целом ареал сбора предметов шорской коллекции Кемеровского краеведческого музея достаточно широк: улусы по Кондоме и ее притокам (Красный Калтан, Турла, Чушла), по Мрассу и ее притокам (Мыски, Усть-Кабырза, Парушка, Парлагол, Колхозный Карчит, Верхний Алзак, Эльбезе). По названиям отдельных исчезнувших к настоящему времени улусов, таких как Таенза, Кичи и др., можно судить о ранних сборах предметов культурного наследия шорцев [5, 150]. В начале XX в. в музей Щегловска поступали и телеутские материалы. Началом XX в. датируются, например, приобретенная в поселении Улус праздничная женская безрукавка «купайка», декорированные старинной фурнитурой нагрудники «тöшток», женская шуба. В 1929 г. отдельные материалы по традиционной культуре коренных народов края поступают и в другие музеи современной Кемеровской области. Так, Г. С. Блынский в этом году передает в краеведческий музей Кузнецка шорскую женскую шубу «тон», аналогов которой нет в коллекциях других музеев [Там же].

Интересным является тот факт, что материалы экспедиций могли передаваться в разные музеи страны. Так, в коллекционных описях Новосибирского краеведческого музея имеются данные о том, что фотоматериалы экспедиции Томского этнологоархеологического музея, датированные 1927 и 1932 гг., сделанные в Усть-Кабырзе, Темир-Тау, Тельбесе, хранятся в фондах Новосибирского

краеведческого музея. Кроме того, в коллекции данного музея имеется комплект шорской кендырной одежды, состоящий из шапки и халата, последний декорирован уникальной композицией из разнообразных, характерных для шорского декора геометрических фигур. Комплект датирован началом XX в., однако в коллекционных описях нет данных о месте изготовления, бытования и приобретения этих предметов.

Формированию коллекций по культуре коренных народов Притомья способствовали не только этнографы и организаторы музеев. Например, топографом Г. И. Ивановым, членом экспедиции по землеустройству 1900–1915 гг., в Мрасской волости Кузнецкого уезда сделаны снимки, зафиксировавшие особенности быта, занятий, костюма шорцев. Эти материалы в виде негативов в 1920-е гг. поступили в фонды Алтайского государственного краеведческого музея [22].

1930-е гг. характеризуются активным сбором данных по традиционной культуре народов России, в том числе и Кузнецкого уезда. В этот период сформированы собрания, известные как «Новоэкспорт» и предназначавшиеся по решению Народного комиссариата торговли РСФСР на продажу за границу. Однако часть их оказалась невостребована и поступила в 1932 г. в фонды МАЭ. Уникальность материалов 1930-х гг. сложно переоценить. В 1932 г., кроме уже обследованных поселков по р. Мрассу и ее притокам в ходе экспедиций прошлых лет, экспедиционные сборы проводились А. В. Анохиным и А. И. Новиковым в исчезнувших к настоящему времени улусах (Кучера, Ушкайбук, Кырбан, Сурбашка и др.). В этом же году коллекция МАЭ пополнилась еще на 70 единиц хранения, в результате длительной поездки (май–октябрь) по Горной Шории Н. П. Дыренковой. Телеутские материалы данного периода включены в алтайскую коллекцию МАЭ, однако в коллекционных описях музеев отмечена принадлежность телеутом культовой скульптуры, шаманских предметов.

В 1934 г. этнограф Л. П. Потапов передает в фонды другого крупнейшего музея Ленинграда — Государственного музея этнографии народов СССР (ныне — Российский этнографический музей, РЭМ) собранную им и А. К. Супинским коллекцию по традиционной культуре шорцев. Л. П. Потаповым в бассейнах рек Мрассу и Кондома собраны культовые предметы различных шорских родов, среди которых уникальные, имеющие место только в коллекции РЭМ, двухголовые культовые предметы — «тайгамы», изготовленные в технике скульптурной резьбы и олицетворяющие почитаемых таежными охотниками духов гор.

1933–1934 гг. для музейного коллекционирования неплодотворны. К. А. Евреинов передает отдельные предметы для музея в Сталинске. Для музея Томского университета А. К. Иванов в ходе последней крупной экспедиции 1930-х гг. собирает материалы по улусам бассейна Кабырзы (Усть-Кабырза, Сарасет, Усть-Кезес, колхозы Наа-Чадых и имени 12 лет Октября). Далее в течение 13 лет музейные коллекции практически не пополнялись материалами по культуре коренных малочисленных тюркоязычных народов Притомья. И только в 1947 и 1949 гг. осуществляются отдельные поступления в музеи. Так, в музей Сталинска в 1947 г. К. А. Евреиновым и Г. С. Блынским передаются предметы шорского быта. В 1949 г. в фондах зарегистрировано личное собрание К. А. Евреинова, собиравшего

коллекцию на протяжении 1930–1940-х гг. в шорских поселках окрестностей Сталинска (Абагур и др.).

С 1950-х гг. местные музеи работают в своем обычном режиме. Так, до 1959 г. сотрудники Новокузнецкого краеведческого музея совершают поездки по пригородным поселкам Новокузнецка, Междуреченска и др. (Абагур, Ольжерас, Учул). Экспедиционные сборы дополняются предметами, полученными в дар: в 1956 г. в Новокузнецкий краеведческий поступают материалы этнографа и археолога У. Э. Эрдниева. Используется и прием закупки: в этом же году у родоначальника шорской литературы С. С. Торбокова приобретены привезенные им из пос. Тайлеп предметы шорских промыслов [5, 152].

С 1960-гг. возобновляются научные экспедиции к шорцам и телеутам. В 1962 г. экспедиция Томского государственного университета (ТГУ), возглавляемая Г. И. Пелих, обследовала окрестности Сталинска и шорские поселки: Усть-Кабырза, Усть-Анзас, Шалым, д. Карагол, Усть-Пызас, Парагол, Матор, Чазыбук, Чушла, Шор-Тайга, где полевые исследования проводились преимущественно методами наблюдения и опроса, без сбора коллекций [15, 292–293]. В 1965 г. членами историко-этнографического лагеря «Кузбасс» Кемеровского пединститута организована этнолого-краеведческая экспедиция под руководством Д. В. Кацюбы в пос. Шанда, где зафиксированы технологические приемы ткачества, кузнечества у телеутов (при помощи методов опроса и фотосъемки); собраны уникальные предметы серебряных украшений телеутов, составляющие в настоящее время часть этнографической коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ) [11, 89–91; 12, 158–152].

В 1966 и 1969 гг. участник Алтайского отряда Дальневосточной этнографической экспедиции Е. М. Тощакова исследовала традиционную культуру телеутов в селах Верховская и Беково, передав собранные предметы в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока АИАЭТ СО РАН (МИКНСиДВ АИАЭТ СО РАН). Собрание содержит уникальные экземпляры художественных ремесел телеутов — декорированные старинной тесьмой ручной работы и вышивкой рубахи, кованые серебряные пуговицы «топчы», серьги «ызырга», перстни «чустук», а также сшитые в технике лоскутной мозаики ритуальные покрывала «кёжбё» и др.

В 1960-е гг. по инициативе М. Г. Елькина создан Прокопьевский краеведческий музей. Его коллекции сформированы на основе школьного музея краеведения, для которого они собирались еще в 1950-е гг. участниками исторического общества «Юный историк». Члены этого общества в ходе регулярных экспедиций по югу Кузбасса занимались преимущественно археологическими раскопками, но был собран и материал по шорцам и телеутам. Среди утилитарных предметов быта, охотничьего снаряжения представлены телеутские рубахи с традиционной вышивкой и коваными серебряными пуговицами, домотканые пояса.

В 1970–1980-е гг. совершаются экспедиции, организованные в рамках программ вузов. В 1972 г. в пос. Шанда участниками студенческого лагеря «Кузбасс» зафиксированы: техника тканья поясов и вышивки традиционных воротников,

технологические приемы плетения из тальниковых прутьев у телеутов и приобретены образцы утвари, изготовленной в подобной технике, которые хранятся в настоящее время в КМАЭЭ. Благодаря использованию участниками экспедиции в ходе исследования методов описания и фотофиксации архив КМАЭЭ в настоящее время насчитывает более двухсот уникальных фотографий, отражающих не только технологии производства объектов художественного наследия телеутов, но и их функционирование в качестве овеянных компонентов традиционных обрядов. В 1974 г. студенческим отрядом в Новокузнецком районе (Сарбала) собраны элементы костюма, предметы утвари, традиционных промыслов, культовых верований шорцев. Часть предметов в этом же году передана в Осинниковский краеведческий музей, а часть — доставлена в г. Кемерово и в 1999 г. поступила в фонды КМАЭЭ [14].

Результатом экспедиции Омского государственного университета (ОмГУ) к телеутам в 1975 г. (руководитель А. Н. Томилов) стал сбор предметов, отражающих культовую деревянную резьбу, художественную обработку металла и декорирование женской одежды [20]. В 1976 г. Г. М. Патрушевой в поселках по реке Мрассу (Адыаксы, Усть-Кабырза, Парлагол) собраны предметы шорского быта, пополнившие коллекцию Музея археологии и этнографии ОмГУ. В результате обследования Беловского района коллекция музея пополнилась телеутскими предметами, среди которых старинные серебряные украшения, женский нагрудник и культовые предметы, выполненные в технике скульптурной резьбы.

В 1978 г. предметы одежды с декорированными элементами и утварь шорцев из пос. Шор-Тайга, Усть-Азас переданы А. П. Погожевой в музей Сибирского отделения Российской академии наук в Новосибирске. В этом же году она пополнила телеутскую коллекцию этого музея серебряными серьгами кустарной работы из с. Верховское, изготовленными в технике литья и штампа. Единичные поступления составляют сборы сотрудников Осинниковского краеведческого музея в окрестных поселках города — Сарбале и Красном Калтанчике.

В начале 1980-х гг. заложены основы формирования этнографической коллекции по традиционной культуре шорцев и телеутов в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Под руководством этнографа В. М. Кимеева в 1980 г. было осуществлено экспедиционное обследование поселков по реке Мрассу (Усть-Анзас, Кезек, Камзас, Эльбезе, Адыаксы и Мрассу). В 1985–1987 гг. материал собирался в поселениях по рекам Пызас (Чилису-Анзас, Бугзас) и Оргон (Учас, Трехречье, Ильинка). Следует отметить, что в данный период художественное наследие шорцев уже может быть определено как руинированное, так как в составе материалов данного периода представлены преимущественно утилитарные предметы — орудия ремесел и промыслов, предметы утвари, недекорированные предметы костюма. Исключение составляют орнаментированные в технике гравировки охотничьи мерки для пороха.

В эти же годы этнографическая группа В. М. Кимеева собирает материал в телеутских поселках Беково, Шанда и др., составивший собрание КМАЭЭ. Телеутские материалы характеризует наличие отдельных элементов народного

декоративного искусства — пуговиц «топчы» из серебряных сплавов, декорированных воротников женской одежды, домотканых поясов «кур» и культовых покрывал «кѳжѳѳ».

В 1980-е гг. усилиями школьных поисковых отрядов, совершавших экспедиции в пос. Сыркаш, Чульжан и др., расположенные в окрестностях г. Междуреченска, были собраны предметы, относящиеся к традиционной культуре шорцев, которые составили коллекцию Междуреченского краеведческого музея. Она включает предметы материальной культуры: утварь, элементы костюма, орудия промыслов и ремесел.

В конце 1980-х гг. в Кемеровской области создается музей-заповедник «Томская Писаница» (МЗТП), на территории которого в 1989 г. размещены жилые постройки, вывезенные из шорского пос. Кезек. Для формирования этнографических фондов часть предметов быта шорцев, собранных В. М. Кимеевым в 1990–1993 гг. в поселках по Мрассу (Усть-Анзас, Кезек, Парушка, Челей), была передана в организуемый музей. Только отдельные предметы сборов В. М. Кимеева 1990–1993 гг. поступили в фонды КМАЭЭ. Фонды музея «Томская Писаница» включают также переданные Д. А. Функом культовые предметы телеутов.

Предметы народного декоративного искусства в виде вышивки на женских рубахах, деревянной резьбы, а также культовые предметы были переданы А. П. Погожевой в 1978 и 1990 гг. в МИКНСиДВ АИАЭТ СО РАН. Эти находки были обнаружены в местах традиционного проживания телеутов и шорцев — в Беловском и Таштагольском районах Кемеровской области.

В 1990-е гг. создается Музей этнографии и природы (МЭП) Горной Шории в г. Таштагол, основой коллекции которого являются предметы школьного музея. В 1991 г. значительную часть предметов, собранных в бассейне Мрассу, передал в организуемый музей В. М. Кимеев. Коллективом МЭП экспедиционные сборы осуществляются регулярно. Так, с 1990 по 1994 г. совершено восемнадцать этнографических экспедиций в Таштагольский (Чазы-Бук, Шор-Тайга, Верхний Алзак, Дальний и Ближний Кезек, Ключевой, Сайлагольчик, Тарлашка, Мрассу, Парлагол и др.), Мысковский (Чувашка), Междуреченский (Учас, Трехречь) районы Кемеровской области и в Хакасию (Анчул).

В местах обследования культуры шорцев и телеутов членами этнографической группы, возглавляемой В. М. Кимеевым, при сборе данных о нематериальном культурном наследии (организация жилого пространства, обрядовые традиции) применялись методы опроса и фотофиксации. Часть этих материалов (письменные данные и фотографии) составляет архивы музеев Кемеровской области — КМАЭЭ, МЭП, МЭТП и этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок».

Коллекции 1989, 1990, 1995 гг. по бачатским телеутам в МИКНСиДВ АИАЭТ СО РАН связаны с экспедиционной деятельностью И. В. Октябрьской, передавшей в музей собранные в Беловском районе предметы одежды. Декоративное народное искусство представлено старинными серебряными пуговицами, вышитыми в технике плоской глади по берестяной подложке воротниками и т. д.

В 1998 г. фотофонд Новосибирского краеведческого музея был пополнен материалами по культуре шорцев, проживающих в пос. Ильинка, деревнях Учас,

Шора, благодаря применению сотрудниками музея в ходе экспедиции метода фотофиксации объектов историко-культурного наследия.

В 1990-е гг. формируется коллекция историко-этнографического музея «Чолкой», организованного в месте традиционного проживания бачатских телеутов. В ее составе предметы, отражающие художественные ремесла народа (вышивка элементов костюма, лоскутная мозаика культовых покрывал, металлообработка, связанная с изготовлением серебряных украшений, культовая скульптурная резьба). При собирании коллекции использовался метод фотофиксации, многие предметы приобретены путем дарения.

2000-е гг. — особый период в отечественном музееведении, когда вопросы о финансировании музейных экспедиций находятся в стадии поисков решения. С 2002 по 2012 г. в рамках этнографических экспедиций под руководством В. М. Кимеева осуществляются экспедиционные сборы в пос. Усть-Анзас Таштагольского района. Предметы, приобретенные в этот период, вошли в коллекцию этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок»; общее количество музейных экземпляров составило около двухсот единиц хранения. Наибольшее количество предметов приобретено в 2002–2005 гг., с 2007 г. их число резко снижается. В основном это утилитарные бытовые предметы. Метод фиксации, основанный на современной технологии оцифровки, позволил расширить фотоархив объектов культурного наследия. В 2000-е гг. предметами шорского быта, охоты и хозяйственных занятий шорцев была пополнена коллекция, привезенная сотрудником музея «Томская Писаница» Е. А. Москвиной из поселков Парушка, Усть-Анзас и Усть-Кабырза.

Особое место в истории собирательства занимает формирование коллекции в экомузее «Тазгол». Так как «Тазгол» создан на основе идеи французских теоретиков, коллекции в традиционном понимании он не имеет. Однако тенденции, господствующие в современном обществе, могут привести к исчезновению многих объектов культурного наследия. Как ответная реакция возникла потребность в формировании фонда из предметов, которые имеют риск быть утраченными в естественной социокультурной среде. В основном это предметы быта, которые сегодня ограничено используются в шорских хозяйствах. Обозначенные предметы экспонируются в одном из объектов экомuzeя, однако они на сегодняшний день не включены в Государственный фонд Российской Федерации, но, возможно, впоследствии данная процедура будет осуществлена, так как принципам экомuzeя не противоречит существование на его базе музея коллекционного типа.

Таким образом, коллекционирование на основе метода экспедиционного обследования на протяжении длительного периода — с конца XIX по начало XXI в. является основным способом сохранения историко-культурного наследия. Это подтверждает тот факт, что подлинные предметы художественного наследия сохраняются только в музейных собраниях. В естественной социокультурной среде они считаются руинированным наследием: изготовленные в технике скульптурной резьбы предметы охотничьего культа, шаманские бубны с росписью и тиснением по коже практически перестали выявляться собирателями с 1960-х гг. Только в местах компактного проживания телеутов продолжают фрагментарно сохраняться

технологии декорирования воротников и нагрудников, тканья поясов. Следует отметить, что в 2000-е гг. резко снижается эффективность использования метода опроса для выявления специфики художественных ремесел шорцев и телеутов, так как их бытование в естественной среде практически утрачивается. Возможности широко применяемого метода фотофиксации реализуются в основном при оцифровке материалов коллекции и экспозиций.

1. Анохин А. В. // Арх. ИАЭ РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 84, 194. 1912.
2. Анохин А. В. Материалы о шорцах (копии) // Арх. В. М. Кимеева. Отд. этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Д. 856–28, 30, 31, 32.
3. Анохин А. В. Шаманизм у телеутов [Электронный ресурс] // Сибирская жизнь. 1916. № 253. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia.pdf> (дата обращения: 01.07.2016).
4. Выдрин О. В. К истории создания Кемеровского областного краеведческого музея [Электронный ресурс] // С архивной полки (далекое и близкое). URL: <http://termika.ru/issao?d&nd=941792184&nh=0> (дата обращения: 01.07.2016).
5. Глушкова П. В., Кимеева Т. И., Родионов С. Г. Этапы формирования шорских этнографических коллекций в музеях России // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2016. № 34. С. 148–158.
6. Дырленкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ. М. ; Л., 1949. Т. 10. С. 107–191.
7. Дырленкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая : ст. и этногр. материалы. СПб., 2012. 408 с.
8. Дырленкова Н. П. Фотоколлекция № 3662 (копии) // Арх. этнокол. музея-заповедника «Тюльберский городок».
9. Золотарева Н. В., Курьянова Т. С. Игрушки обских угров и алтайцев в коллекциях Российского этнографического музея и Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 4 (16). С. 36–43.
10. Каруновская Л. Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком [Электронный ресурс]. URL: <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/Karunovskaya.pdf> (дата обращения: 08.03.2016).
11. Кимеева Т. И. Из истории формирования этнографических коллекций. Телеуты, шорцы (колл. Д. В. Кацюбы) // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Кемерово, 2006. Вып. 2. С. 89–91.
12. Кимеева Т. И. Коллекция телеутских серебряных украшений музея КемГУ // Музей «Археология, этнография и экология Сибири». Кемерово, 2006. С. 148–152.
13. Кимеева Т. И. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Сибири: на примере шорцев. Кемерово, 2015. 278 с.
14. Коллекция 17а (телеуты), коллекция 17К/136 (Д. В. Кацюба, телеуты, шорцы) // Основной фонд музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.
15. Курьянова Т. С. Музей как пространство бытия этноса (на примере шорской коллекции Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского, ТГУ) // Дефиниции культуры : сб. тр. участников Всерос. семинара молодых ученых. Томск, 2011. Вып. 9. С. 292–295.
16. Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1990. 202 с.
17. Образование Западно-Сибирского отдела (ныне — Омское региональное отделение) Русского географического общества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/History/Pages/Item.aspx?itemid=1070> (дата обращения: 08.03.2016).

18. Отдел этнографии Сибири : [сайт МАЭ имени Петра Великого (Кунсткамера)]. URL: http://www.kunstkamera.ru/index/museums_structure/research_departments/department_of_siberia/ (дата обращения: 12.07.2016).

19. Российская музейная энциклопедия : [сайт]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?24> (дата обращения: 12.09.2015).

20. *Томилов Н. А.* Начало первого этапа этнографии в Омском университете : [сайт кафедры этнографии и музееведения Омск. гос. ун-та]. URL: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=1125> (дата обращения: 12.07.2016).

21. *Усков И. Ю.* Становление Кузнецкого исторического краеведения // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 30. С. 84–96.

22. Фотоколлекция АГКМ «Горная Шория. 1913 год». Фото Г. И. Иванова [Электронный ресурс]. URL: http://international.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/AGKM_shoria.html (дата обращения: 12.09.2015).

Статья поступила в редакцию 19.09.2016 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 378.1 + 378.374+ 37.014.5

Е. А. Шуклина
М. В. Певная

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИНСТИТУТ РАБОТОДАТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*

Рассматриваются проблемы эффективности развития современной российской модели высшего образования, анализируется характер межинституционального взаимодействия высшей школы и института работодателей, ставится вопрос о необходимости поиска нелинейных ресурсов развития высшего образования. На базе вторичной информации прослеживаются изменения в таких зонах межинституционального взаимодействия, как обучение, переподготовка работников предприятий; наем/трудоустройство выпускников вузов; инновационные сетевые взаимодействия «высшая школа – институт работодателей».

К л ю ч е в ы е с л о в а: высшее образование; институт работодателей; межинституциональное взаимодействие; нелинейная модель образования.

Институциональный подход к исследованию социальных объектов имеет значительный методологический потенциал в изучении образовательной сферы, анализе перспектив ее развития. Важным инструментом изучения факторов, обуславливающих это развитие, выступает рассмотрение межинституциональных взаимодействий образования. Институциональный подход позволяет выйти на описание зон риска и ресурсного потенциала образования, возможностей его

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

ШУКЛИНА Елена Анатольевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: shuklina_elena@mail.ru).

ПЕВНАЯ Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru).

© Шуклина Е. А., Певная М. В., 2017

нелинейного развития [3]. Целесообразно предположить, что инновационные нелинейные процессы в образовательной сфере «зарождаются» в проблемных зонах и в дальнейшем институционализируются, раскрывая ресурсный потенциал либо попадая в институциональные ловушки.

В российских реалиях догоняющей модернизации в образовании ситуация выглядит несколько иначе. Изменения проходят процесс институционализации в условиях, когда проблемы, существующие в латентном виде, часто не вполне осознаны профессиональным сообществом и основными субъектами образовательной деятельности. Они если и артикулируются на экспертном уровне, то не становятся объектом дискуссий в профессиональной среде, не проходят процесс общественного обсуждения как формы социального контроля. Этот субъективный фактор резко снижает возможности реализации ресурсного потенциала образования, поскольку само осознание проблемы и веера возможностей выхода из нее всеми социальными группами, включенными в образовательный процесс, подчас и является тем резервом, который формирует социальную базу инновационного развития.

Предметом анализа в данной статье является рассмотрение проблемы межинституционального взаимодействия высшего образования и института работодателей бизнес-сферы. Это ключевая проблема в развитии высшего образования (ВО). Для ее конкретизации мы делаем акцент на таких зонах межинституционального взаимодействия, как:

- обучение, переподготовка работников предприятий;
- наем/трудоустройство выпускников вузов;
- инновационные сетевые взаимодействия.

Практики обучения, переподготовки работников предприятий. Рассмотрим несколько показателей, характеризующих потребности предприятий в образовательных услугах системы высшего образования.

Во-первых, это мнения работодателей о степени соответствия профессиональных компетенций работников предъявляемым требованиям. Динамика изменения оценок работодателями базовых профессиональных компетенций работников с 2005 по 2014 г. демонстрирует рост соответствия их профессиональных навыков требованиям компаний. За этот период отмечены рост удовлетворенности работодателей уровнем квалификации работников (с 50 до 60 %), тенденция снижения дефицита квалификации у персонала (с 31 до 20 %), частичный рост их избыточной квалификации (с 14 до 16 %) [6, 27].

Во-вторых, представляет интерес краткосрочный прогноз (на ближайшие 2–3 года) изменения требований компаний к компетенциям специалистов с высшим образованием [6, 32]. В среднем 39 % компаний прогнозируют в будущем изменение требований к профессиональным компетенциям специалистов. При этом наиболее существенные изменения планируются в компаниях, активно участвующих в процессах модернизации. В их число входят 70 % предприятий, относящихся к категории «лучшие компании по уровню инноваций в отрасли»; 50 % компаний, собирающихся проводить техническую/технологическую модернизацию; 48 % компаний, занимающихся разработкой или адаптацией инноваций.

Кроме того, предприятия, имеющие высокий уровень бизнес-культуры в сфере обучения работников, также прогнозируют изменения требования к компетенциям работников. К ним относятся 49 % компаний с развитой кадровой политикой (планы обучения, бюджет на обучение, подразделение по вопросам обучения); 48 % компаний, проводящих квалификационный аудит/тестирование после обучения.

Приведенные данные показывают, что инновационный сектор экономики ориентирован на повышение качества рабочей силы. При этом существует корреляция между осознанием руководством компаний необходимости изменений и наличием на предприятиях сложившихся институциональных условий для развития образовательной деятельности и укрепления взаимодействия с образовательными организациями, прежде всего высшей школы.

Инновационный сектор экономики можно признать наиболее перспективным для повышения эффективности диалога высшей школы и работодателей, в связи с этим возникают лишь два важных вопроса: 1. Насколько велик размер сектора инновационной экономики в России и каковы тенденции его изменения, которые могут повлиять на развитие высшей школы? 2. Каково место, занимаемое образовательными услугами ВО в структуре потребностей предприятий (инновационных в том числе)?

Отвечая на второй вопрос, охарактеризуем существующие практики предприятий по обучению своих работников (табл. 1).

Характеризуя потребности предприятий в области обучения работников, отметим, что рынок потребителей образовательных услуг достаточно широк. Так, половина и более предприятий, имея потребность в обучении работников, организует его в той или иной форме (исключением является малый бизнес, где эти процессы характерны только для каждого пятого предприятия). Кроме того, осуществляется обучение работников почти на двух третях предприятий, где квалификация персонала ниже требуемой. Максимально вовлечены в процессы обновления навыков «сотрудники компаний, в которых дефицит квалификации обусловлен технологической и технической модернизацией: в четырех из пяти компаний было организовано обучение работников» [2, 12].

При этом за последние 10 лет (в табл. 1 представлены данные исследования только за два последних года) выявлена общая тенденция к сокращению рынка предприятий — потребителей образовательных услуг и снижению их потребностей в обучении персонала. Существующая тенденция касается предприятий всех отраслей, не зависит от размера бизнеса и степени потребности компании в восполнении дефицита квалифицированных работников. Это свидетельствует об углубляющемся разрыве между институтом образования, с одной стороны, и бизнес-структурами — с другой. Именно этот разрыв во многом определяет ситуацию на рынке труда, соотношение спроса и предложения.

В связи с этим интересно посмотреть на структуру распределения расходов по различным формам обучения и определить тех субъектов образовательной деятельности, которые наиболее адекватно отвечают потребностям существующего рынка (табл. 2).

Таблица 1

Распространенность обучения персонала, %*

Показатели	2013	2014
<i>В среднем</i>	72	57
<i>В зависимости от численности работников на предприятии</i>		
5–24 чел.	26	18
25–99 чел.	55	45
100–249 чел.	69	56
250 чел. и более	87	77
<i>По отдельным отраслям</i>		
Промышленность	78	67
Строительство	67	57
Торговля	53	42
Транспорт и связь	74	65
Бизнес-услуги	51	49
<i>По уровню сбалансированности квалификационной структуры персонала</i>		
В компаниях, сталкивающихся с дефицитом навыков работников	76	64
В компаниях, где нет дефицита навыков работников	69	55

Примечания:

1. * — процент ответивших утвердительно на вопрос: организовывало ли предприятие в каких-либо формах обучение своих работников в прошлом году? Обучение включало профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации и стажировки работников.

2. В таблице использованы данные работы [2].

Таблица 2

Доля расходов предприятия на обучение в зависимости от типа бизнеса и формы обучения, 2014 г. (% от общего объема финансирования)

Формы обучения	В среднем	Крупный бизнес	Средний бизнес	Малый бизнес
Внутри предприятия	15	22	7	15
В необразовательных организациях	27	19	36	28
В организациях дополнительного образования	17	15	13	24
В организациях, реализующих программы высшего образования	9	8	8	12
В организациях, реализующих программы подготовки специалистов высшего звена	8	15	3	12
В организациях, реализующих программы подготовки рабочих и служащих	24	21	33	18

Примечание. В таблице использованы данные работы [2].

Анализ доли расходов, выделяемых на обучение работников, показывает, что эта функция реализуется прежде всего необразовательными организациями (компаниями-партнерами, кадровыми агентствами, консалтинговыми, тренинговыми компаниями, государственными службами занятости). Мы столкнулись с парадоксальной ситуацией — на первом месте оказались структуры, для которых образовательная деятельность не является основной. Это свидетельствует об уровне потребности в характере и качестве образования, а также еще раз подчеркивает разрыв между формальным образованием и реальным производством.

В данном случае этот процесс можно оценить как негативную форму развития взаимодействия образования и рынка, когда необразовательные организации реализуют компенсаторную функцию в сфере образования, «дотягивая» компетенции работников до среднестатистической нормы. И в этом для потребителя они оказываются более эффективными, чем формальные образовательные структуры профессионального образования.

Эта тенденция не является тупиковой. Долгосрочные прогнозы развития образовательной сферы свидетельствуют о возможном смещении акцента с формального образования на неформальное в сфере профессиональной подготовки и переподготовки кадров. Нелинейным ресурсом ее развития станут новые формы неформального дополнительного образования, которые соответствуют запросам информационной эпохи. В любом случае высшая школа, ориентируясь на усиление связи с бизнесом, должна будет найти свое место, включившись в данный процесс, и быть адекватной запросам времени и рынка потребителей, стратегически разрабатывая направления дополнительного образования для бизнеса, прежде всего на региональном уровне.

В настоящее же время место системы высшего образования в структуре потребностей организаций невелико: она удовлетворяет лишь от 8 % (крупный бизнес) до 12 % (малый бизнес) потребностей в обучении персонала предприятий. Высшая школа в этой области не выдерживает конкуренции с необразовательными организациями, на долю которых приходится в среднем 27 % объема финансирования образования сотрудников, а также с организациями дополнительного профессионального образования (17 %).

Наем/трудоустройство выпускников вузов. Кадровая политика найма выпускников периодически корректируется компаниями в зависимости от экономической ситуации в стране. Так, после резкого спада 2008–2009 гг. ситуация в какой-то мере начала выправляться только к 2012–2013 гг. Тем не менее общий тренд по найму на работу выпускников всех уровней профессионального образования ориентирован на снижение. По данным 2014 г., каждая седьмая из опрошенных компаний не нанимала новых сотрудников. Выросло число компаний, где количество работников соответствует потребностям производства. В настоящее время структура найма стала еще более неблагоприятной в сравнении с кризисной ситуацией 2008 г. «Сворачивание найма в компаниях в меньшей степени коснулось квалифицированных рабочих, а максимально оптимизация найма отразилась на линейных и функциональных специалистах и линейных

руководителях» [6, 34]. Другими словами, потребность в выпускниках высшей школы сократилась.

Основным «потребителем» рабочей силы, в качестве которой выступают выпускники вузов, является крупный бизнес. Доля предприятий крупного бизнеса, нанимавших выпускников вузов, составляет 69 %, тогда как средний (39 %) и малый (28 %) бизнес значительно менее ориентированы на работников с высшим образованием [1, 26].

Диплом о высшем образовании — это одно из базовых формальных требований при приеме на работу. По мнению работодателей, руководители подразделений и исполнители высшей квалификации должны быть дипломированными специалистами (91 % и 68 % соответственно), тогда как среди технических работников только 38 % должны иметь дипломы о высшем образовании. Кроме того, существует прямая зависимость между требованиями работодателей о наличии диплома о ВО для руководителей и специалистов и типом предприятий по уровню успешности и по размеру бизнеса (малый, средний, крупный).

В целом работодатели рационально оценивают уровень профессиональной подготовки выпускников, как правило, они удовлетворены теоретической подготовкой, а основные претензии высказывают в отношении практических навыков. По оценкам работодателей, в среднем за последние пять лет уровень профессиональной подготовки находится на отметке 3,9 балла (по 5-балльной системе), модальным значением является оценка «хорошо» — 52 % выпускников (табл. 3).

Таблица 3

Оценка работодателями качества подготовки выпускников вузов, принятых в компании в течение предыдущих 2 лет

Средняя оценка	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
	3,8	3,9	4,0	—	3,8	3,9	4,0	3,8	3,9	3,9	3,9

Примечания:

1. Приводится средняя оценка по пятибалльной шкале, где 1 — низший балл, а 5 — высший.
2. В таблице использованы данные работы [5].

Анализ мнений работодателей относительно профессиональных навыков и качеств, которые в первую очередь нужно улучшить специалистам, показал, что хорошо сформированные личные компетенции (поведенческие навыки) востребованы ими даже в большей степени, чем общие профессиональные навыки.

Так, по мнению 64 % работодателей, необходимо улучшать коммуникативные навыки (общение с клиентами; работа в команде, коллективе, группе; навыки офисного администрирования); по оценкам 66 % работодателей — формировать самостоятельность в работе (самостоятельное решение рабочих проблем, инициативность, навыки планирования и организации своего рабочего времени); половина работодателей считает, что исполнительские навыки (ответственность за порученную работу, дисциплинированность, обязательность) нуждаются

в дальнейшем развитии [9, 167]. Очевидно, эти пробелы в вузовской профессиональной подготовке могут быть успешно ликвидированы только при продуманном взаимодействии вуза и предприятия.

Что касается наличия у выпускников вуза опыта работы по специальности, то руководители предприятий часто отмечают это обстоятельство в качестве значимого фактора при найме выпускников на работу. Более того, существует выраженная тенденция отказа работодателей от найма выпускников, работодатели предпочитают набирать работников непосредственно на рынке труда. Это весьма неоднозначный способ решения проблемы, имеющий как плюсы, так и минусы. При этом лишь менее трети предприятий предоставляют студентам краткосрочную производственную практику с целью их дальнейшего трудоустройства, и только 24–25 % молодых специалистов (выпускников вузов) имеют опыт общения с работодателями во время производственной практики. В целом проблемы найма/трудоустройства выпускников свидетельствуют о разрыве старых межинституциональных связей и отсутствии адекватных отношений нового типа.

Инновационные сетевые связи. Анализируя формы сотрудничества, которые осуществляют компании с организациями высшего образования, мы убеждаемся, что они достаточно традиционны и ориентированы в основном на наем рабочей силы. Сетевые взаимодействия в сфере научных разработок, поддержки инноваций, создание альянсов с высшей школой, работающих на модернизационные процессы в производстве, сведены к минимуму. Это же касается и долгосрочной практики «выращивания» талантливых работников через систему поощрения стипендиями, грантами и пр.

Рассмотрим такую форму инновационных сетевых связей, как прикладной бакалавриат. Общеизвестно, что эксперимент с программой прикладного бакалавриата начал осуществляться с 2009–2010 гг. при участии 37 вузов и 65 ссузов из 47 субъектов Российской Федерации. Его появление вызвано проблемами организации сетевого сотрудничества вузов, учреждений СПО и предприятий, а также необходимостью практико-ориентированной подготовки высококвалифицированных специалистов. Для реальных секторов экономики это нововведение будет эффективным и целесообразным, если работодатель заинтересован в технологическом перевооружении производства и отчетливо представляет, какие специалисты в ближайшие два-три года ему будут нужны под конкретные производственные процессы и оборудование. Как форма массового образования, прикладной бакалавриат эффективно функционирует, когда конкретный работодатель готов участвовать в подготовке специалистов. При этом только 10 % компаний принимали участие в программах прикладного бакалавриата и еще 10 % компаний рассматривали это образование как необходимое [2, 30]. Наиболее активными были крупные предприятия с числом работников более 500 человек (21 %); компании, работающие в сфере промышленности (18 %); организации, имеющие дефицит квалификации персонала (16 %); предприятия, имеющие развитую культуру обучения персонала, проводящие квалификационный аудит/тестирование после обучения (19 %); предприятия, активно развивающие

инновации в отрасли (19 %); компании, собирающиеся проводить техническую/технологическую модернизацию (19 %).

В целом интерес предприятий к прикладному бакалавриату невысок, не предвидится и его изменений в сторону увеличения. Есть некоторые различия между типами предприятий, классифицированных по разным критериям. Общая тенденция такова, что крупные предприятия, развивающие инновации и имеющие институционализированные формы образовательной деятельности для своих сотрудников, несколько более заинтересованы в связи с образовательными организациями. Тем более что одним из возможных направлений углубления взаимодействия может быть синхронизация квалификационных тестирований (аудита), проводимых на предприятиях, с вузовскими процедурами оценивания и присвоения квалификации.

Другой формой новых нелинейных подходов к сетевому взаимодействию в виде инновационных образовательных кластеров, зафиксированной в государственной программе «Развитие образования на 2013–2020 годы» в качестве одного из стратегических направлений развития, являются инновационные образовательные кластеры. «Образовательный инновационный кластер — объединение представителей отрасли: вузов, научно-исследовательских центров, промышленности, посредством создания локальных зон с определенными предпочтениями, где все участники цепочки, от начала разработки до инновационного готового продукта (научные учреждения, маленькие инновационные компании, центры испытаний, центры коллективного пользования дорогостоящим оборудованием, специализированные сертифицированные лаборатории, вузы и центры обучения, поставляющие нужных именно этим компаниям специалистов, патентные конторы) находились бы в постоянном взаимодействии» [8, 63]. При этом если делать акцент на образование, то образовательный инновационный кластер можно рассматривать как систему обучения, взаимообучения и инструментов самообучения в инновационной цепочке образование – технологии – производство, основанную преимущественно на горизонтальных связях [7, 123–133].

Значимость этого инструмента для перспективного развития всех включенных в него субъектов велика, поэтому важно отследить, насколько эффективно реализуется данная инициатива, каково отношение к ней предприятий. Как и к прикладному бакалавриату, к этому направлению развития образовательной системы и бизнеса предприятия не проявляют достаточного интереса. В среднем менее чем каждое десятое предприятие имеет опыт участия в таком типе взаимодействия, еще меньшее число предприятий рассматривают его как необходимое для себя в будущем. Потенциальный интерес к данной форме работы не расширяется, уровень информированности о ней у предприятий невысок [2, 30].

Если в Европе кластерная политика в образовании получила активное развитие в 1990-е гг., по аналогии с кластеризацией в экономической сфере, когда ядром инновационного образовательного кластера было признано взаимодействие между образовательными, исследовательскими и бизнес-партнерами [10], то в РФ мы сталкиваемся только с начальным процессом становления инновационных образовательных кластеров. Находясь на стадии зарождения, эта инициатива

в отдельных регионах начинает пробивать себе дорогу. Причем она получает большее развитие, когда на уровне региональных властей находит поддержку в виде разработанных нормативных документов и региональных программ инновационного развития.

Подводя итог анализу рассмотренных количественных данных, сделаем некоторые выводы. Характер межинституционального взаимодействия высшей школы и института работодателей вряд ли можно оценивать как эффективный. Историческое развитие системы высшего образования привело к формированию ряда институциональных ловушек, повлиявших на его конфигурацию и стратегию формирования [4, 14]. Вертикальная интеграция в системе образования прежде всего разобщила сферы образования и рынка труда; образования, бизнес-среды и научных исследований академической сферы. Сформировавшийся негативный тренд «замедленного действия» в системе сложившихся практик межинституционального взаимодействия, ставший в дальнейшем тормозом для развития высшего образования и бизнес-среды, как его *vis-à-vis*, сохраняется, и существенные сдвиги в этом направлении пока прогнозировать сложно.

1. *Бондаренко Н. В.* Профессионализм на весах профессионалов: Представления работодателей о выпускниках и характер спроса на кадры [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2013/12/23/1338576192/67_Бондаренко.pdf (дата обращения: 15.08.2016).

2. Вопросы профессионального обучения персонала компаний и сотрудничества предприятий с системой профессионального образования : информ. бюл. М., 2016. 60 с. (Мониторинг экономики образования ; № 5 (94)).

3. *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Шаброва Н. В., Амбарова П. А.* Эмпирическая методология и методика исследования нелинейной модели высшего образования // Социология образования. 2016. № 7. С. 4–15.

4. *Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фрумин И. Д.* Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопр. образования. 2013. № 4. С. 8–69.

5. Мониторинг экономики образования. Раздел «Индикаторы экономики образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://memo.hse.ru/links> (дата обращения: 15.08.2016).

6. Оценка общеэкономических условий на предприятиях и спроса на рабочую силу. Наем на работу выпускников основных профессиональных образовательных программ : информ. бюл. М., 2016. 44 с. (Мониторинг экономики образования; № 4 (93)).

7. *Растворцева С. Н., Череповская Н. А.* Идентификация и оценка региональных кластеров // Экономика региона. 2013. № 4. С. 123–133.

8. *Терешин Е. М., Володин В. М.* Современная дефиниция понятия «кластер» и подходы к формализации этого явления // Экономические науки. 2010. № 2. С. 164–167.

9. Характер взаимодействия российских компаний и системы высшего образования глазами работодателей: итоги опроса 2013 г., по данным Левада-Центра // Вопр. образования. 2014. № 1. С. 162–175.

10. Education Innovation clusters [Electronic resource]. URL: <http://www.educause.edu/ero/article/innovation-clusters-datapalooza-accelerating-innovation-educational-technology> (accessed: 15.08.2016).

Статья поступила в редакцию 18.08.2016 г.

УДК 811.581(07) + 304.2 + 316.772.2

**Л. И. Корнеева
Жунюй Ма**

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Статья посвящена межкультурной коммуникации в обучении китайскому языку русских студентов. Рассмотрены понятия «межкультурная коммуникация», «коммуникативная культура» и другие с точки зрения русских и китайских ученых; представлены культурные аспекты, которые нужно учитывать при обучении китайскому языку; выделены основные методические положения, повышающие роль межкультурных факторов в обучении китайскому языку как иностранному.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; межкультурное сознание; обучение китайскому языку как иностранному; народная культура; коммуникативная культура.

Язык и культура — два пересекающихся круга. Разные языковые системы отражают разные общественные культуры, которые отражаются через языки. Т. В. Самосенкова пишет, что «каждый конкретный язык заключает в себе национальную самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира» [2]. По мнению И. Л. Галинской, «культурная идентичность опирается на многие факторы, в том числе и язык» [1].

Целью изучения иностранного языка является формирование коммуникативных навыков на данном языке. Важным фоном языковой коммуникации выступает культура, которая играет большую роль в возникновении языка и способах его выражения. На процесс языковой коммуникации влияют не только коммуникативная ситуация, но и культурные стереотипы, и образ мышления. Русская

КОРНЕЕВА Лариса Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: l.i.korneeva@urfu.ru lorakorn@list.ru).

МА Жунюй — аспирантка кафедры иностранных языков и перевода Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: 727188315@qq.com).

© Корнеева Л. И., Ма Жунюй, 2017

культура и китайская культура принадлежат к разным культурным группам. Таким образом, исследование проблем межкультурной коммуникации является актуальным для эффективного обучения китайскому языку как иностранному русских студентов.

В последние десятилетия межкультурная коммуникация стала объектом исследования ученых в области лингвистики. По мнению Н. Л. Шамне, «межкультурная коммуникация в узком смысле означает культурное взаимодействие между разными актантами и группами актантов одного общества и одного языка», а в широком смысле означает «коммуникацию между актантами, принадлежащими к разным обществам и разным языкам» [3].

Предметом исследования в данной статье является межкультурная коммуникация при обучении китайскому языку русских студентов, т. е. нас интересует межкультурная коммуникация в широком смысле.

В понятии «межкультурная коммуникация» такие концепты, как «культура» и «коммуникация», неразделимы и взаимосвязаны, в процессе коммуникации актанты демонстрируют свою культуру, культура обогащает содержание коммуникации и ограничивает ее форму.

Н. Л. Шамне считает, что «момент “межкультурности” проявляется, прежде всего, в различии культурных аппаратов участников коммуникации. Это различие может затрагивать структуры знания, формы поведения, языковые средства и по-разному в них проявляться» [3].

По мнению Л. А. Самовара и Р. Е. Портера, межкультурная коммуникация — это «коммуникация между людьми, у которых культурное восприятие символических систем различно» [3].

Чжоу Сяобин, китайский ученый в сфере обучения китайскому языку как иностранному, в своей работе пишет, что «межкультурная коммуникация — очень сложное явление. В процессе обучения китайскому языку как иностранному должно обращать особое внимание на современную китайскую коммуникативную культуру, особенно на языковую коммуникативную культуру» [7, 123]. Он указывает также на то, что в процессе обучения китайскому языку как иностранному обучение коммуникативной культуре считается главным, а обучение культуре знания — второстепенным. Что же такое коммуникативная культура и культура знания?

Коммуникативная культура — это языковая или неязыковая культура, которая непосредственно влияет на коммуникацию и может стать причиной недоразумения или конфликта при общении людей, принадлежащих к разным культурам. Под языковой коммуникативной культурой обычно понимают специфические особенности фонетики, лексики и фразеологии [7, 121]. Например, при общении с не очень знакомыми людьми китайцы могут задавать такие вопросы: «Кем работаете?», «Сколько вам лет?», «Женат?» (или «Замужем?»), «Как здоровье у родителей?». У знакомых они спрашивают: «Куда ты идешь?» Те иностранцы, которые не знают китайскую культуру, чувствуют себя не очень хорошо, потому что считают, что это их личное дело, и это не касается других людей. Еще китайцы любят спрашивать: «Поел(а)?» Для иностранцев этот вопрос кажется странным.

На самом деле китайцев не интересует, поел или нет их собеседник, просто они хотят найти какую-то тему, чтобы было легче начать общение. Это можно сравнить с вопросами европейцев о погоде или с традиционным вопросом русских: «Как дела?»

Неязыковая коммуникация — это коммуникация с помощью движения или жестов [7, 121]. Например, китайцы часто жестикулируют руками, чтобы назвать цифры, поэтому русских студентов нужно не только научить произносить и писать цифры, но и показать, как их передать с помощью жестикуляции.

Культура знания — это культура, которая влияет на коммуникацию представителей разных культур не прямо, а косвенно, но может стать причиной недоразумения в процессе коммуникации [7, 121]. Поэтому люди, которые только начали изучать китайский язык, должны иметь представление о главных достижениях Древнего Китая (Великий шелковый путь, китайская религия, конфуцианство, китайская архитектура и т. д.).

В процессе обучения китайскому языку как иностранному не следует рассматривать культуру знания как главную, необходимо понимать, что знаниевый компонент здесь играет второстепенную роль. Главная цель обучения китайскому языку как иностранному — научить студентов владеть китайским языком и соответствующей культурой, а также сформировать навыки ведения коммуникации на китайском языке. Поэтому на начальном этапе обучения следует уделять больше внимания коммуникативной культуре (распространенные способы приветствия, поздравления и пожеланий; привычки и обычаи в повседневной жизни и т. д.).

Для китайцев семья играет очень важную роль в жизни, поэтому в китайском языке существуют определенная система обращений к родственникам, а также большое количество слов, которые выражают разные отношения между членами семьи. В русском языке таких слов сравнительно меньше, потому что в нем одно и то же слово может выражать разные отношения между родственниками. Например, для обращения к сестрам родителей в китайском языке есть два слова: 姑 (сестра папы) и 姨 (сестра мамы), а в русском языке только одно слово «тетя»; для обращения к братьям родителей в китайском языке есть три слова: 伯 (старший брат папы), 叔 (младший брат папы) и 舅 (брат мамы), а в русском языке только одно слово «дядя»; для обращения к сыновьям братьев и сестер в китайском языке есть слова 侄子 (сын брата) и 外甥 (сын сестры), а в русском языке только одно слово «племянник». Эта разница показывает, что, по сравнению с русскими, китайцы больше внимания обращают на кровное родство, различие в возрасте и соблюдают субординацию в отношениях между поколениями. Не понимая данной особенности китайской культуры, русские студенты при общении на китайском языке часто путают эти слова, что подтверждает тот факт, что языковое обучение без обучения культуре невозможно.

Чжао Цун полагает, что «каждая страна в мире имеет свою особенную народную культуру, которая является конкретным проявлением межкультурного фактора. Разные народные культуры позволяют людям по-разному относиться к одной и той же вещи и говорить на разных языках, что препятствует коммуникации» [6, 113]. По мнению Чжао Цун, «народная культура означает народные нравы и обычаи, которые тесно связаны с жизнью народа, создание и развитие

любого языка невозможно без народной культуры» [6, 112]. Гао Цзяньхуа в своей работе также пишет, что «для того, чтобы жить и развиваться, языку необходимо иметь свою культурную основу и культурную форму» [4, 29].

Ф. Хинненкампа в своих исследованиях отмечает, что «совместное владение культурой облегчает коммуникацию, различное владение культурой усложняет ее» [3]. Так как основная цель обучения иностранному языку — это обучение коммуникации на данном языке, очень важным компонентом в обучении китайскому языку как иностранному является преподавание китайской культуры. Какие культурные аспекты нужно учитывать при обучении китайскому языку?

Культура содержится в языковой структуре. Способы образования иероглифов, слов, словосочетаний, предложений и текстов отражают особенности китайской культуры, психологическую модель и образ мышления китайского народа.

Китайские иероглифы, в которых соединяются произношение, форма и значение, сильно отличаются от русского алфавита. В их основе лежит образное мышление. Объяснение формы иероглифов, их культурного содержания и особенностей мышления китайского народа делает занятия живее и интереснее. Например, иероглиф «木» означает «дерево», его верхняя часть — ветви и ствол, его нижняя часть — корень. Объяснение образной особенности этого иероглифа помогает студентам запомнить его форму. «林» означает «лес», в котором много деревьев. По форме «林» состоит из двух «木». В Китае даже есть пословица «独木不成林», которая переводится как «одно дерево не может стать лесом», и эта метафора означает, что силы одного человека недостаточно, чтобы достичь успеха, человеку всегда необходима помощь других людей. После объяснения студенты смогут отличить эти два иероглифа и прочувствовать мудрость китайского народа.

В китайском языке есть такие слова, как «不好不坏» (не хороший, но и не плохой), «不高不矮» (не высокий, но и не низкий), «不胖不瘦» (не толстый, но и не худой), «不大不小» (не большой, но и не маленький) и т. п., это в основном прилагательные, которые отрицают две крайности и сохраняют среднюю часть или среднее состояние. Эти слова передают психологическое состояние китайского народа — «Чжун юн» (учение о середине).

Культура также отражается и в правилах прагматики. Лю Сэнь, Ли Чжэньшунань в своей работе подчеркивают, что «прагматика является главным содержанием развития языковой коммуникативной способности, одним из важных аспектов исследования межкультурной коммуникации». По их мнению, прагматическое поведение людей ограничено их собственными культурными рамками. Например, в разных культурах правила выражения заявления, запроса, извинения, требования, отказа, подчеркивания и т. д. разные [5, 47].

В качестве примера приведем формы обращения, приветствия и прощания, которые часто употребляются в русском и китайском языках.

1. Обращение. При разговоре китайцы обычно не называют партнера по имени. В китайском языке есть особая система обращений, используемая при общении между представителями разных поколений, представителями разных слоев общества, ближними и дальними родственниками в семье. В китайском

языке можно найти почти все соответствующие обращения к разным людям. Например, обращение к родственникам: «姐姐» (старшая сестра), «姐夫» (муж старшей сестры), «叔叔» (дядя), «婶婶» (жена дяди) и т. д.; обращение к людям в должности учителя или профессора: «老师» (учитель, преподаватель), «教授» (профессор). В случае если знаешь фамилию учителя или профессора, то можно указать фамилию перед должностью, например, «王老师» (преподаватель Ван), «李教授» (профессор Ли). Такая же языковая логика применима и к названиям других профессий, например: инженер (工程师) или управляющий, менеджер (经理). Если знаешь фамилию человека, то можно также указать ее при обращении, например: 韩工程师 (инженер Хань) или 陈经理 (управляющий Чэнь).

В русском языке нет таких сложных обращений. Обычно русские обращаются друг к другу по имени и отчеству, близкие друзья называют друг друга по имени. В китайской культуре обращение к людям по имени, которые старше по возрасту или по чину, считается невежливым и неприличным. При объяснении данной темы нужно обратить на это внимание.

2. Приветствие. В китайском языке приветствие «你好!» (Здравствуйте!) используется только в официальном случае, при знакомстве или если люди не очень хорошо знают друг друга. Для приветствия чаще всего используются некоторые вопросы, которые задают в зависимости от ситуации. Обычно задающие вопрос уже заранее знают на него ответ, и ответ собеседника не требуется. Например: «散步呐?» (Гуляешь?), «去吃饭啊?» (Есть идешь?), «去上班啊?» (Идешь на работу?) и т. п. Иногда близким людям задают более личные вопросы, например: «最近怎么样?» (Как ты за последнее время?), «做什么呢?» (Что делаешь?), «去哪儿啊?» (Куда ты?), «和谁啊?» (С кем?). Это не значит, что китаец интересуется личной жизнью других людей, он просто таким образом выражает приветствие и заботу. Не зная данных особенностей, иностранцам, в том числе и русским, трудно понять такое поведение китайцев, иногда это кажется им странным, так как не входит в их понятие так называемой «языковой нормы».

3. Прощание. В китайском языке, кроме «再见!» (До свидания!), иногда используются фразы «慢走!» (Иди(те) медленно!), «路上小心!» (Осторожно в пути!), выражающие особую заботу. Также можно услышать такие фразы: «有空常来啊!» (Приходи(те) чаще в свободное время!), «欢迎下次光临» — как приглашение. Сейчас, под влиянием английского языка, молодые люди очень часто говорят «拜拜» (англ. Bye-bye) при прощании.

Процесс обучения русских студентов китайскому языку тесно связан с народной культурой, это процесс медленного и системного изучения народной культуры Китая, процесс общения русской и китайской культур. Чтобы повысить роль межкультурных факторов в обучении китайскому языку как иностранному, нужно обратить внимание на следующие важные методические положения:

1. Повышение уровня межкультурной коммуникативной компетенции преподавателей и их способности к обучению.

Помочь студентам повысить уровень культурного сознания при овладении китайским языком — это важная задача обучения китайскому языку как иностранному. Для выполнения этой задачи преподаватель должен сначала повысить

уровень своего культурного сознания, хорошо знать особенности языковой культуры китайского народа, различия между данными двумя культурами и возможные языковые и культурные конфликты, которые могут возникнуть в ходе взаимодействия русских и китайских студентов.

Преподаватель китайского языка как иностранного должен любить и хорошо понимать китайскую культуру, что позволит ему привить обучающимся любовь и интерес к данной культуре. Кроме этого преподаватель должен объективно и с научной точки зрения оценивать достоинства и недостатки китайской культуры. Из-за отличий русской и китайской культуры студенты могут иметь свое мнение о китайской культуре, может быть, ошибочное. Сталкиваясь с этим, преподаватель должен разрешить проблему и при этом дать возможность каждому студенту высказать свое мнение, а не навязывать свою точку зрения. Таким образом он поможет студентам удачно пройти период культурной адаптации и получить эффективный результат от обучения.

2. Повышение уровня межкультурного коммуникативного сознания у студентов, изучающих китайский язык. Русские студенты, которые изучают китайский язык как иностранный, должны стремиться повышать уровень своего межкультурного коммуникативного сознания. Если студенты не знают особенностей культуры страны изучаемого языка, то это отрицательно влияет и на изучение самого языка.

Студенты должны не только изучать лексику и грамматику китайского языка, но и понимать их межкультурную основу. Например, студенты могут знать значение какого-нибудь слова без контекста, но когда это слово находится в конкретном контексте и его значение изменяется, студенты уже не могут понять его. В данной ситуации контекст является не только языковым, но и культурным.

3. Увеличение доли тренировочных упражнений по межкультурным знаниям в учебнике «Китайский язык как иностранный».

В большинстве существующих учебников обычно делается акцент только на тренировку языкового умения, а развитие межкультурной коммуникативной компетенции остается без внимания. Так как Китай все чаще взаимодействует с разными странами мира, китайская межкультурная коммуникация также меняется, но многие учебники не отражают этих изменений. Например, если говорить о теме «Приветствие», то в учебниках по китайскому языку очень часто можно найти выражения, которые уже не соответствуют особенностям современной китайской коммуникативной культуры. Некоторые учебники в выборе культурной опоры склоняются к западным образцам. В качестве примера приведем следующий диалог:

А: — 你好! (Здравствуй!)

Б: — 你好! (Здравствуй!)

А: — 你好吗? (Как ты?)

Б: — 我很好, 谢谢。你呢? (Я хорошо, спасибо! А ты?)

А: — 我也很好, 谢谢! (Я тоже, спасибо!)

Б: — 再见! (До свидания!)

А: — 再见! (До свидания!)

Этот диалог хорошо понимают и легко запоминают русские студенты, так как они обычно говорят именно так, но в китайской речи нет таких выражений. Подобные учебники не помогают развивать у студентов межкультурную коммуникативную компетенцию.

Межкультурные знания существуют во всех аспектах жизни. В процессе обучения китайскому языку как иностранному необходимо изучать лексику и грамматику, применимую в реальной жизни. С помощью Интернета разные народы становятся ближе. В последнее время все больше китайцев приезжают в Россию как туристы или учиться, что дает русским студентам возможность общаться с носителями китайского языка, не приезжая в Китай. Преподаватель может способствовать тому, чтобы студенты больше общались с китайцами не только по Интернету, но и в реальной жизни. Таким образом студенты смогут применить свои знания на практике.

С развитием китайской экономики китайская народная культура также претерпевает сильные изменения, правила обучения китайскому языку, конечно, тоже меняются. Скорость составления учебников всегда медленнее скорости развития общества. Необходимо давать возможность студентам, изучающим китайский язык, знакомиться с настоящей китайской культурой, учитывая культурные изменения в обществе. Только так студенты смогут понять современную китайскую народную культуру.

Таким образом, с ростом интереса к изучению китайского языка в мире повышение качества и эффективности обучения китайскому языку как иностранному стало актуальной проблемой в научной сфере. Язык в своей основе содержит культуру, которая создавалась в ходе многовекового процесса развития данного народа. Трудность межкультурной коммуникации обычно проявляется именно в культурном аспекте. Поэтому исследование особенностей обучения китайскому языку как иностранному с точки зрения межкультурной коммуникации поможет студентам в изучении китайского языка, а также будет способствовать повышению уровня их межкультурной коммуникативной компетенции.

1. *Галинская И. Л.* Мультикультурализм и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] // Культурология. 2005. № 4 (35). С. 6–10. URL:<http://elibrary.ru/item.asp?id=9082567> (дата обращения: 19.09.2016).

2. *Самосенкова Т. В.* Межкультурная коммуникация и культура речи в обучении иностранных студентов-филологов [Электронный ресурс] // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 4. С. 57–20. URL:<http://elibrary.ru/item.asp?id=11611434> (дата обращения: 18.09.2016).

3. *Шамте Н. Л.* Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий [Электронный ресурс] // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2 : Языкознание. 2003. № 3. С. 73–80. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11670921> (дата обращения: 18.09.2016).

4. 高剑华. 对外汉语教学中的跨文化意识 // 教育科学. 2007. 第23卷, 第5期. 页数: 29-32.

5. 刘森 李正栓. 对外汉语教学与跨文化研究 // 云南师范大学学报. 2003. 第1卷, 第1期. 页数: 44-48.

6. 赵聪. 跨文化视阈下的对外汉语教学 // 湖州师范学院学报. 2014. 第36卷, 第1期. 页数: 112-116.

7. 周小兵. 对外汉语教学中的跨文化交际 // 中山大学学报(社会科学版). 1996. 第6期. 页数: 118-124.

Статья поступила в редакцию 17.10.2016 г.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

В одном из номеров нашего журнала была опубликована статья В. А. Дорошенко и В. В. Запария о необычной судьбе известного писателя Л. Гумилевского, создателя новаторского направления в советской научно-технической литературе. Недавно авторы столкнулись с новой информацией о влиянии писателя, как ни странно, на одно из самых обсуждаемых явлений в истории СССР XX в. — кампанию по борьбе с «космополитизмом». В связи с этим возникла идея еще одной публикации, предлагаемой вашему вниманию.

УДК 94(470)“19/...” + 323(470)“19...” + 62

**В. А. Дорошенко
В. В. Запарий**

ОБ ИСТОКАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ КАМПАНИИ ПО БОРЬБЕ С «КОСМОПОЛИТИЗМОМ» В СССР В 1940-е гг.

В статье показано влияние работ писателя Л. Гумилевского на смену акцентов культурной политики Сталина. Раскрывается роль научного и инженерного творчества в формировании государственной политики в 1940-е гг.

Ключевые слова: политика; СССР; Л. Гумилевский; П. Л. Капица; научно-техническая литература.

В 2007 г., уже четвертым изданием, в Челябинске вышла книга Г. И. Торбеева и П. Г. Свечникова под названием «Сталин: правда и вымыслы (штрихи к политическому портрету)» [12]. Авторы анонсируют, что «в книге на основе документальных источников разоблачаются всевозможные *черные мифы* (курсив наш. — Авт.)

ДОРОШЕНКО Виктор Александрович — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Viktor.dorosh2013@yandex.ru).

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории науки и техники Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: zap@mail.ru).

© Дорошенко В. А., Запарий В. В., 2017

о жизни и деятельности одного из самых выдающихся государственных деятелей XX века». По их мнению, «...Сталин принадлежит к числу тех великих исторических личностей, которые навечно остаются значительными явлениями и для последующих поколений. Поэтому есть повод для того, чтобы высказаться о том времени и о своем отношении к личности такого масштаба, как Сталин» [12, 3].

Несомненно, что на том историческом этапе именно Сталин определял внешнюю и внутреннюю политику СССР, и в основном единолично. Тем не менее важно попытаться выявить события и факторы, внешние и внутривнутриполитические, которые могли бы повлиять на решения такого тоталитарного лидера, как И. В. Сталин. Ведь даже самый всемогущий правитель действует в определенной социально-политической среде, которую он создает (или пытается сформировать) в государстве. Как справедливо заметил В. Кожин, «движение истории определяется не замыслами и волеизъявлениями каких-либо лиц (пусть и обладавших громадной властью), а сложнейшим и противоречивым взаимодействием различных общественных сил, и “вожди” в конечном счете только “реагируют” — притом обычно с определенным опозданием — на объективно сложившуюся в стране — и в мире в целом — ситуацию» [6, 191].

Среди лавины обвинений, обрушенных на Иосифа Виссарионовича антисталинистами — от Н. Хрущева до нынешних либерал-демократов, одним из наиболее муссируемых в диссидентско-интеллигентской среде является обвинение в организации во второй половине 1940-х гг. кампании по борьбе с «космополитизмом» в культуре, образовании и науке. Она рассматривается как главная в ряду послевоенных идейно-политических кампаний, развернутых по указанию Сталина с целью подавления инакомыслия советской интеллигенции, предотвращения роста прозападных настроений в условиях разворачивающейся «холодной войны». При этом основной упор делается на антисемитский характер кампании, направленной якобы прежде всего против советских евреев [7].

Несомненно, названная кампания, как любая идеологическая кампания в любом государстве, сопровождалась бессмысленными гонениями и жертвами, перегибами и извращениями, абсурдными обвинениями и печальными последствиями. (Вспомним, например, «обезьяний процесс» в США в XIX в. против преподавания учения Ч. Дарвина в американских школах). Однако следует проанализировать объективные причины и обстоятельства запуска кампании и ее главные цели и направления в контексте тогдашних политических и экономических реалий.

Прежде всего, следует разграничить два разных вектора этого мероприятия: 1) борьба с «низкопоклонством» перед Западом советских ученых и инженеров и 2) борьба с «безродными космополитами» среди деятелей искусства и литературы [3]. В рамках данной статьи мы не будем рассматривать второе направление, поскольку оно исследовано с достаточной полнотой и с разных позиций. Для историков науки и техники, исследующих индустриально-технологические аспекты развития государства, формирование его хозяйственно-экономического базиса как определяющего [5], первая цель представляется более существенной и значимой. По нашему мнению, именно она явилась своего рода «спусковым крючком» всей кампании.

В работе Торбеева и Свечникова упоминается, что начиная с 1936 г. выдающийся физик Петр Леонидович Капица постоянно писал письма Сталину с различного рода советами и предложениями. И хотя ответа он на них не получал, упорно продолжал писать и «советовать». Но в январе 1946 г., когда Капица послал вождю очередную депешу и к ней была приложена рукопись книги писателя Льва Гумилевского «Русские инженеры», ситуация изменилась. В письме ученый указывал, что «...большое число крупнейших инженерных начинаний зарождалось у нас, но реализовывались они, как правило, за границей... Причина неиспользования новаторства в том, что мы обычно недооценивали свое и переоценивали чужое». Известный физик утверждал, что «...нужно верить в свои таланты, в таланты наших ученых и инженеров, а не преклоняться перед иностранными специалистами», что «...потенциал нашего народа велик и на него можно смело положиться» [12, 529]. Об оценке Капицей самой книги Гумилевского мы писали ранее [4]; напомним здесь, что не менее высокую оценку книге дал и другой крупный ученый — академик И. П. Бардин.

Неожиданно Сталин на это письмо Капицы ответил. «Все ваши письма получил. В письмах много поучительного. Думаю, как-нибудь встретиться с вами и побеседовать о них. Что касается книги Гумилевского “Русские инженеры”, то она очень интересная и будет издана в скором времени».

И книга действительно вышла в 1947 г. Но реальный подтекст данного события иной. Несомненно, что Сталин не ограничился доброжелательным ответом П. Л. Капице. В это же время секретарь ЦК А. А. Жданов вызвал к себе писателя А. Поповского и сказал тому: «Партия считает, что история, преподавание науки и техники в нашей стране — в совершенно неудовлетворительном состоянии. Люди заканчивают школу и вузы в убеждении, что отечественные умельцы и ученые ни на что не годны, что они могут лишь плохо копировать достижения западных коллег. Это *низкопоклонство*, этот комплекс неполноценности перед всем западным должен быть преодолен. Соответствующие указания вузам, редакциям и Академии наук уже даны. Вам поручается составить план *литературной кампании* по простой и доходчивой пропаганде *подлинной, а не искаженной западными фальсификаторами и их отечественными прислужниками истории науки и техники* (курсив наш. — Авт.). Составьте список тем, план выпуска соответствующих книг, наметьте авторов. Все издательства получают соответствующие указания» [8].

Следует заметить, что еще до войны позиция Сталина и руководства страны была иной, вполне прагматичной: новейшей технике и технологиям мы должны учиться у Запада, прежде всего у Германии и США. Цель была ясна: преодолеть технико-технологическое отставание от индустриально развитых стран. Однако подобная установка, реализуемая тогда при обучении в вузах и на производственной практике, постепенно вырабатывала у будущих инженеров сугубо потребительскую психологию, не стимулировала собственные поиски и научно-техническое творчество, а главное — ставила промышленность СССР в кабальную зависимость от импортных технологий. П. Л. Капица же в своем письме, опираясь на книгу Гумилевского, настаивал на другом подходе: хватит быть иждивенцами у Запада, пора и самим стать создателями собственной научно-технической базы.

Почему же был «услышан» именно этот призыв великого физика? Во-первых, он сам с 1921 по 1934 г. жил и работал в лаборатории Резерфорда в Кембридже, поэтому мог со знанием дела сопоставлять научные потенциалы советских ученых и их западных коллег: не прислушаться к такому авторитетному мнению не мог даже сам «вождь народов». Но главное, Сталину не давали покоя монопольное обладание США атомной бомбой и резкое изменение бывшими союзниками их политического курса после завершения войны — на конфронтацию с СССР. Он возможно и не знал, что с подачи главного «советофоба» Запада Уинстона Черчилля в штабах США и Англии разрабатывается вполне конкретный план нападения на ослабленный войной, истощенный Советский Союз (пока тот не восстановил свою экономику) с применением атомного оружия (под красноречивым названием «Немыслимое!»). Но Сталин прекрасно осознавал, что такой вариант был бы вполне в русле англосаксонской политики. Тем более что американцы отказывались принимать Международную конвенцию о запрещении ядерных вооружений и не шли на обмен с Советским Союзом научно-технической информацией по атомным технологиям.

Чтобы заставить американцев поделиться секретами, руководство СССР попыталось заинтересовать их нашими открытиями в других областях, например в медицине. В апреле 1946 г. было принято Постановление Секретариата ЦК о господдержке исследований профессоров Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина в области биотерапии онкологических заболеваний. За месяц до этого ученые сообщили на собрании Академии медицинских наук СССР (АМН) о том, что им удалось получить эффективный противораковый препарат. Эта сенсационная новость облетела весь мир. Новый препарат воспринимался как панацея от всех онкологических заболеваний, и прежде всего вызванных радиоактивностью. В Центральном институте эпидемиологии, микробиологии и инфекционных заболеваний АМН намечено было создать специальную лабораторию, которую предполагалось оснастить новейшим американским оборудованием. Для этого был приглашен посол США У. Б. Смит, а 6 июня Клюевой и Роскину официально объявили в Министерстве здравоохранения СССР о начале советско-американского сотрудничества по данной теме.

В расчете на то, что заинтересованность американцев в данной работе может стать обменным товаром для доступа к их атомным секретам, было принято решение отправить в США секретаря АМН СССР академика В. В. Парина, которому были переданы текст работы Клюевой и Роскина вместе с ампулами препарата. Одновременно в СССР были приглашены издатель американского медицинского журнала Р. Лесли и президент американско-советского медицинского общества С. Смит, которым было разрешено (в порядке научного обмена) посетить один из закрытых НИИ. Полагая, что вопрос о сотрудничестве с американцами практически решен, В. В. Парин по указанию замминистра здравоохранения передал рукопись и ампулы с препаратом Клюевой и Роскина американским врачам. Но вскоре стало понятно, что американцы не собираются делиться своими атомными секретами. Сотрудничество в них в области медицины также было свернуто, а за промах партийных функционеров наказали ученых: В. В. Парина осудили на

25 лет тюрьмы, а Клюева и Роскин после проработки на так называемом «суде чести» хоть и отделались лишь выговором, но вскоре из сферы науки исчезли.

После войны советское правительство рассчитывало на дальнейшее экономическое сотрудничество со своими западными союзниками, которое было для нас крайне необходимым. Велись переговоры об участии СССР в плане Маршалла. И по лендлизу Америка должна была до 1947 г. поставлять в СССР технику и материалы. Но на Западе испугались того огромного влияния, которое приобрел СССР и лично И. Сталин после победного завершения войны.

В этих условиях, конечно, бывшие «друзья-союзники» старались не допустить участия СССР в плане Маршалла и не стремились к экономическому и политическому сотрудничеству.

К тому же для раскрученного в годы войны военно-промышленного комплекса (ВПК) США и Англии необходимо было пугало «большого и страшного врага», существование которого давало бы возможность наращивать военный бюджет, развивать наукоемкие военные технологии, расширять рынки торговли оружием, приносящей баснословные барыши. Поэтому уже в конце войны разрабатывались планы об использовании пленных немецких солдат и офицеров против «этих озверевших русских» в местах, в которых фашисты недавно воевали и которые они, естественно, прекрасно знали. Предполагалось сбросить атомные бомбы на десятки объектов на территории СССР (тогда еще союзника!) для тотального разрушения всей промышленной инфраструктуры страны.

Именно поэтому неугомонный Черчилль в своей «Фултонской речи» (5 марта 1946 г.) открыто и настойчиво подстрекал США к военной конфронтации с СССР.

К этому моменту Сталин уже четко осознал, что никакой помощи и поддержки со стороны Запада СССР не получит и что советскому народу нужно вновь напрягать все силы, чтобы достичь хотя бы военного паритета с лидером западного мира — США. Поэтому в задаче, которую вождь поставил в 1947 г. (борьба с «низкопоклонством» перед Западом), было не столько идеологии, сколько озабоченности ситуацией в естественных и технических науках в СССР. Ученым предстояло решить чрезвычайную задачу — осуществить невероятный научно-технологический прорыв. Это подтверждает речь Сталина перед руководством Союза писателей 13 мая 1947 г., содержание которой записал Константин Симонов: «А вот есть такая тема, которая очень важна, которой нужно, чтобы заинтересовались писатели... Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров... У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников... Почему мы хуже? В чем дело?.. Надо бороться с духом самоуничужения...» (цит. по: [6]).

Любопытно, что Симонов через тридцать с лишним лет, в 1979 г., оценивая слова Сталина, заявил, что «в самой идее о необходимости борьбы с самоуничужением, с ощущением нестопроцентности, неоправданным преклонением перед чужим в сочетании с забвением собственного, здоровое зерно тогда, весной сорок седьмого года, разумеется, было. Элементы всего этого реально существовали и проявлялись в обществе, возникшая духовная опасность не была выдумкой» [Там же]. Вряд ли

он знал, что вождь пересказывал по сути, мысли П. Л. Капицы, придавая им значимость программного заявления об изменении линии партии — не копирование чужого опыта, а опора на собственные силы, на развитие национального научно-технического потенциала.

Почему же промышленно-экономическая и научно-техническая по направленности кампания, организованная Сталиным под лозунгом «Против пресмыкательства перед границей!», почти одновременно развернулась и в области идеологии, культуры и искусства? К тому же со зловещим национально-антисемитским окрасом... Полагаем, что дело во всесии идеологии.

Во всех тоталитарных государствах (теократия, диктатура, партократия и т. д.) идеологии придается гипертрофированное, первостепенное значение. Идеология в них совмещает образовательно-воспитательные, юридические и управленческо-хозяйственные функции. Поэтому партаппарат в СССР обладал уникальной властью, причем закрепленной законодательно, в основном законе государства — Конституции: «Партия — руководящая и направляющая сила советского общества!..» Естественно, любая задача государственного масштаба и значимости начиналась с идеологической подготовки, с обработки ее проводников и носителей — писателей, журналистов, деятелей культуры. Поэтому Сталин начинает свою кампанию с выступления не перед хозяйственным и промышленным активом, а перед писателями. А Жданов — главный идеолог партии — вначале готовит, так сказать, «производственно-идеологический базис» (ставя перед О. Поповским задачу — создать программу научно-технического и научно-популярного просвещения молодежи путем издания соответствующей литературы) и одновременно становится инициатором Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.), где подвергаются критике популярные, но весьма независимые А. Ахматова и М. Зощенко. Он же в 1948 г. запускает в оборот уничижительный (а в тех условиях, по сути, *уничтожительный*) ярлык «безродный космополит», навешиваемый на работников культуры или науки, усомнившихся в линии партии или ориентирующихся на всемирный характер науки, искусства. Космополитизм стал как бы синонимом низкопоклонства перед Западом или, хуже, предпосылкой для предательства интересов собственной страны.

В 1948 г. в редакционной статье журнала «Вопросы философии» уже дается партийно-политическое обоснование необходимости непримиримой борьбы с проявлениями космополитизма во всех областях [8]. «Космополитизм проповедует нигилистическое отношение человека к своей национальности — к ее прошлому, ее настоящему и будущему... Особая политическая актуальность борьбы против идеологии космополитизма связана в настоящее время с тем обстоятельством, что реакционный американский империализм сделал космополитизм своим идеологическим знаменем». Прямое указание рассматривать космополитизм как форму антипатриотизма было дано руководителем Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ф. Александровым в статье «Космополитизм — идеология империалистической буржуазии» [9]. «Антипатриоты, — писал он, — выступают под флагом космополитизма, потому что под ним удобнее всего... ликвидировать национальный суверенитет отдельных стран». Автор отнес к космополитам

П. Н. Милюкова, левых эсеров и левых коммунистов, «врагов народа» Пятакова, Бухарина, Троцкого, а также «лютых врагов социалистического отечества»: шпионов и диверсантов, предателей, перебежчиков и т. д.

Почему же эти две кампании, имеющие, казалось бы, мало общего, так тесно переплелись в СССР и хронологически, и по методам осуществления?

На наш взгляд, глубинная причина одна — стремление США к установлению своего мирового господства всеми возможными способами — от культурно-рейдерского до военно-оккупационного. Причем застрельщицей обычно выступала их историческая и духовная прародительница — Англия. Актуальность борьбы против идеологии космополитизма нарастала по мере появления на Западе всевозможных «проектов объединения народов и государств». Во время войны Черчилль предлагал объединить Англию и Францию. После войны он активно проталкивал идею замены ООН англо-американским союзом и поддерживал создание «Соединенных штатов Европы» (разумеется, под американско-английским протекторатом). Министр иностранных дел Англии Э. Бевин в 1945 г. предложил создание «мировой ассамблеи, избранной прямо народами мира в целом», а в западной прессе утверждалась «неизбежность создания мирового правительства», даже если для этого придется начать «третью мировую войну»(!).

Политику холодной войны против СССР поддержал и Б. Рассел (английский философ и известный пацифист), он выступал за мировое господство Соединенных Штатов Америки и даже считал необходимым заставить СССР под угрозой атомных ударов подчиниться диктату США [10]. В 1948 г. он заявил, что если СССР продолжит свою агрессию в Восточной Европе, то с моральной точки зрения будет правильнее начать войну до того, как СССР обзаведется атомной бомбой, ибо в войне против СССР, еще не имеющего атомного оружия, победа Запада будет более быстрой и бескровной. Сразу после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, с 1945 по 1948 г., Рассел писал письма и публиковал статьи в газетах, недвусмысленно утверждая, что морально оправданно и правильно начать войну против СССР с применением атомного оружия, пока у СССР нет атомной бомбы, а у США есть. Лишь когда СССР испытал атомную бомбу, Рассел изменил свою позицию и стал выступать за полный запрет ядерного оружия.

В конце войны в США возникло общественное движение за создание «всемирного правительства», к которому в сентябре 1945 г. примкнул знаменитый физик Альберт Эйнштейн. Он заявил, что единственный способ спасти человечество — это создать мировое правительство, решения которого станут обязательными для всех государств — членов сообщества наций. В сентябре 1947 г. в письме государствам — членам ООН он предлагает превратить Генеральную Ассамблею ООН в постоянно действующий мировой парламент, обладающий более широкими полномочиями, чем Совет Безопасности, деятельность которого полупарализована «правом вето» его членов. Крупнейшие советские ученые С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, А. А. Фрумкин выразили категорическое несогласие с Эйнштейном. «Наш народ, — писали они, — отстоял свою независимость в великих битвах Отечественной войны, а теперь ему предлагается поступиться ею во имя некоего “всемирного правительства”, *прикрывающего громко звучащей*

вывеской “мировое господство монополий” (курсив наш. — Авт.)» [2, 43]. В ответном письме Эйнштейн назвал «мифологией» страхи перед господством монополий, а неприятие идеи «сверхгосударства» — тенденцией к «бегству в изоляционизм», якобы особенно опасной для Советского Союза, «где правительство имеет власть не только над вооруженными силами, но и над всеми каналами образования, информации, а также над экономическим существованием каждого гражданина» [9, 178].

Резюмируя, можно вполне согласиться с мнением А. Вдовина, что «...кампания по борьбе с космополитизмом была направлена не только против претензий США на мировое господство под новыми лозунгами. Она противостояла также возникавшим на Западе новым проектам, нацеленным на разрушение советского патриотизма и замене его “общечеловеческими ценностями”... К началу 1949 г. в проповеди космополитизма объединились представители самых разных сил западного мира — от папы римского до правых социалистов» [3, 5]. В СССР в этом усматривали создание единого фронта против Советского Союза и стран новой демократии.

Что касается антисемитского уклона, имевшего, к сожалению, место в данной кампании, то он достаточно подробно исследован в многочисленных работах как зарубежных политологов, так и отечественных. По нашему мнению, наиболее взвешенная позиция представлена в книге академика И. Р. Шафаревича «Русский вопрос» [13]. Добавим лишь два многозначительных факта. Сам вдохновитель кампании П. Л. Капица через пару лет угодил под метлу «космополитизма» и лишился директорского кресла в своем институте, в то же время больше половины ученых — лауреатов Сталинских премий, создавших ядерный щит нашей державы, были евреями, но это не мешало Сталину высоко и справедливо оценивать их заслуги.

1. Александров Г. Ф. Космополитизм — идеология империалистической буржуазии // *Вопр. философии*. 1948. № 3. С. 178–186.

2. Вавилов С. И. и др. О некоторых заблуждениях профессора Альберта Эйнштейна // *Новое время*. 1947. № 48. С. 15–17.

3. Вдовин А. «Низкопоклонники» и «космополиты» // *Наш современник*. 2007. № 1. С. 29–34.

4. Дорошенко В. А., Запарий В. В. «Второй литературный путь» Льва Гумилевского: от проблем сексуальной этики к истории науки и техники // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2016. № 1(147). С. 185–194.

5. Запарий В. В., Личман Б. В., Нефедов С. А. Технологическая интерпретация новой истории России // *Регион-Урал (Екатеринбург)*. 1999. № 12. С. 49–57.

6. Кожин В. В. *Правда сталинских репрессий*. М., 2016. 306 с.

7. Мартиросян А. Б. Сталин после войны. 1945–1953 гг. Миф. № 177: В силу своего антисемитизма Сталин инициировал в СССР борьбу с «безродными космополитами» [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/99199/32/Martirosyan_1_Stalin_posle_voiny_1945_-1953_gody.html (дата обращения: 29.06.2016).

8. Миронин С. С. Зачем Сталин начал борьбу с космополитизмом [Электронный ресурс] // *Золотой Лев: [изд. рус. консерватив. мысли]*. № 162. URL: http://www.zlev.ru/162/162_8.htm (дата обращения: 29.06.2016).

9. О беззаботности в политике и упорстве в заблуждениях (по поводу ответа проф. Эйнштейна) // Новое время. 1948. № 11. С. 14–15.
10. Против буржуазной идеологии космополитизма // Вопр. философии. 1948. № 2. С. 14–18.
11. *Перегудов С. П.* Антивоенное движение в Англии и лейбористская партия (1957–1968). М., 1969. 247 с.
12. *Торбеев Г. И., Свечников П. Г.* Сталин: правда и вымыслы (штрихи к политическому портрету). 4-е изд., доп. и перераб. Челябинск, 2007. 606 с.
13. *Шафаревич И. Р.* Русский вопрос. М., 2009. 992 с.

Статья поступила в редакцию 04.10.2016 г.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Е. В. Олешко

ГАЗЕТА КАК АРТЕФАКТ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Рец. на кн.: Как сохранить читателя: Опыт газет России / рук. проекта В. Касютин. — М. : Изд-во Союза журналистов РФ, 2016. — 264 с.

Книга, вышедшая в серии «Библиотека журнала “Журналистика и медиарынок”», уникальна по многим причинам.

Во-первых, она вышла в свет в период, когда пессимисты-практики предрекают скорый конец печатным СМИ и спорят лишь по поводу того, произойдет ли это в 2035 г. или чуть ранее (*Мирошниченко А.* Когда умрут газеты. М. : Книж. мир, 2011), а оптимисты-практики, напротив, не так часто находят аргументы, чтобы опровергнуть подобные нападки (*Шириков А.* 8 причин, почему газеты не умрут [Электронный ресурс]. URL : <http://slon.ru/biz/1014202/> (дата обращения: 12.10.2016)).

Во-вторых, уже в предисловии к этой книге можно получить ответ на интригующий вопрос, который задаешь себе, лишь взглянув на ее подзаголовок: что могло сподвигнуть людей открыто представить «свои наработки, по сути, конкурентам в информационном обществе, где нет сегодня территориальных границ?» — «Уж ни в коем случае не желание “прославиться” или “утереть нос”. И вспомнилось классическое определение диалектики развития: “Если у вас есть одно яблоко, и у меня есть одно яблоко. Вы мне его отдали, следовательно, у меня два яблока — у вас ни одного. А если мы обменялись идеями — то у нас их стало по две у каждого”. Значит, обмен творческими, маркетинговыми, технологическими идеями и есть залог развития журналистики в целом и, в частности, отдельных по-настоящему талантливых ее представителей» (с. 6).

ОЛЕШКО Евгений Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: fury_rebel@mail.ru).

© Олешко Е. В., 2017

И в-третьих, надо обладать достаточной смелостью, чтобы в информационную эпоху найти аргументы и противопоставить социальную природу журналистики сугубо коммерческим целям изданий, о чем как о первостепенной задаче выживания СМИ нередко можно услышать на различного рода учебных семинарах работников массмедиа.

В-четвертых, руководитель данного проекта секретарь Союза журналистов РФ В. Л. Касютин считает, что именно «пресса обязана искать ответы и на болезненные вопросы, не впадая в истерию и агрессию, свойственную многим телевизионным шоу и интернет-ресурсам. Привлекая к размышлениям мудрых и душевных читателей» (с. 47). И с ним трудно не согласиться. Но поскольку данное мнение весьма дискуссионное, сразу захотелось найти в тексте соответствующие аргументы.

Впрочем, книга позволяет «войти в тему» социальных преобразований при посредстве периодических изданий, что называется, без разведки. И обусловлено это четкой логикой изложения, чему способствовала своего рода «обкатка» некоторых текстов в журнале «Журналистика и медиарынок», поскольку в выходных данных указано, что данный сборник представлен как издание его «Библиотеки». Поэтому заместитель редактора Михаил Вяткин в первом разделе книги акцентировал внимание на проблеме выполнения региональными СМИ новых социальных функций, в том числе и в условиях освоения мультимедийными редакциями интернет-пространства. А во втором разделе главный редактор журнала Владимир Касютин, что называется, «по полочкам» разложил составляющие лидеров — тех, кто победил в конкурсе «10 лучших газет России 2015 года». И аргументация при этом им была использована нестандартная — не просто представление лучших, по мнению жюри, текстов или описание организованных редакциями кампаний и акций, а анализ контента под таким углом зрения: «За какую информацию, напечатанную на бумаге, люди пока еще готовы отдавать деньги? За ту, что приносит пользу или вызывает эмоции? Попробуем поставить галочки на полосах участников конкурса» (с. 30). В третьем же разделе опытом делятся уже сами руководители печатных СМИ.

Подобный формат издания, на мой взгляд, имеет несколько преимуществ: сочетание общеметодологических компонентов анализа медиареальности с практическими, обобщение опыта в пределах общероссийского медийного пространства и, самое главное, конкретизация всего тематического диапазона современной эффективной деятельности региональных СМИ. К тому же несомненным достоинством данной книги является то, что она написана ясным живым языком и вместе с тем в большинстве случаев сохранен авторский стиль изложения. В качестве примера приведем «пассаж» Юрия Алаева из Республики Татарстан: «В прошедшем году я сделал доброе дело по крайней мере для одного человека и тихо горжусь этим...» (с. 58). Или другой фрагмент. Юлия Голышкина пишет: «Нет ничего опаснее однообразия. Для корреспондента оно подобно пытке. Скучает автор, увязнув в трясине повторяющихся дат, событий, и вслед за ним в зевоте сводит скулы у его читателя. Вдохновение дарят, конечно, неординарные люди, незаезженные темы. Искать их в небольшом городе Мичуринске Тамбовской области на первый взгляд непросто...» (с. 64).

Но при всем при том книга получилась отнюдь не местнической. Ее содержание выстроено в едином структурно-понятийном формате: все публикации в практической части имеют в заголовке единый стилиевой зачин «Как...». К примеру: «Как мы приближали газету к реальной жизни», «Как мы возвращали читательский интерес», «Как мы сражались за качественную медицину», «Как мы реанимировали городской музей» и т. д. Согласитесь, что тематика каждой публикации при этом не просто понятная и прикладная, это своего рода «инструкция», что можно и нужно делать в ситуации энтропии, неопределенности методов и способов творческой деятельности или борьбы с бюрократией властных структур.

Последнее обстоятельство представлено здесь, пожалуй, наиболее ярко. Так, Олеся Василькова из Амурской области, рассказывая, «Как мы добились строительства нового моста», вспоминает: «После серии публикаций в газете “Зейские огни” про разрушенный мост в селе Нижние Бузули глава района в беседе с коллегами сказал, что мои попытки помочь сельчанам его веселят. Однако как бы он ни веселился, на проблему удалось обратить внимание областных правоохранительных органов, а также экологов. Через несколько месяцев все-таки мы вместе с сельчанами добились строительства нормального моста вместо насыпи из мусора стоимостью почти 4 миллиона рублей» (с. 87).

Вообще, в общеметодологическом плане данное издание может быть полезно не только студентам и преподавателям факультетов и отделений журналистики и связей с общественностью. Для социологов книга может быть интересна с точки зрения фиксации многих предметных фактов «теории повседневности», для политологов и политтехнологов — как описание эффективных предвыборных практик. Правда, авторы вряд ли ставили такого рода задачи. Для них «сражение за качественную медицину» в Пермском крае или «поиск родителей для сироты» в Приамурье, «пристраивание бездомных» в Ямало-Ненецком автономном округе — не более чем повседневная журналистская работа. Но именно это и есть те «маленькие шажки» к формированию авторитета у большинства людей и «серьезному усилению позиций в конкурентной борьбе с другими массмедиа», о которых рассказывает в публикации «Как мы стали первыми в регионе» Олег Копылов из широко известного в России своими социальными проектами Издательского дома «Алтапресс» (с. 168–173).

Не оставлена без внимания и актуальная тематика использования газетчиками мобильных технологий информационного обмена. Ведь социальные сети создают интерактивные технологии нового типа, в которых лидерство журналистов в формировании общественного мнения опирается прежде всего на бренд издания и собственную авторскую репутацию. Только это способно сформировать соответствующий уровень доверия со стороны активных пользователей Интернета. Это, в частности, подтверждает на красноречивых примерах Анастасия Анзорова из Кирова, рассказывающая о технологии получения «океана новостей» от постоянных сетевых партнеров и блогеров (с. 142–147).

Каждый текст в книге, повторим, обладает как своего рода технологическим, так и нравственно-этическим потенциалом. В нем содержится не просто опыт,

но и исповедально-личностные размышления о судьбе профессии и в целом — о судьбе журналистики как социального института. Вывод большинства публикаций заключается в том, что в настоящее время меняются и все более совершенствуются каналы передачи информации, но искусство, именно искусство текстотворчества, способность сопереживания и эмпатии, свойственные лучшим представителям медийной профессии, востребованы и будут востребованы во все времена.

Такого рода издания сегодня на вес золота и по той причине, что не только обладают качествами, способствующими научению, но и, как точно резюмируется в предисловии, с большей долей вероятности могут пробудить инициативу «у тех, кто не хочет работать “по старинке” или используя только известное. Это отражает и суть профессиональной культуры современных журналистов, стремящихся перейти от частного к общему, от монолога к широкому диалогу со все более требовательной к текстам аудиторией» (с. 7).

Стоит ли читать эту книгу? Нет, не стоит. Ее нужно предлагать как учебное пособие всем, кто заинтересован в познании секретов сохранения газеты как важнейшего артефакта и в информационную эпоху. К тому же она способствует развитию творческого мышления, позволяя по-новому взглянуть на окружающий социальный мир, в котором ты не просто виртуальный наблюдатель при посредстве Глобальной сети, но его преобразователь и реальный помощник людям.

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

- Ilina O. V., Halutornyh E. A.* Discursive Practices of Regional Identification of Russians in the Media texts (on the Example of the Kungur District «Iskra» Newspaper)5
- The identity is being understood as a discursive phenomenon. The following thematic areas of regional identification are defined: geographical, historical, cultural, and personal. Authors analyse speaker's position in relation to the identification. It is proved that regional identity interacts with the national and civil identity through discursive practices of inclusion (part / whole).
- Key words:** regional identity; national and civil identity; discursive practices; identification; the Russian language.
- Yufereva A. S.* Media Convergence as the Process of Formation New Strategic Options for Mass Media .14
- This article shows media convergence as a crucial factor of creating of new technologies for a promotion of mass media. Author pays great attention to the new means of communication. It plays a major role in the process of consolidation of invisible assets of mass media. This study deals with the examples regarding the use of technologies of communication. In particular, the ways of use of corporate press are investigated in detail. This enables us to understand how additional channels of communication facilitate effective functioning of mass media.
- Key words:** media convergence; integrated communications; mass communication; corporate press.
- Antropova V. A., Zinovyev I. V.* Christian Television in Russia: the Experience of the Orthodox Channel «Soyuz».....24
- The article presents the history of Christian television in the United States and Russia in a nutshell. The author discusses the activities of Orthodox TV channel «Soyuz» in detail. The Orthodox TV is regarded as the one opposed to the entertainment TV. The authors studied the images of TV anchors, topics and content of the programs of TV channel «Soyuz». The paper analyzes the image of the Orthodox priest as a TV anchor.
- Key words:** Christian TV; Orthodox TV programs in Russia; Orthodox TV channel «Soyuz»; the image of the TV anchor; an Orthodox priest on TV.
- Astashova O. I.* National and Civil Identity of Russians in Religious Media Discourse.....33
- The article studies the discursive concept – the «Russians» content as exemplified in Patriarch Kirill's speech. The thematic directions of identifications and their discursive practices are revealed. The main factor of identity construction is subjective position of the Russian Orthodox Church.
- Key words:** identity; identification; Russians; discursive practices; religious discourse; political discourse; media discourse.
- Golousova E. S., Dranitsina K. G.* The Migrant Crisis Coverage by the Global Photo Agencies41
- The article analyses the coverage of the European migration crisis by the three photo agencies: Associated Press (AP), European Pressphoto Agency (EPA), and TASS Photo. The authors use content analysis of images for the search query «refugees» on the sites of these agencies. The main types of the news stories, their predominance

in the publications referring to the each agency, and the specific features of agencies in coverage of this issue were identified. The authors concluded that Associated Press and TASS Photo provided more objective coverage of the crisis, as compared to the views of EPA agency, which seems to be more biased.

Key words: European migration crisis; refugees; photography; photo agency.

Bulevskaya S. A. Gender Stereotypes in Glossy Magazines for Men: Publication Format and Specific Image of the Perfect Mman47

This paper examines the stereotypes of masculinity of the modern male community in glossy magazines for men and their peculiarities. The given definition of the gender stereotype describes main types of men's images in modern culture. The paper analyses media texts from "Esquire" (85 publications), "MAXIM" (120 publications) and "Men's Health" (264 publications). The author made an attempt to identify the reconstructed image of the ideal man of our time.

Key words: Journalism; content analysis; gender; gender stereotypes; glossy magazine for men; the image of men; masculinity; perfect man.

Vashchuk M. A. To the Issue of Gender Features of Sports Photojournalism55

The article deals with the gender features of modern sports photojournalism. The author examines the differences in picturing men and women; the possibility of using different approaches and their relevance to the modern sports editions. The author describes in detail the reasons why only a few women are engaged in sport photography. For example, the Olympic games in Sochi showed that women and men can perform all editorial tasks on the same level. According to the results of the personal interviews, the author concludes that the main reason that caused such a phenomenon could be the fact that this type of activity does not appear to be a primary source of income, which means that there are more possibilities in the choice of employment format.

Key words: photography; mass media; sport; history; sports photojournalism; gender features.

Litovskaya E. V. Using the Image of the "Patsan" in the Culinary Discourse: Based on the Material of the Culinary Community "Patsan's Recipes (Nazhorka 18+)"62

This article discusses the features of the history of the formation of modern image of "patsan" and the particular use of the image in atypical for it discursive field of culinary text. Particular attention is paid to the identification of the most peculiar features of the image, which are reflected in the receipts. It identifies the main mechanism of formation of the image in the food blog "patsanski recipes: Nazhorka 18+". It also analyses the reason of the blog's unpopularity despite the high level of interest towards the culinary issues in the Russian Internet.

Key words: blogosphere; "patsan"; food blogs; culinary discourse.

Galkina J. M. The Creation of French Propaganda System in Russia During the First World War (1915–1916)68

The article considers the process of creation of the French Service of propaganda in Russia during the First World War. The necessity of this service was explained by the presence of the constant crisis in terms of inter-allied cooperation between Russia and France and reflected the process of seeking of new forms of interaction with the society. It also became an innovation in the area of total war. The author considers the creation of such new Service in the context of the all-French tendencies of the reorganization information systems. This article is based on the original documents of the Historical Service of the French Ministry of Defence and the archive of the Ministry of Foreign Affairs of France.

Key words: First World War; propaganda; censorship; press.

PSYCHOLOGY

Yurtaeva M. N., Glukhanyuk N. S. The Capability of Research of the Construct "Tolerance to Uncertainty" in Psychology74

The article includes theoretical and methodological approaches to research of tolerance to uncertainty. The main tendencies of its transformations and implementation in the sphere of cultural studies, education, human resource

management, psychological health are discussed. The abilities of further research of tolerance to uncertainty are presented.

Key words: tolerance of uncertainty; dispositional theory; narrative; cross-cultural traits of the personality; decision making.

Lyubyakin A. A., Pavlova T. The Research of Subjective Wellbeing and Tolerance of Students80

The article is dedicated to the research of interrelation between subjective wellbeing and tolerance, conducted on the sample of students. Both subjective wellbeing and tolerance of students were measured by multiple techniques. The result of the research had shown, that it is more accurate to talk not about the interrelation of subjective wellbeing and tolerance as one, but as the interrelation between subjective wellbeing and different types of tolerance.

Key words: subjective wellbeing; tolerance; types of tolerance; intolerance; the interrelation between subjective wellbeing and tolerance.

Chalikova O. S. Personal Predictors of Professional Success for Technical Professionals86

The article presents the results of the study of personality predictors of professional success of experts of JSC "Ural Electrochemical Plant". A comparative analysis of the level of structural and diagnostic parameters for 16 PF and MMPI methods in two contrasting groups of "successful professionals" and "unsuccessful specialists" was performed. The findings suggest that some indicators of personality questionnaires can not be regarded as self-contained diagnostic criteria for predicting the success of professional work. Professional success predictors are the symptoms' combinations of personal traits.

Key words: professional success; predictors of professional success; work performance; successful professionals; unsuccessful experts.

Wilhelm A.M., Wilhelm A.V. The Study of Students' Views and Opinions of the Teacher's Communicative Culture93

In the article, the students' views and opinions of the teacher's communicative culture and its levels in the pedagogical process are analysed. As a result of the research it has been revealed that the levels of communicative ignorance are the easiest for students to differentiate, while differentiation of other levels (cognizance, competence and creativity) may seem to be problematic. The students' conceptions of the types of pedagogical communicative behaviour have also been studied to demonstrate that clear pictures of constructive and destructive types of teacher's behaviour are settled in the minds of students. After comparison of the results of different techniques, it was revealed that in the students' minds destructive behaviour is associated with the level of communicational ignorance, while no certain connection of constructive behaviour with high levels of communicative culture was found.

Key words: teacher's communicative culture; pedagogical communicative culture; students' views and opinions of the levels of teachers' communicative culture; students' conception of the types of pedagogical communicative behaviour.

CULTURE STUDIES

Likhacheva L. S., Nesterovskaya E. V. Experts' Attitudes Towards Normative Boundaries and Gender Aspects of Contemporary Artworks: based on the Sociological Study102

The article studies the issue of objectivity as it marks out the expert community's evaluation of artworks. According to the proposed argument, experts' perception of artworks is significantly influenced by normative conventions. Based on the results of the sociological study, we analyse the channels of perception and the criteria used by the Ekaterinburg expert community in evaluating artworks, detailing the experts' attitudes towards normative boundaries and gender aspects reflected in the works of contemporary professional art.

Key words: expert evaluation; expert community; normativity; normative boundaries; gender normativity; contemporary professional art.

Golovneva E. V., Golovnev I. A. The Image of Siberia in the Cinematographic Narrative: Approach of Constructivism 114

The article is based on methodology of constructivism and aims at exploring the process of formation of the image of Siberia, which is represented via cinematography. The authors came to conclusion that on-screen representation of Siberia forced the film-makers to elaborate the peculiar approaches, scenario plots and characters. The mechanism of constructing the image of Siberia bears an idea of Siberian natural diversity, Siberian soul, representation of Siberia as a frozen region, the place of active and brave people as well as space for heroic spirit and collectivism.

Key words: image of Siberia; Soviet cinema; constructing; Siberian identity; Siberia; narrative.

Ulitina N. M. The Mysteries of Human Being in Social and Cultural Context of Mikhail Lermontov's Works 124

In this article, Lermontov's works are studies in terms of their cultural component. Here you can find an attempt of analysing his moral and philosophical beliefs about basic problems of human being such as an uniqueness of personality, a transcendental learning of the world, an unguardedness and a finitude of existence, loneliness, a border of freedom and lawlessness, self-examination, relations between human beings and God, life and death, good and evil, etc.

Key words: XIX century culture; social and cultural context; literary creation; mysteries of human existence; philosophy of art; existential problems of personality.

Stepanova T. M., Stepanov A. V. Iconics: Laws of Composition 133

The article offers a new approach to the visual imagery productive simulation, which highlighted the natural and prescriptive. It also refers to a number of concepts that complement the existing concepts of visual art theory.

Key words: iconics; natural and prescriptive rules of composition; attractiveness; structural equilibrium; variety and novelty.

Kimeyeva T. I. The Method of Collecting Materials Depending on the Art Heritage of Indigenous Peoples of the Pritomye Region: the End of XIX — the Beginning of XXI Centuries 142

The author studies the methods of forming the museum collections of historical and cultural heritage of the small-numbered indigenous peoples of Pritomye region. Based on the collected data, the author for the first time identified routes and forwarding charges, researched the history of museum collections on the culture of the shore peoples in more than twenty museums of Russia: St. Petersburg, Tomsk, Omsk, Novosibirsk, cities of Kuzbass. The author explains the reasons of activity and decline of collecting activities in different chronological periods — from the late nineteenth to the twentieth centuries. The author also explains the methods of formation of museum collections in different historical periods — from the late nineteenth century to the present day.

Key words: museum; collection; traditional culture; artistic heritage.

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Shuklina Ye. A., Pevnaya M. V. Higher Education Institute of Employers: Efficiency Problems of Interinstitutional Interactions 155

The author observes the efficiency problems of modern Russian model of higher education development, examines the nature of interinstitutional interaction between higher education and employers institute, raises the question of the need to find the nonlinear resources of development. Such areas as the interinstitutional cooperation, training, retraining of enterprises employees; hiring/employment of college graduates; innovative network interaction «high school — employers' Institute» are determined in the article on the basis of secondary information.

Key words: higher education; employers institute; inter-institutional cooperation; non-linear model of education.

 THE EASTERN MERIDIAN

Korneyeva L. I., Ma R. Intercultural Communication in Teaching Chinese as a Foreign Language164

The article is devoted to intercultural communication in teaching Chinese to the Russian students. The author discusses the concepts of “intercultural communication”, “communicative culture”, etc. from the point of view of Russian and Chinese scientists, represents the cultural aspects that need to be considered when teaching the Chinese language; marks out the main methodical provisions that increase the role of intercultural factors in teaching Chinese as a foreign language.

K e y w o r d s: intercultural communication; intercultural awareness; teaching Chinese as a foreign language; folk culture; communicative culture.

POINT OF VIEW

Doroshenko V. A., Zapariy V. V. About the Origins and Consequences of the “Fight Cosmopolitanism” Campaign in the Soviet Union in 1940-s171

The article describes the influence of the works of the writer L. Gumilevsky on the change of emphasis of the cultural policy of Stalin. The author shows the influence of scientific and engineering creativity on the public policy in the 1940-s.

K e y w o r d s: politics; USSR; L. Gumilevsky; P. Kapitsa; scientific and technical literature.

BOOK REVIEWS

Oleshko E. V. Newspaper as an Artefact of the Modern Communication Space. Book Review180

How to keep your reader engaged. Experience of the Russian newspapers / Head Vladimir Kasyutin project. — M. : Publishing house of the e Russian Union of Journalists, 2016. — 264 p.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2017. Т. 23
№ 1 (159)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чанаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 28.02.2017. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 15,6. Усл. печ. л. 15,76. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 63.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, журнал публикует статьи по трем отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.00. **Литературоведение**); 24.00.00. **Культурология**; 19.00.00. **Психологические науки**. Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу) и **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>). Статьи без анкеты не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редколлегия обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлекцией, печатаются бесплатно.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5—7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58—112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8—10.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906—1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

12. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX—XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56—64.

13. *Smyth A.* Nationalism and modernism [Electronic resource]. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

1. ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

2. РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Excel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).

Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru